

АЛЕКСАНДР ЦЗИ

ТИМ

Первая Волна превратила миллионы людей по всему миру в Буйных, рушащих все вокруг.

Во время Второй бесчисленные толпы ушли из городов, влекомые Дьявольской Музыкой, и пропали без вести.

Третья превратила оставшихся в Оборотней.

Но еще остались Бродяги — те, кто унаследовал пустую землю.

Один из таких Бродяг — шестнадцатилетний Тим — отправляется в долгое путешествие искать ответ на вопрос: кто или что уничтожило человеческую цивилизацию?

Глава 1. Родители

Ужинали мы, как обычно, вместе, за одним столом, на кухне. Отец — справа от двери, наверное, по привычке: как раз напротив на стене висел телек. Правда, сейчас он был выключен, смысла включать не было. Мать — спиной к двери. Я — спиной к телеку и лицом к отцу.

Мать приготовила борщ — вполне себе наваристый и годный, только мясо жестковатое, хотя варилось часа два, не меньше. Если вообразить, что это старая говядина, то ничего еда. Хлеб был еще теплым — мама сама его пекла раз в два-три дня. Сметаны не хватало, но не всё же сразу...

Перед родителями тоже стояли полные тарелки, но, пока я наворачивал за обе щеки, оба не притронулись к еде. Сидели, улыбались немного смущенно. Я старался не замечать этих улыбок. Когда я встану из-за стола и уйду в свою комнату, мать аккуратно выльет содержимое их с отцом тарелок обратно в кастрюлю, а кастрюлю, как остынет, поставит в холодильник.

Я им как-то уже говорил, что не стоит ломать передо мной комедию. Я ж и так знаю, что есть они не будут. Но отец забормотал, что традиции надо соблюдать. Какие традиции? Семейные?

— А дни-то все длиннее, — нарушил молчание отец, поглядев в окно. Там, за полупрозрачными занавесками, над городскими высотками заходило красное солнце. Его расплавленный диск перечеркивали веретенообразные облака, небрежно размазанные по тускнеющему небу.

— Так апрель уже, — поддакнул я, вымакивая куском хлеба остатки еды.

— Теплеет, — вздохнув, сказала мама. — Скоро лето. Самое время для путешествий...

— Каких путешествий? — не понял я.

— Загородных прогулок, например, — прищурился отец.

Я уставился на него. Он не отвел взгляда, но улыбка пропала. Я хмыкнул:

— Как же я вас-то брошу?

— Ну так... Ты уже взрослый, шестнадцать лет...

— Не в этом дело, — отрезал я.

Вмешалась мама:

— Ты ведь все понимаешь, Тима, сынок. Рано или поздно...

— Скорее поздно, чем рано, — снова перебил я. — Вы тоже все понимаете. Мне еще рано уходить. Я понимаю, лучше это сделать летом, когда тепло, но так ведь лето еще не настало, верно?

— Верно, — согласилась мать.

— Вот и отлично. — Я тоже кинул взгляд за окно. Огненный шар удивительно быстро уходил за горизонт. Пора спешить. — Ладно. Чая не надо, я воды попью у себя в комнате. Пойду, зубы почищу...

Когда вышел из ванной, в темном коридоре наткнулся на мать. Вздрыгнул.

— Ты чего, ма?

— Ничего, — смутилась та. — Ты дверь не забудь закрыть, хорошо?

— Не забуду, — заворчал я.

Прошел в свою комнату, включил лампу, осветившую привычный бардак: кучу книг на

столе и кровати, полуразобранный радиоприемник, рацию и набор бит, ножей и ружье. Патронов к этому ружью найти больше не удавалось, хотя я облазил весь город.

Мать продолжала стоять на пороге, теребя пояс домашнего халата.

— Спокойной ночи, — бодро сказал я.

Она радостно и виновато улыбнулась.

Не переступая порога, я чуть наклонился и поцеловал ее в щеку. Щека была холодная. Потом я закрыл перед ней тяжелую металлическую дверь, задвинул несколько задвижек, щелкнул замком. В двери имелся глазок, закрытый пробкой. Я сделал движение — хотел вынуть пробку и выглянуть в коридор, посмотреть, там ли мать, но не осмелился.

И так понятно, что там.

Некоторое время я безуспешно пытался починить приемник, потом бросил. Зачем? Надеюсь поймать передачу? Почитал книжки, думая о другом. В последнее время литературный вымысел только раздражал. Раньше у меня был ворох книг по маркетингу, успешному менеджменту, всякие пособия по тому, как разбогатеть, особо не напрягаясь, но их я выбросил вместе с прочим хламом. Я мечтал поступить на финансовый, но теперь мечтам не суждено сбыться.

Вымышленные истории хоть развлекают, а эта макулатура ни тогда, ни сейчас никому никакой пользы не принесла.

Я выключил свет, тщательно занавесил окна, наощупь нашел под подушкой беруши и засунул в уши. Спать с ними неудобно, но все же лучше, чем слушать то, что будет происходить ночью.

Утром встал рано, как и всегда. Некогда залеживаться, когда есть важные дела.

Завтрак приготовил отец: омлет из яичного и молочного порошков. Мать копошилась в их с отцом спальне, убиралась с утра пораньше... как и каждый день.

— Я насчет нашего вчерашнего разговора, — заговорил отец. — Уходить тебе надо. С нами тебя ничего хорошего не ждет.

Я со стуком поставил кружку с кофе на стол.

— А где меня ждет хорошее?

Отец не ступевался, ответил:

— Там, где такие же, как и ты.

— Никто не знает, сколько осталось таких, как я, — ядовито произнес я. — И в кучу мы не сбиваемся, не Буйные. Все — гордые одиночки, друг с дружкой как кошка с собакой. А еды у нас еще на три месяца хватит, так что не беспокойся.

— Я и не беспокоюсь...

— А! — Меня якобы осенило. — Вы с мамой о себе беспокоитесь? Я вам еды тоже найду, не впервой.

— Это неправильно, — прошептал отец. Губы у него побелели.

— Это ты сейчас так думаешь. Ночью будешь думать иначе.

— Я не о еде! — повысил голос отец. — Когда кончится еда... твоя еда... через три месяца — что будешь делать? Осень придет, куда по холодам пойдешь? Так-то уж есть какой-никакой шанс найти своих. А мы с мамой... мы сами не знаем, что с нами будет через несколько ночей. Всё меняется, понимаешь, Тим? Всё! И мы это понимаем. Однажды мы сможем выйти из дома... Или железную дверь сломать...

Я допил кофе с напускным спокойствием.

— Ладно, я понял. Приду домой, поговорим об этом всерьез.

Отец улыбнулся жалкой улыбкой.

Я оделся и вышел из квартиры. Огляделся на лестничной площадке. Соседская дверь напрочь отсутствовала, один проем, в квартире — ни звука. Я знал, что квартира пустует уже несколько месяцев, как и все остальные квартиры нашего дома. Когда-то я не поленился — обошел все до единой квартиры. Нигде ни души, следов мародеров тоже нет. Вода и свет всюду были. Я обчистил холодильники, собрал все съедобное и еще не испорченное. Деньги, драгоценности, ноутбуки и прочее в том же духе не тронул. Такое добро сейчас никому не нужно. Взял я только пару бит и вполне себе боевую саблю, найденную в одной из квартир. Пригодятся.

Спустился по лестнице с десятого этажа — лифт, несмотря на бесперебойное электричество, почему-то не работал со Дня Икс. Ну и хрен с ним — пешком прогуляться и для здоровья полезнее, и для жизни. В лифте-то не видно, кто тебя может ждать за открывающимися дверями. Вдруг Буйный подстерегает? А на лестнице ты всегда готов к неожиданностям.

Я, к примеру, по привычке на каждом этаже выглядывал в подъездные окна. На улице — тишь да гладь. Если не обращать внимания на перевернутые и сгоревшие машины на перекрестке, можно и вовсе решить, что всё по-прежнему, по-старому...

Хотя нет. В прежнем мире по улицам сновали бы прохожие, машины бы ездили, сигналили, водители бы переругивались. Суета бы была.

А теперь никто не суетится. Некому.

На первом этаже было тихо и темно: окон здесь не предусматривалось. Я некоторое время прислушивался к тишине на улице, прильнув ухом к входной стальной двери, затем всунул со скрежетом длинный ключ в скважину, повернул. Дверь открылась. Я вышел на улицу и тщательно запер дверь. Гостей мы не ждем.

Я сразу взял курс на район, который неофициально назывался “Тайвань”. Понятия не имею, почему. Поблизости я обшарил все магазины, супермаркеты, квартиры и подвалы. И не только я. В центре и вовсе делать нечего — там всё сгорело после Первой Волны, когда Буйные чуть не разрушили весь город. А мародеры добились.

А еще потом такие, как я, растащили остатки съестного.

Денек выдался ничего себе, солнечный, безветренный, чуть прохладный, но уже чувствовалась весна. Я шел быстро — в куртке с капюшоном, джинсах, удобных кроссовках, за спиной рюкзак, в руке бита, на поясе под курткой — финский нож. Еще один нож, поменьше, скорее, стилет, а не нож, запряган на голени под брючиной. Допустим, меня схватят, отнимут оружие... Я выхвачу этот ножичек и перережу пару глоток, прежде чем меня самого выпотрошат... М-да, пользы от него мало, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

Двигался я по середине улицы, между замерших навеки машин, поглядывая на разбитые витрины, всяческий мусор на обочинах. Нельзя расслабляться: Буйные в спячке, зашкерились в разных темных местечках, спят, но от любого сильного шума проснутся, нападут.

Из-за них-то нельзя какую-нибудь тачку завести и смотаться куда подальше. Такая толпа набежит — мало не покажется. Да и не проехать через эти застывшие пробки. Разве что на танке...

По улицам деловито шныряли голуби и воробьи. Непугаными стали, на меня — ноль внимания. Ходят себе, круглыми глазками зыркают, дрищут где не попадя. Хотя голуби и в

прежнем мере дристали где ни попадя. Это хорошо, что они наглые, поймать проще... Но не сейчас, на обратном пути... Пару раз я заметил охотившуюся на голубей кошку. Судя по торчащим ребрам, в охоте ей не везло.

Кошка — это ерунда. Вот на свору оголодавших собак наткнуться — это проблема. Однажды я спрятался от них в подъезде одного дома, но когда-то милые собачены караулили меня чуть ли не до ночи, рычали, зубами скрежетали. Самое удивительное — не лаяли. Быстро научились шум не поднимать! Не горел я желанием остаться в неизвестном подъезде на ночь... Бррр! Но собаки, похоже, сами испугались наступления темноты, убрались восвояси. А я вышел и помчался домой в сумерках во всю прыть. Родители места себе не находили. Впустили меня в квартиру, сразу заставили запереться в комнате, где был ужин — изрядно остывший...

Успел я тогда в последний момент.

Дошел до Тайваня примерно через пару часов, никого не повстречав. Один раз услышал какой-то грохот в глубине сгоревшего здания, выяснять не стал. Прошел мимо магазина бытовой техники, завернул в супермаркет “Магнит” — там на первом этаже продовольственный отдел.

Прежде чем войти через полураздвинутые стеклянные двери, долго всматривался внутрь. Там горели светодиодные лампы, освещали выстроившиеся ровные ряды полок. Кассы были, понятное дело, пусты, однако сомневаться не приходится: кассовые аппараты работают исправно, можно даже чек выбить, если приспичит. Перед входом сразу за стеклянными дверями — несколько разноцветных банкоматов. Нетронутые. Это в первое время, сразу после Первой Волны мародеры банкоматы взламывали, кассы обчищали. Потом даже самые тупые доперли, что смысла брать деньги нет. Сейчас банкнотами разве что подтереться можно или косяк свернуть. Хотя и для того, и другого плотная денежная бумага не особо годится.

Я протиснулся боком в дверь, осторожно направился вглубь магазина. Здесь народ уже побывал, много чего утащил, а полки со спиртными напитками и вовсе пустые. Несмотря на то, что холодильники исправно работали все эти месяцы, колбасы, сыры, мясо и прочее скоропортящееся давно испортилось. Вся эта ссохшаяся и позеленевшая жратва лежала на своих местах, покрытая инеем или льдом. Крупы, макароны, мюсли и бич-пакеты с полок испарились.

В дальнем углу с бытовой химией давным-давно перевернули полки, там громоздилась куча туалетной бумаги, рулонов бумажных полотенец, отбеливателей, средств для мытья посуды. На полу — грязные следы. Видать, заходили, когда на улице еще снег лежал.

Я грустно побродил между полупустыми полками. Ничего полезного, одна ерунда вроде лака для волос, молоточков для отбивания мяса, геля для душа и мыла. Всего этого добра я насобирав в первые дни на несколько лет вперед. Мне еда нужна — не мыло же жрать!

На улице хрустнул камень, раздались голоса, и я, не оборачиваясь, нырнул под укрытие большого морозильника с заледеневшими пельменями и крабовыми палочками. Звук был очень тихий, но слух у меня развился, как у летучей мыши, тем более что было очень тихо. У Буйных слух намного хуже, и слава яйцам. Они только на очень громкий звук реагируют. Зато как!

— Да ты задрал уже, Витя, — протянул женский голос. На самом деле она сказала не “задрал”, а другое слово, покрепче. Голос молодой, но с хрипотцой, будто орала много или курила. — Чё те вечно не нравится?

— Характер твой долбанутый не нравится, — пробурчал мужской голос, тоже молодой. Этот тип тоже сказал не “долбанутый”, а кое-что поядренее. — Выпендриваешься, когда не надо... Вот че ты сюда заперлась, а? Сто пудов обшмонали этот магаз, че тут делать?

— А ты жрать хочешь, Витя? Вот то-то. Меня от кошатины тошнит уже.

“Не тебя одну”, — хмыкнул я про себя. Погладил битую, осторожно выглянул из-за морозильника.

Так и есть. Парочка салаг, чуть старше меня. Длинный дрищ в испачканной глиной куртке — валялся он на земле, что ли? — и девка в песочно-желтом пальто. У нее, кажется, молоток в руке, у него — арматурина, обмотанная синей изолентой.

Парень принялся ворчать, вспоминать какой-то вчерашний случай, когда они по прихоти девки зашли куда-то, и их чуть не пришибли Буйные. Вот если бы она послушала умного человека!

Девка расхохоталась — не слишком громко, но язвительно. Это Витя-то умный человек? Ничтожество.

Витя оскорбился и обматерил девку, та в долгу не осталась. Послышалась возня, кряхтение, сопение, смачный шлепок, и Витя зашипел от злости. Я снова выглянул: Витя держался за щеку и шепотом материл девку.

— Чтоб ты сдохла, — пожелал он. — Всё, я пошел. За мной побежишь — зарежу.

— Не побегу, — спокойно, хоть и задыхаясь, ответила девка.

Витя, не оглядываясь, прошагал в дверям, вышел на улицу, повернул налево. Исчез из виду.

Девка долго вслед ему не смотрела — видимо, действительно не жаждала быть с ним. Принялась ходить между полок с таким невозмутимым видом, словно шопилась еще до Дня Икс.

Я сидел за морозильником и думал, как поступить. Было бы отлично, если она сейчас поймет, что ловить здесь нечего, и уйдет. А потом и я уберусь подобру-поздорову. Не люблю общаться с другими Бродягами вроде меня. Мы все одиночки по своей сути. В большие компании если и сбиваемся, то ненадолго. Сейчас каждый думает только о себе, любимом, ни за кого жопу рвать не будет. Вот и эти двое, наверное, сошлись совсем недавно, перепихнуться, поговорить, когда скучно станет, а сейчас уже надоели друг дружке.

Но девка и не думала уходить. По всей видимости, сильно проголодалась — мечтала хоть что-то найти. Потихоньку приближалась ко мне. Возле морозильника остановилась, в двух шагах от меня. Я сидел как мышка. Слышал, как она отодвинула прозрачную крышку, принялась копать среди пельменей, шуршать целлофаном, выковыривать пакеты изо льда, ругаясь сквозь зубы. Пакеты вмерзли намертво, и девка подключила молоток. Удар... Еще удар... Она завозилась, тянула что-то. И вот — резкий звук, и пакет свалился прямо возле меня, лопнув и рассыпав мелкие желтые пельмешки по грязному кафелю.

Вот ведь дерьмо! Я вскочил на ноги и нос к носу столкнулся с девкой.

Для нее выскочивший невесть откуда человек явился полной неожиданностью. Она вытаращила глаза, разинула рот, чтоб заорать. Я приложил палец к губам, зашипел — мол, тихо ты!

Она и вправду не заорала. Развернулась и побежала к выходу мимо поваленной полки. Не представляю, что она подумала; наверное, что я собирался на нее напасть. Или что я — Буйный. Хотя Буйные не стали бы прикладывать палец к губам. Пролетела она мимо поваленной полки и споткнулась обо что-то. Со всего размаху, пискнув, повалилась на грудь

туалетной бумаги и прочего хлама.

— Вот дура! — в сердцах пробормотал я. На душе отлегло. Пусть бежит, пусть валит, куда хочет. А я пойду своей дорогой. Меньше соблазна...

И тут произошло что-то неожиданное. Куча хлама будто взорвалась, из-под нее выскочила темная фигура и заревела, загоготала, заулюлюкала. Грязный, здоровый, бородатый тип в вязаной шапке, грязной куртке, в перчатках без пальцев.

Буйный!

Я узнал в нем Буйного не только по фирменному улюлюканью, но и по бешено сверкающим глазам. Судя по всему, он находился в режиме сна под этим мусором. Сам замаскировался, что ли? С Буйных станется.

Буйный вцепился в завизжавшую девку обеими руками, подтянул к себе, врезал по лицу.

Тут бы мне валить отсюда куда подальше. Но нет — накатило на меня то ли геройство, то ли дебилизм. Набросился на Буйного, заколотил его битой со всей дури...

Вероятно, я все-таки правильно поступил. Шум привлек бы других Буйных, а хрен знает, сколько их прячется в этом супермаркете. Соберется толпа — костей не соберу. И уйти будет трудно. Шум от толпы потихоньку соберет Орду. А Орда Буйных не скоро рассосется — дотемна точно домой не попаду.

После второго удара рожа Буйного превратилась в кровавое месиво с торчащими в разные стороны зубами и осколками лицевых костей. Буйный упал, задергался, а я еще угостил его несколько раз, размозжив башку в кашу.

— Пойдем! — приказал я девке, как сраный супергерой, и побежал к выходу. Она молча поспешила следом.

На улице отдышались. К счастью, шум не пробудил других Буйных, спящих в подвалах, под лестницами, на мусорках... Быстро я его ушатал — опыт имеется.

— Ты зачем там прятался? — наконец спросила девка. — Я не сразу поняла, что ты нормальный...

— Вас услышал и спрятался. Стеснительный я. Не захотел с вами здороваться.

— Это понятно. Спасибо, что спас...

— Это я не из-за тебя, — отмахнулся я. — Чтобы Буйный своих не привлек. Зачем нам Орда?

Нарочно вел себя грубо. Чтоб не прилипла...

— Незачем, — согласилась девка.

Я глянул на нее. Далеко не красавица, круглолицая, веснушчатая, глазки маленькие, выцветшие, носик пуговкой, бровей не видать. Губы, правда, сочные, красивой формы. Нижняя губа распухла от удара Буйного, стала еще сочнее, дальше некуда. Сама среднего роста, худая. Старше меня на вид, но ненамного.

— Тебя как звать? — спросил я. — Откуда идешь?

— С окраины, — неопределенно ответила она. — Там еды больше нет. А зовут меня Лида.

— Я — Тим. Здесь тоже еды нет. А пельмени эти испортились, на вкус как говно.

Она как-то растерялась, поникла.

— Еды нет? Во всем городе? И... что теперь делать?

Я собирался пошутить, мол, друг друга жрать остается. Но промолчал. Поверит ведь! На душе стало муторно, нехорошо. Родителей вспомнил. Они, поди, уже обед готовят, меня

дожидаются. А вечером, если задержусь, отнесут еду в мою комнату...

— У меня дома еда есть... кое-какая, — выдавил я.

Она встрепенулась, заглянула в глаза испытующе.

— У тебя есть дом?

— Есть.

— Ты... один живешь?

— Один, — соврал я. — На десятом этаже. Дом пустой, никого нет, я проверял.

Она помолчала. Затем спросила:

— А где твои родные?

— Ушли под Музыку, — наврал я.

— Во Вторую Волну?

— Ага.

Она снова помолчала. Потом прошептала:

— А мои стали Оборотнями. Во время Третьей Волны.

— Сочувствую, — равнодушно сказал я. — Ну что, идешь?

— Иду. Только я против анального секса и связывания. И против садо-мазо.

Я крякнул:

— Какое нахер садо-мазо?

— Ну ты же меня не по доброте душевной накормить хочешь, верно? А у меня ничего нет, и ничего я дать тебе не могу, кроме секса. Вот и договариваюсь заранее: никакого анала и садо-мазо. А минет сделаю, я хорошо умею.

— Вот блядь! — вырвалось у меня. — Ладно, идет.

Лида обрадовалась, и мы двинулись в обратный путь.

Пока шли, Лида болтала, но не забывалась, голос не повышала. Тем не менее ее болтовня меня отвлекала, к тому же она то и дело задавала вопросы и ждала ответы. Пару раз я буквально затылком почувал, что за нами наблюдают, вертел головой, но никого не засек.

Отвечал я Лиде неохотно, на сердце было все так же тяжело, неприятно. Я старался думать о родителях, об их самоотверженной заботе, о том, что они готовы умереть ради меня... Теперь моя очередь заботиться. Умирать за них смысла нет, но...

— Как думаешь, Тим, что это было вообще? — сбила меня с мысли Лида. — Апокалипсис этот наш? Я помню, разные киношки на эту тему были еще до Первой Волны Пришельцы, зомби, пандемия, экологическая катастрофа. А произошло то, чего ни один писатель или режиссер не предвидел. И до сих пор непонятно ведь! Первая Волна...

— Буйные, — вставил я.

— Ага! Сначала все думали, что это революция, протестные акции, которые перерастали в вооруженные столкновения с военными. Но это происходило во всем мире одновременно, от Африки до Арктики. По телеку говорили, что это обдолбанные наркоманы рушат все вокруг... Я видела в Ютубе, как Буйные лезли по трупам, давили массой... Потом журналисты сделали вывод, что Буйные — это, как правило, люди с низким интеллектом...

— Тупое быдло, — хмыкнул я, оглядываясь. Нет, никто за нами вроде не идет. Откуда тогда острое ощущение слезки? — Быдла во всем мире куда больше грамотных и интеллигентных. Рэднеки, быдляки, мамбеты...

— Да. Потом стало ясно, что Буйные — это не совсем люди. Вернее, люди с выключенными мозгами. Поодиночке они неактивны и впадают в спячку. Но стоит

зашуметь, как они оживают, сбиваются в стада, а потом в Орду.

— Знаю! Чего это ты мне лекцию читаешь?

— Хочу понять! А когда с кем-то разговариваешь, появляются интересные идеи... Так вот, после Буйных пришли мародеры...

— Ну, эти-то точно были нормальные, — отмахнулся я. — Просто жадные до халявы.

— Не факт, — зашпорила Лида. — Они вели себя странно, боли не чувствовали, потом эта неутолимая жажда все осквернять... У нормальных людей такого не бывает. Или бывает?

— Наверное, нет.

— Вторая волна — Дьявольская Музыка. Девяносто процентов людей услышало в голове музыку и ушли под нее, как крысы за Гамельнским крысоловом...

— Кем? Каким крысоловом?

— Сказка такая была. Неважно. Тысячи и тысячи людей ушли пешком из городов и пропали без вести. Миллиарды людей во всем свете! Куда они делись?

— Инопланетяне украли.

— Думаешь? А я думаю, все эти люди все еще на Земле. Только превратились во что-то такое... чего мы не видим... Точнее, видим, но понять не можем, что это и есть люди. Я сон видела, что мои близкие, которые под Музыку ушли, стали частью природы...

Ну вот, сновидица нашлась, подумал я недовольно. Вбила в пустую черепушку, что ушедшие под Музыку превратились в деревья, теперь березки и сосенки, небось, обнимает. Были такие чудачки и чудачки еще до Первой Волны.

Но Лида не стала развивать тему вещей снов. Продолжила:

— Третья Волна — Оборотни.

Я вздрогнул.

— Часть выживших по ночам стала превращаться в нечто ужасное. Я думаю, что они и днем уже не люди.

— Люди, — оборвал я. — Днем они люди, самые обыкновенные. У меня... друг таким стал...

— И что с ним сейчас?

— Дома сидит, — сказал я. — Они же не могут покидать свои дома. Какая-то сила держит.

— Не все. Некоторые по ночам на улице бродят.

— Да это не Оборотни, наверное. Черти какие-то.

— Вот видишь, никакие не инопланетяне виноваты в апокалипсисе. Это дьявольские происки. Есть теория, что Буйными стали тупые и неграмотные, под Музыку ушла серая масса, а в Оборотней превратились те, кто всю жизнь прогибался под систему.

— Чего?

— Ну, двуличные люди, которые не Богу свечка, ни черту кочерга. Под любую власть ложатся.

Я негромко расхохотался.

— Вот херня-то! Тогда Оборотней было бы большинство! Миллиарды таких!

— А вот и нет. Основная масса людей — это ни то, ни се. Те, кто под Музыку ушел. А гибких приспособленцев гораздо меньше.

— Слушай, Лида, заткнись, а?! — не выдержал я.

— Ладно, — не смутилась она. — За друга обидно, да?

Я не ответил. Мы почти пришли. Я в очередной раз повертел головой — никого.

— А самое интересное во всем этом апокалипсисе, — снова забубнила Лида, — то, что электричество не вырубили. И воду. Но кто работает на электро- и водонапорных станциях, неизвестно. В то время как телеканалы накрылись, и радио не пашет. Один радиолобитель в эфир выходил пару месяцев, но сейчас и он пропал.

— И интернет не пашет, и сотовая связь, — добавил я мрачно. — А электроплитки, пылесосы и утюги работают. А счета не приходят. Халява, однако. Интересно, если Буйные — быдло, Оборотни — подхалимы, то мы тогда кто?

— Бродяги. Везунчики. И у нас есть какая-то миссия во всем этом говне.

— Миссия в говне? — хмыкнул я. — Звучит, как название фильма о спецагентах. Говенных спецагентах.

— Я верю, что этот апокалипсис случился не просто так. Что в нем есть смысл.

— Люди во всякую фигню верят, — сказал я.

— Ты к своему другу ходишь, наверное, до сих пор? — внезапно поменяла тему Лида. — Навещаешь?

— Навещаю. А что?

— Благородный ты. А зря. Бросить его надо. Это уже не человек.

— Слушай, Лида, я тебе щас втащу!

— Я тебе добра желаю. Потому и советую. Я родителей тоже бросать не хотела, когда они стали Оборотнями.

Я напрягся.

— Ты их... кормила?

— Чего? Чем бы я их кормила — они обычную еду не едят. Я только две недели с ними побыла, потом они меня выгнали.

Лида шмыгнула веснушчатым носишком.

— Когда они в своем уме, то любят детей так же сильно, как раньше. Но ночью... они за себя не отвечают. А со временем потеряют остатки человечности...

Я с внутренним содроганием вспомнил слова отца о том, что “всё меняется”. Что он этим пытался сказать?

— Я через это прошла уже, — добавила Лида. — Родителей бросила и назад не оглядываюсь. Мир изменился, нечего за старое хвататься. А тебе, Тимка, только добра желаю, поверь.

Я смотрел на нее, а она — на меня. Мой подъезд в двух шагах, а эта дура сама со мной идет... Как тот пьяный Бродяга месяц назад. И тащить не надо...

Вдруг я понял, что не смогу сделать это во второй раз. Бросил Лиде:

— Уходи.

— Чего? — не поняла она.

— Вали! — рявкнул я. — Беги без оглядки! Добра она мне желает! Дура!

У нее изменилось лицо. Она отступила. Кажется, догадалась. Сделала назад шаг, еще один, потом развернулась и побежала во всю прыть, по-девчачьи скидывая ноги.

В башке у меня шумело, я зашагал к подъездной двери, отпер ее, вошел в холодную темноту. Прижался спиной к обшарпанной стене, перевел дыхание. Вот я слабак! Столько сил потрачено, а под конец разнюнился.

Я оборвал собственные мысли. Будь я не таким чувствительным придурком, превратился бы в Буйного.

Потерев лицо, я отлепился от стены и повернулся к двери — запереть на ключ.

В этот момент она распахнулась, и что-то ударило меня под дых. Я задохнулся, отшатнулся, повалился на пол. На фоне яркого дверного проема на меня наступала высокая фигура с палкой... Нет, арматурой, замотанной в синюю изоленду.

Витя, Буйный бы его драл! Вот кто за нами шел!

Я потянулся к бите, которая выпала из руки, но Витя пнул меня по голове. Навалился на меня, прижал коленом к полу.

— Что, разонравилась тебе Лидка? — прохрипел он. — Решил не связываться? Ну и правильно! У тебя жратва есть, верно? Веди! Я не Лидка, трахать себя за еду не дам, но, если настаиваешь, могу тебя самого отшпилить...

Я лежал на боку, подтянув колени к голове. Финку не достать, а вот до стилета дотянуться просто. Я выхватил его и ударил не глядя. Витя заорал, отвалился от меня — стилет попал в плечо. Я моментально поднялся, схватил биту и аккуратно опустил ее на голову Вити.

Витя замолк и обмяк.

Но не сдох. Он мне живой нужен...

Я дотащил его на десятый этаж через час. Умаялся ужасно. Пот лил с меня Ниагарским водопадом. На пятом этаже Витя начал очухиваться, пришлось снова его приложить, чтоб не орал. Руки и ноги я ему связал моим и его ремнями.

В прихожей нашумел — из комнаты выглянули родители. Пахло чем-то аппетитным. Мама была в фартуке, в руке — шумовка. Отец с очками на кончике носа и старой книгой, читаной-перечитаной. Семейная идиллия, ха! Оба увидели бесчувственного и связанного Витю, поняли всё без слов.

— Давай, помогу, — предложил отец.

Вместе мы оттащили Витю в спальню родителей и положили в уголке.

Пол аж блестел, нигде ни пылинки, мать каждый день по утрам убирает. Но окна плотно заперты, и воздух тяжелый, спертый, как в склепе... В углу за комодом я случайно заметил серую слизь с волосками... нет, не волосками, а тонкими-претонкими ресничками, которые вроде бы шевелились... Только движения воздуха не было.

Я поспешил отвернуться. Мать пропустила во время уборки...

Отец без суеты и спешки проверил ремни — плотно ли затянуты. Витя пребывал в глубоком нокауте, но жилка на шее пульсировала.

Мы вернулись на кухню, где за столом, бессильно свесив руки, сидела мама в своем фартуке.

— Все окей, — сказал я преувеличенно бодрым голосом.

— Спасибо, Тим, — пробормотал отец.

— Вам хватит еще месяца на три, — проговорил я торопливо, словно боясь, что если промедлю, не выскажу всего, чего хотел, то уже никогда не скажу. — Вам ведь редко надо? К тому времени сможете выходить из дому...

Родители одновременно вздрогнули, точно их током ударило.

Мама заговорила — медленно, нехотя, не глядя на нас с отцом:

— Я тебе сухарей наготовила, сынок... Побольше. Они долго не испортятся. Мясца, какое было, засушила, крупы насобираала в мешочек, ты только... — Она не выдержала, всхлипнула: — Ты выживи, хорошо? Уж как-нибудь, выживи, а?

— Я вас спасу, — прошептал я. — Найду способ спасти. И вернусь.

— Забудь онас, — твердо сказал отец. — Не возвращайся. Слишком опасно. Не ходи в

города. Даст бог, обойдется.

— Бога нет и не было с нами, — сказал я. — Зато был кое-кто другой. Тот, который заставил всех поверить, что его не существует. Он всегда с нами был...

— Ты должен завтра с утра, как солнце взойдет, уйти, — настойчиво продолжал отец. — Сегодня уже поздно. На природе Оборотней нет, только в искусственных конструкциях вроде домов. Не ночуй в домах. Или построй новый. В общем, придумай что-нибудь, мы уже обсуждали.

Да, мы обсуждали мое выживание. С тех пор, как поняли, что мои родители — больше не люди в полном смысле этого слова.

Весь остаток дня я собирал манатки, укладывал еду, выбирал оружие. Все это добро я должен тащить в рюкзаке, и этот рюкзак не должен мешать быстро двигаться в случае всего. Поэтому много чего брать не следовало. Как, оказывается, трудно выбрать действительно важные и необходимые вещи! Все кажется важным!

Пока возился, наступили сумерки, и я запер дверь в свою комнату. Включил свет и продолжал думать над тем, что брать, а что оставить. Специально изо всех сил напрягал мозги, чтобы не думать больше ни о чем. Но все равно думалось.

Думалось о завтрашнем путешествии неизвестно куда. Родители не могли дать совет — сами не знали. Мы сошлись во мнении, что идти надо на юг, там теплее... Но, с другой стороны, в южных странах и народу больше, а это значит, что больше Буйных и Оборотней. А еще где-то затаились те, кто ушел под Музыку... Во что они превратились? Не в березки же с сосенками?

Ну, и думалось о Вите, который очухался в спальне в обществе моих родителей, в сумерках. Я вопреки воле прислушивался, но ничего не слышал. Вите мы заткнули рот кляпом. В какой-то момент почудилось, что где-то в соседней квартире что-то ударило по стенке. А может, не в соседней, а в спальне родителей?

У меня взмокла спина. Но звуки не повторялись. Иногда я радовался, что у меня с фантазией плоховато, в школе никогда не знал, о чем писать в сочинении на свободную тему. Не представлял, что сейчас чувствует Витя.

Мне его жалко не было. Сволочь он, как и все люди. Как и я.

Мы все заслужили то, что случилось. Все люди — это быдло, приспособленцы и серая масса. И единицы тех, кто ни рыба, ни мясо, настолько невнятные субъекты, что даже отнести к какой-то конкретной категории невозможно. Они — то есть мы — стали Бродягами.

А может быть, мы — герои? Я — герой?

Тогда почему мы не находим друг с дружкой общий язык? Ненавидим друг друга, подставляем, не объединяемся в команду Мстителей? Гонор мешает? Или эгоизм? Или равнодушие?

Нет, я не равнодушный и не эгоист. Иначе давно бросил бы родителей, как только они начали превращаться — сначала на несколько минут глухой ночью, потом на час, два часа... на всю ночь. Родители меня ведь гнали прочь из дома — чтобы не убить или не сожрать против воли. А я уперся, как осёл. Тогда отец помог мне установить соседскую железную дверь. Я даже привел родителям того пьяного Бродягу...

Я люблю их. А они меня. И любовь эта не изменится никогда, во что бы не превратились мои родители. Они могут потерять человеческий облик, но никогда не

перестанут быть Родителями.

...За железной дверью заскреблись.

Я бросил взгляд на окно — темно, одиннадцатый час.

Поколебался, выключил свет в комнате, встал у двери. Помявшись, вынул пробку из глазка и посмотрел.

В коридоре было темно, но откуда-то сбоку сочился слабый желтый свет — кажется, настольная лампа в гостиной горела. Черная тень качалась в коридоре, бродила туда-сюда.

Зрение приспособилось к темноте, и я увидел мамин фартук, халат... Но лица не было — было лишь что-то черное, склизкое, шевелящееся множеством крохотных щупалец. Ни глаз, ни носа — только пасть до ушей, полная тускло отсвечивающих зубов.

Чудовище в одежде матери слонялось по коридору, и я кожей чувствовал его тяжелый взор на мою дверь. Оно хрипело, бормотало что-то под нос, потом резко наклонилось и принялось расхаживать на четырех конечностях.

Внезапно откуда-то сбоку выдвинулось что-то черное, закрыв свет, и мне показалось, что я увидел чернильный глаз, полный голода и жажды...

Я отпрянул, заткнул пробкой глазок.

Наверное, они каждую ночь ходят здесь, под дверью, чувствуя живую плоть за ней. И с каждой ночью все меньше контролируют себя.

Я лег, заткнул уши берушами, закрылся одеялом с головой. Чудилось, что сейчас кто-то сорвет с меня одеяло, вцепится когтями и зубами...

Но никто не пришел.

Утром, когда вошло солнце, родители встретили меня на кухне. Они казались одновременно оживленными и больными. Щеки у обоих розовели, кожа разгладилась, они будто помолодели на десять лет. Но глаза горели лихорадочным блеском, а в улыбках таилось что-то хищное.

Я покосился в сторону спальни — дверь была заперта. Отец молча протянул мне ремень — мой ремень...

Родители впервые не делали вид, что едят вместе со мной. Просто сидели и смотрели на меня. Я молча ел. Потом пошел в свою комнату, поднял рюкзак и продел руки в лямки. Тяжеленький... Но это терпимо.

Я не знал, что сказать. Сейчас я навсегда уйду, надо бы речь толкнуть... Родители тоже молчали. Я вышел в прихожую, оглянулся.

— Папа, мама, — вырвалось у меня, и голос сорвался.

Мама не выдержала, рванулась ко мне, но отец удержал ее.

— Не надо, не трогай его...

Мама остановилась, в глазах блестели слезы.

— Что бы не случилось, сынок, — сказала она, — что бы не произошло, помни: мы будем тебя всегда любить.

Папа кивал, губы его тряслись.

— Я знаю, — наконец сказал я. — И я вас тоже всегда буду любить. Прощайте.

И, перешагнув порог в последний раз, аккуратно прикрыл входную дверь за собой.

Глава 2. Пастырь

В городе заводить брошенные машины и куда-то ехать себе дорожке — Буйных разбудишь, да и не проехать далеко из-за заторов, но на окраине появляются некоторые возможности. На выезде из города я наткнулся на симпатичную машинку, Мицубиси Паджеро Спорт. С ключами в замке, зеркальными мужскими очками за солнцезащитным козырьком, коробкой с высохшими крылышками “КиЭфСи”, полным баком бензина и недопитой бутылкой “Пепси”. Водитель, видно, услышал Дьявольскую Музыку, выбрался из машины и ушел неведомо куда.

Я выбросил крылышки, закинул увесистый рюкзак на заднее сидение, сел за руль, нацепил очки. Полюбовался на себя в зеркале заднего вида. В прежнем мире мне даже мечтать не приходилось о такой тачке — к тому же в шестнадцать лет! Но после Дня Икс всё изменилось. Я завел двигатель и поехал прочь из города, старательно объезжая замершие на трассе автомобили.

Куда ехал — не знаю. Предположительно на юга. Планов не было — какие могут быть планы в нашем теперешнем мире после того, как его накрыли Три Волны? Первая Волна превратила бóльшую часть людей в Буйных, что разгромили города и поселки по всему миру. Во время Второй миллионы хомо сапиенсов под воздействием Дьявольской Музыки ушли куда-то и пропали без вести. А Третья превратила некоторых оставшихся в Обратней... Как моих родителей.

Те же, кто остался, — например я, — вынужден как-то выживать.

Ехать было сначала интересно, потом ужасно скучно. В Прежнем мире, помнится, пошла мода среди тревел-блогеров путешествовать в одиночку. Суть тренда был таков: некий чел в гордом одиночестве отправляется за горизонт, весь такой красивый и одинокий любуется на красоты природы, селфится на фоне гор, морей и водопадов, в Инсту фотки и видео заливает. Фолловеры охают, ахают, лайкают, комментят. А потом чел выпускает полноценный фильм на Ютубе с музыкальными треками, красивыми переходами и монтажными склейками и получает разнообразные ништяки.

Но ведь на самом деле ни один такой путешественник по-настоящему одиноким никогда не оставался! Разве что на ночь в номере или палатке. Всегда его окружали люди, с которыми можно пообщаться. Спутников нет, но на худой конец всегда есть прохожие...

А у меня вообще никого не было. Путешествовал я один-одинешенек по бескрайним просторам нашей необъятной обезлюдившей страны.

Радио, естественно, не работало, а слушать плейлист на флэшке у меня не хватило никаких сил — вкус у бывшего владельца тачки, скажем мягко, сильно отличался от моего. Иными словами, говенный у него был вкус.

Вот и ехал я в молчании и полном одиночестве. Попивал пепси. Думал о том, о сем. В основном, о родителях, что остались в городе. Сильно не гнал — то и дело попадались на дороге брошенные как попало авто, надо было их объезжать или между ними протискиваться. И ездок из меня так себе — на дядькиной колыхаге два месяца по деревне рассекал, и на этом весь мой стаж заканчивается.

На трассе то и дело попадались камеры, и я думал: интересно, они тоже работают, раз электричество не отрубилось? И снятое записывается в память компов? Кто смотрит эти

записи?

А кто следит за электростанциями и водоснабжением?

На двадцатом километре, когда дорога начала забирать вверх, на пригорок, случилось кое-что интересное и непонятное. Я заметил на асфальте какие-то разноцветные тряпки. Притормозил. Огляделся — нет ли кого? — вылез из тачки и подошел к ближайшему непонятному объекту. Оказалось, это рубашка — обычная, мужская, слипшаяся от грязи. Судя по виду, давно здесь валяется. Чуть дальше — женские джинсы и пуховик. Детские шмотки... Расшнурованные ботинки... Я вернулся в машину и доехал до высшей точки возвышенности, где торчала брошенная фура. Отсюда открывался вид на желто-серо-бурую долину впереди с прямой лентой трассы.

Дорогу впереди, землю по сторонам, кусты и деревья усеивала одежда — десятки, сотни, тысячи предметов одежды. Эта одежда лежала здесь давно, ветер забросил тряпки на деревья, вымазал в грязи. Трусы, лифчики, кальсоны, штаны, пиджаки, куртки, шубы, домашние халаты, ботинки, туфли, шлепанцы — все это усеивало пространство чуть ли не до горизонта...

Я сидел в машине охреневший, с отвисшей челюстью, и глазел поверх блатных очков на весь этот секонд-хэнд. Почти сразу догадался, что это одежда Ушедших под Музыку. Они ведь уходили в чем были, неожиданно, бросая все дела, которыми на тот момент занимались. Кое-кто из Бродяг тоже отголоски той музыки слышал, говорил, что она прекрасна... По радио выступал один Бродяга, рассказывал о странном явлении, выдвинул теорию о Трех Волнах, затем пропал куда-то.

Значит, Ушедшие не просто удалились из городов, но еще и разделись догола...

Но потом-то куда подевались?

Я с некоторым страхом залез на фуру — самое высокое место поблизости. Сначала на кабину, потом — на полуприцеп. Нет, вроде нигде не видать нагромождений голых тел... Хотя местность за лесочком была не видна, но соваться туда не захотелось.

В общем, я поехал дальше, и вскоре разбросанная одежда перестала мозолить глаза. Наверное, впервые со Дня Икс мне было настолько не по себе. Передо мной приоткрылась тайна — и при этом стала еще непонятней.

Я ехал еще час с черепашьей скоростью в напряженном ожидании чего-нибудь страшного и неприятного. Однако ничего особенного не происходило, если не считать все реже и реже встречающиеся брошенные машины. День стоял солнечный и теплый, небо сияло голубизной. Справа и слева сквозь деревья временами выглядывали домишки; если не приглядываться, то и не поймешь, что людей там нет уже несколько месяцев...

Когда проезжал мимо одного поселка, в глаза бросился российский флаг на крыше обычной затрапезной избышки. Флаг показался новым, чистым и неуместным.

Стало интересно. Я затормозил, заглушил мотор, вооружился битой, проверил нож на поясе. По-хорошему стоило бы ехать себе мимо, не лезть никуда, но очень уж одиночество на меня подействовало. И эти шмотки на земле...

Буйные не будут флаги вывешивать, они их срывают и рвут в клочья. Оборотни не могут выйти из дома. Получается: или флаг вывесили патриотично настроенные сельчане еще до Первой Волны, или Бродяги вроде меня.

Собственно, в этом мире, кроме Бродяг, никого адекватного не осталось, и, хочешь — не хочешь, надо с ними как-то общаться, договариваться. Не прятаться же от людей до старости!

Я осторожно крался через обочину, потом — по узкому проулку между пустых домов, вращал головой во все стороны и битую не опускал. Кое-где во дворах валялись скелеты цепных собак — их изрядно обглодали. Не исключено, другие собаки, не привязанные. Попахивало дохлятиной: в стойлах от голода сдохли коровы, в свинарниках — свиньи. Вот летом здесь мух будет... В деревне царила необычная для деревень тишина — ни петушиного кукаренькая, ни мычания, ни бляения, ни гусяного гогота.

Мертвое место.

И этот неуместный флаг.

Я остановился перед деревянным домиком за накренившимся заборчиком. Домик старенький, страшенький, в таком старики живут. Во дворе всякий хлам вроде рваных сапог, соломы, столетней сломанной игрушки, черенка от лопаты, ржавого корыта. Перед входом натоптано... Выходят из дому. Значит, здесь живут Бродяги?

Дверь распахнулась, в сенях замаячил скрючившийся дед лет восьмидесяти, в клетчатой фланелевой рубахе, древних трико и галошах. Держался одной рукой за косяк, другой за поясицу. Лицо у него было длинное, лошадиное, одутловатое. В полурасстегнутом вороте виднелась заросшая седыми волосами грудь.

— Это кто? — подслеповато прищурился он. — Ты нормальный? Говорить умеешь?

Я кашлянул.

— Вроде нормальный. И говорить не разучился еще.

Как он обрадовался! Руками замахал, позвал в дом чай пить, и еда у него есть, а то к ним с бабкой уже сто лет никто не приходит, а по улицам только психи какие-то бегают. Слава богу, пропали недавно. Позади деда нарисовалась бабка в платке и драном халате, тоже улыбалась и звала меня в гости. Они и флаг специально вывесили, чтобы нормальных людей привлечь. Так уж вышло, что у них дома флаг нашелся...

Я засомневался. А чего они из дома-то не выходят? Потом посмотрел на следы ног у входа, на флаг — такой не вывесишь изнутри... И решился.

Открыл калитку, прошел через двор. Старики улыбались во весь рот. Я притормозил в двух метрах от входной двери. Отпечатки ног у крыльца какие-то странные... Кивнув старикам, я сделал пару шагов в сторону и заглянул за угол избы. Там, между стеной и забором, было узкое пространство, заросшее высохшим прошлогодним бурьяном. Торчала будка, а возле нее валялся собачий скелет с проржавевшей цепью...

Что-то скрипнуло, и из двери, где радовались гостю старики, вылетела какая-то хрень из палок и рыболовной сетки. Хрень зацепила меня, хотя я отпрянул. В палках и ячейках сети торчали рыболовные крючки, которые дернули меня по джинсам и куртке. Я рванулся — затрещала одежда.

— Держи его! — шипела бабка.

Вместе с дедом они с нечеловеческой силой тянули свой силлок к себе — и меня вместе с ним. Как репку, блин. Я никак не мог выпутаться — слишком много было мелких и острых крючков. Тогда я перестал дергаться, а наоборот, рванулся к старикам. Размахнулся и долбанул деда битой по лбу. Он отшатнулся. Я размахнулся во второй раз, но бита задела верхний косяк, и удар не удался. Бабка ощерилась мелкими акульими зубами, потянулась ко мне пальцами-крюками — ни дать, ни взять, натуральная ведьма. Я выхватил финку из-за ремня, ударил в горло бабке, потом деду, который начал приподниматься.

Из них потекла черная вязкая кровь, похожая на болотную жижу. Лица потемнели, опухли, глаза провалились, а рот растянулся до ушей. Зубов было слишком много, и они

были слишком острыми для человека. Задыхаясь от страха и злости, я раздолбал им бошки всмятку.

Некоторое время приходил в себя и прислушивался. Тела стариков вяло шевелились. В избе, похоже, никого больше не было. Потом я начал выпутываться из силка. Пока занимался этим, заметил в сенях ботинки, насаженные на длинные палки, которыми старики старательно делали следы перед входом, не выходя из дома. Стучали подошвами по земле с размаху — следы получались, но неважные, и я фальшь заметил, к счастью...

М-да... Сволочи Оборотни...

Я снова вспомнил родителей — они что, тоже днем меняются? И будут ли охотиться, как эти двое, раз уж кормилец их покинул? Я поморщился и отогнал ненужные мысли.

Обошел дом, заглядывая в окна. Позади дома стало ясно, как эти упыри вывесили флаг для заманухи ходячей еды вроде меня. В скате крыши зияла дыра. Оборотни просто выставили из нее шест с флагом, не выходя из дома, в котором были заточены неведомой силой. Я явно был не первым мотыльком, прилетевшим на свет патриотизма...

Нет, в доме больше никого вроде бы нет.

Я с неудовольствием глянул на порванную куртку и джинсы, на испачканную черной кровью битую и лезвие финки. Финку вытер куском полуистлевшей тряпицы, висящей на заборе, битую вымыл в корыте с дождевой водой.

Вернулся к телам Оборотней — они перестали шевелиться. Кожа окончательно почернела и сморщилась, как изюм. Я перешагнул через них и быстро обшарил дом. Оборотням не подходит обычная человеческая еда, так что ее должно быть здесь немало, учитывая стариковскую запасливость. Так и есть, я нашел мешок гречки, сушеные фрукты для компота, банки с соленьями и вареньями. Обрадовавшись, подогнал к дому джип и загрузил багажник.

В доме было относительно чисто, ни следа ошметков плоти Оборотней, которую они разбрасывают во время трансформации, и ни малейших признаков останков жертв. Но затем я из любопытства заглянул в погреб, и на меня пахнуло удушливым запахом мертвечины. Я успел заметить обглоданные человеческие кости с налипшими на них засохшими кусками мяса, валяющиеся среди кучи мусора, тряпья и сгнивших досок, — и с отвращением захлопнул крышку.

Настроение тем не менее улучшилось. Голодная смерть в ближайшее время не грозит. И почему я раньше не догадался съездить в деревни?

Отъехав от деревни на безопасное расстояние, я сделал привал и хорошенько перекусил. День клонился к закату, надо было думать о ночевке. Я едва израсходовал треть бака, о бензине пока что можно не беспокоиться. Когда останется меньше половины, наберу бенз из других автомобилей. В багажнике есть канистра и шланг.

Собственно, по дороге то и дело встречались заправки. Можно попытаться заправиться и там...

Я откинул сидение, заблокировал двери и улегся. Темнело, высыпали звезды. Когда-то люди мечтали покорить космос, подумалось мне, а сейчас остается ими лишь любоваться. Возможно, не надо стремиться что-то покорять, достаточно лишь смотреть на них и получать удовольствие?

Так и уснул.

Проснулся с рассветом, бодрый и полный сил. Вылез из авто, поежился — было очень

свежо, — умылся из баклажки и сделал прочие утренние дела прямо на обочине. Перекусил материнскими сухарями и поехал дальше.

Однообразная дорога вводила в транс, появились какие-то странные мысли и образы. Померещилось, что кто-то очень далеко идет ко мне и зовет без слов... Как-то так. Ощущение приближения какого-то неведомого существа было сильным и реальным. Я вздрогнул за рулем и ударил по тормозам.

Меня бросило вперед, и позади, на заднем сиденье, повалился мой рюкзак, а в багажнике — прихваченное у Обратной добро. Крутые зеркальные очки сползли на кончик носа.

Наваждение испарилось. Я аж вспотел от страха. Что это было? Заболел? С ума схожу?

Выскочил из машины и забегал вокруг. Жилья здесь вовсе не наблюдалось, по обе стороны дороги расprostерлись поля с кучками деревьев. Далеко, почти на горизонте, виднелся лесок. Он дрожал как от марева, хотя было отнюдь не жарко.

Итак, что это было? Я постарался вспомнить ощущения. Приближение неведомого существа... Это был человек? Вроде да. Откуда-то возникла уверенность, что женщина. Добрая? Не совсем. Но и не злая. Она звала меня по имени? Нет, но я почему-то думал, что звала она именно меня. Откуда она шла?

Я завертелся на месте. Наверное, она шла справа. Я ехал на юго-восток, а она шла с юга.

— Да я сраный экстрасенс, — пробормотал я. — Или шиза. Скорее, шиза, чем экстрасенс.

Придя в себя, тронулся с места и увидел, как вдали прямо по курсу и чуть левее, среди холмов, покрытых лесочком, что-то ярко сверкнуло. Словно солнце.

Поколебавшись, я поехал к холмам, при этом внимательно поглядывал по сторонам, даже про зеркала заднего вида не забывал, хотя шанс, что меня начнет кто-то догонять или обгонять, равнялся нулю. Вскоре выяснилось, что именно сверкало — какая-то штука с зеркалами на высоком шесте. Шест торчал над верхушками деревьев между холмов. Еще там виднелась группка одно- и двухэтажных зданий.

Какой-то детский лагерь отдыха.

Я слышал раньше о таком, но никогда здесь не бывал. Его недавно построили, и допускали отдыхать не всех детей, а особенных. Нет, не вундеркиндов, а отпрысков крутых родителей. Так говорили. А я не вундеркинд, и родители у меня сроду крутыми не были.

Зеркала на шесте располагались так, чтобы отражать солнечный свет сразу во все стороны. Своего рода маяк. Я, понятное дело, сразу подумал о ловушке вроде флага у Обратной, но любопытство пересилило.

Собственно, почему нет? Никакой определенной цели у моего путешествия нет. Я никуда не спешу. Мне скучно и одиноко. А в этом лагере могут засесть не только Обратни...

Короче, я въехал на территорию лагеря, зажатого меж двух склонов. Здесь было красиво и ухоженно: беседки, игровые площадки, аккуратные домики, крохотная, но бурная речушка, к которой ведут специальные лесенки. Всюду деревья, кусты — голые, потому что на дворе апрель, но летом тут наверняка зашибись.

Домиков было три штуки: двухэтажный и два одноэтажных. В двухэтажном, как я понял, жили “особенные” детки, в одноэтажных, наверное, питались и получали лечебно-профилактические процедуры.

Я остановился возле поднятого шлагбаума, припарковавшись так, чтобы в случае чего

свалить быстро, не тратя времени на развороты.

На первый взгляд в лагере не было ни души. Потом я увидел маленькую детскую фигурку. Вроде девочка лет десяти. Она замерла, заметив меня, затем развернулась и побежала к двухэтажному зданию.

Так-так! Не Оборотень и не Буйная. Уже хорошо!

Я выпрыгнул из машины, прихватив по инерции биту. Но идти вперед не спешил. Салага явно сейчас позовет кого повзрослее.

И правда, через минуту из здания вышел мужик лет тридцати, следом выскочило четверо мальцов примерно лет от десяти до тринадцати.

Я пошел к ним навстречу. Подумал, что выгляжу не слишком дружелюбно: в рваной куртке, с нечистой битой и в терминаторских очках. Снял очки, улыбнулся.

Мужик протянул мне руку без особого страха, хотя не был вооружен — по крайней мере, я не увидел оружия. Позади жались два пацана и две девчонки. Мужик был высокий и плечистый, блондинистые волосы прилизаны и зачесаны на косой пробор, что выглядело как-то старомодно. Лицо открытое, добродушное, как у советских солдат на старых фотках. Гладко выбритый, в поношенном приталенном пальто, немного лощеный. В ухе серьга, что совершенно не сочеталось с образом советского человека.

Я пожал ему руку.

— Меня зовут Степан, — сказал он. — Откуда добирался? Из города?

— Из него, — ответил я. — Тим.

— Ну что ж, Тим, добро пожаловать. Если хочешь, оставайся. У нас тихо-мирно. Ни Буйных, ни Оборотней.

— И Бугимены не ходят, — встрял хулиганского вида мальчишка без одного переднего зуба. Он уже вышел из того возраста, когда молочные зубы выпадают, поэтому, выходит, зуб был потерян уже постоянный.

— Какие Бугимены?

— Ночные твари, — нахмурился Степан. — Ты не в курсе?

— Я думал, это Оборотни, которые могут выходить из домов...

— Оборотни не могут выходить из домов. Пока нет. Но они меняются. Ночью бродят другие сущности. Всё это, конечно, дьявольские порождения.

Я удивленно приподнял брови. Получается, Степан придерживается религиозной версии апокалипсиса?

— Один? — спросил Степан, поглядев на мой джип.

— Ага.

— Ну что, зайдешь?

Я пожал плечами нарочито равнодушно.

— А сколько вас тут?

— Все, кто есть, перед тобой. Это Захар, Толик, Альфия и Татьяна.

Захаром звали беззубого пацана. Альфия была той самой малюткой, что заприметила меня первой. У Толика был какой-то замутненный взгляд, а у Татьяны — щеки как у хомяка.

— А если я — какой-нибудь придурок? — ухмыльнулся я. — Не боитесь?

Степан улыбнулся.

— Все придурки превратились в Буйных или Оборотней. Буйные прячутся кто где, а Оборотни заперты в замкнутых искусственных контурах. Остались только достойные.

— Ну, не скажи, — засомневался я.

— Многие были напуганы, согласен, — кивнул Степан. — Оттого и вели себя не всегда хорошо и прилично. Но людьми остались действительно только достойные.

— Откуда такая уверенность?

— А ты думаешь, что этот наш апокалипсис случился сам по себе? Случайно? Стихийно? Вот если бы человечество вымерло от вируса или экологической катастрофы, всё было бы понятно. Вирус — он и есть вирус... Хотя даже вирус можно распространять намеренно. С глобальным потеплением тоже всё понятно. А как объяснить Три Волны? Инопланетяне? Не смейся меня — если они и есть где-то в космосе, на нас им явно плевать.

— И что ты хочешь сказать?

— Что апокалипсис был задуман и осуществлен разумной волей. Страшной и неумолимой. И все произошло не случайно. И те, кто остался, не простые люди. Достойные. — Степан тепло мне улыбнулся. — Поэтому я собираю Выживших, понимаешь? Мы не должны бродить сами по себе.

Я подумал. Спросил:

— Откуда у тебя столько детишек?

— Я — учитель начальных классов в сельской школе. Всех детей знаю. Когда грянуло, стал собирать Выживших. Мне встретились эти ребята. Поначалу мы жили в деревне, после я увез всех сюда, в самое пока что безопасное место. Мы здесь уже месяц, и я для них вроде воспитателя. Или пастыря.

— Еще Виктор Геннадьевич был, — встрял Захар.

Степан нахмурился.

— Да, наш завуч, он же историк. Тоже выжил. Но наткнулся на Буйного, тот его и...

Он не договорил, а самая взрослая из всех детей Татьяна всхлипнула. Нравился ей завуч-историк, что ли? Или родственник?

Слушая все эти рассказы, я потихоньку расслаблялся. Мелькнула параноидальная мыслишка, что меня заманивают в ловушку. Не знаю, зачем: возможно, Обратной накормить, что в здании таятся. Или сами из меня сервелат сделают. Но позже я пришел к выводу, что вряд ли. Если взрослый Бродяга еще и способен на гадости, то детишки...

Они глядели на меня ясными глазами — кроме Толика, который, видимо, полностью погрузился в свой внутренний мир, — и я не мог поверить, что они умеют так притворяться.

— Ладно, — сделал я одолжение. — Пойдем внутрь.

Все же я был напряжен еще долго. Специально пошел позади всех, битую не выпускал, зыркал по сторонам, чтобы не пропустить атаки.

Но атаки не последовало. Степан со своим выводком провели меня в одноэтажное здание, которое действительно оказалось столовой и кухней. Между зданиями я заметил пикап Тойота Хилукс, красный, мощный, четырехдверный. На нем, вероятно, Степан гонял в районы за припасами.

Время было обеденное, и мы уселись за длинный стол — Степан во главе, детишки и я по сторонам. Ели рисовую кашу с консервированными овощами. Стол накрывали девочки, Степан и мальчишки просто сидели и ждали.

— Какие планы? — спросил я. — Консервы скоро закончатся. Да и без свежих овощей и фруктов цинга начинается, слышал.

— Аптечка с витаминами есть, — ответил Степан. — И вверх по реке организуем огород. Мы с Толиком и Захаром уже землю взрыхлили, там чернозем, хорошо должно

расти. Семена есть, я привез. Теперь, когда ты появился, будешь помогать. Потеплеет, посеём первые культуры.

— И мясо нужно, — сказал я, ковыряя ложкой в овощах.

Таня вскинула на меня глаза с интересом. Мяса хочет...

— Нет, — отрезал Степан. — Это невозможно. И слишком сложно. Нам неоткуда взять скотину, не говоря уже о том, чтобы содержать ее.

— Я могу охотиться... — пискнула Таня. — С луком и силками... Меня деда учил...

— Нет, Таня, — внушительно, учительским голосом проговорил Степан. — Это не женское дело. Женское дело — готовить еду и помогать мужчине.

— Однако, — хмыкнул я. — Слышали бы тебя феминистки!

— Не услышат. Конец света наступил. Грядет новый порядок. Естественный. А заключается он в том, чтобы мужчины были мужчинами, а женщины — женщинами. И каждый бы занимался своим делом. Так наши предки жили тысячи лет, и все было хорошо.

— Ну ладно, — не стал я спорить. — Дальше-то что? Будем огородом заниматься, как на даче, загорать здесь, но вечно-то это продолжаться не может!

— Не может, — согласился Степан. — Но мы постараемся дотянуть до того дня, когда всё определится.

— Не понял? Какого дня?

— Та воля, что устроила Три Волны, должна иметь планы на нас. Когда мы поймем, что это за планы, тогда все и определится.

Сектант, подумал я. Прямо шалопут какой-то. Не удивлюсь, если он женится сразу на Альфии и Тане, когда те подрастут. А может, и не будет дожидаться...

— А до того будем искать других выживших, — говорил Степан уверенно. — Создадим коммуны. И будем ждать Великий день.

Я вздохнул и промолчал, продолжая есть. Степан прищурился:

— Думаешь, я с катушек съехал? Что я — фанатик? Нет, Тим, я — реалист. Три Волны прокатились катком по нашему миру. Это факт. Сверхъестественные вещи творятся. Это тоже факт. Значит, есть тот или те, кто стоит за всем этим. И эти существа — нечто гораздо большее, чем просто люди. У них должен быть план. Наша задача — ждать и не мешать.

— Не пугаться под ногами! — вставил Захар, улыбаясь щербатой улыбкой. Видно, часто слышал эту фразу по отношению к себе.

Степан кивнул ему, как взрослому.

— Верно, Захар. И помните вы все: эти существа желают нам, Выжившим, добра.

— Они не желают нам добра, — раздался рядом тихий голос, и я вздрогнул. Говорил мутноглазый Толик. Он уже съел кашу и смотрел мимо нас в окно, где вздымался заросший кустарником склон. — Они хотят нас всех погубить. Изничтожить... Высосать все, что есть в нас человеческого... Сделать из нас следы на грязи...

Таня и Альфия прижали ладошки ко ртам. Захар заморгал и перестал щериться. Степан на мгновение, как мне показалось, растерялся, затем рассердился:

— Хватит болтать чепуху, Анатолий! Ты пугаешь нас, не видишь?

Толик будто не слышал. Дернулся всем телом, лицо исказилось, как от боли. Или ярости.

— Следы на грязи!.. — выкрикнул он. — На грязи!.. Изничтожить! Извести!

Он так сильно рванулся назад, что рухнул вместе со стулом. Я вскочил — остальные тоже. Степан подскочил к лежащему Толику и прижал его к полу, чтобы тот, выгибаясь и

взмахивая конечностями, не навредил сам себе. Ребята молча сгрудились вокруг. Я подумал, что они такой приступ видят не впервые.

Толик вскоре успокоился, затих, глаза закатились, дыхание было частым и тяжелым.

— Он что-то видит, — прошептала Таня Альфие, но услышали все. — У него часто так. Видит или слышит. Говорит, к нам идет Матерь...

— Какая еще мать? — раздраженно спросил Степан, оглянувшись на нее. — Откуда идет?

— Оттуда, — показала Таня рукой. На юг, сообразил я. — Она идет, чтобы позаботиться о нас.

Мне стало нехорошо. Вспомнилось то чувство в машине, когда я отчетливо ощутил приближение какого-то существа...

— Нет там никакой матери, — заявил Степан. — У Толика... проблемы со здоровьем, вот и все. Поэтому мерещится всякое. А вы слушаете и повторяете, как попугай.

— Слушай, Степан, — осторожно сказал я. — Ты же сам говоришь: сверхъестественные вещи творятся. Три Волны и все такое. Почему тогда отрицаешь, что Толик может правду говорить?

Степан выдохнул то ли с раздражением, то ли с состраданием ко мне, убогому. Ребята переводили взгляды с меня на него и обратно. Степан поднялся и подошел ко мне. Я отодвинулся и потянулся к финке на поясе, но Степан не обратил на это внимания.

— Три Волны, Тим, — это данность. Это свершившийся факт. А бред этого мальчишки — всего лишь бред. Если мы будем любую чепуху принимать за откровение... или сигнал свыше, не знаю... во что мы превратимся? В кого? В дурачков? Мы должны следовать здравому смыслу и фактам. Факты указывают, что Выживших единицы, что мы почти все молоды, и что-то нас всех, черт бы подрал, объединяет! Поэтому мы должны держаться вместе и ждать того дня, когда это все разъяснится. Понимаешь? Скажи, Тим, ты со мной?

“Со мной”, отметил я автоматически. Не “с нами”, а “со мной”. Пастырь хренов!

Хотя, если вдуматься, он прав. Что-то нас, Бродяг, объединяет. А мы все срёмся да срёмся, объединяться не желаем. Готов спорить, если бы эти салаги не были салагами, а взрослыми, послали бы давно этого прилизанного Пастыря куда подальше. Вот вырастут и пошлют, наверное. Если он им окончательно не вывихнет мозги.

— Переночую здесь, — уклончиво ответил я. — Если не против. А завтра решу.

На мгновение Степан набычился, потом улыбнулся, похлопал меня по плечу.

— Вот и славно! Нам нужны сильные парни. А ты вроде крепкий. Оставайся, конечно. Захар покажет тебе комнату.

Он вернулся к обмякшему Толику, а Захар повел меня в двухэтажное здание. Я не забыл прихватить битку.

— Захар, — сказал я, пока мы шли, — тебе нравится Степан?

— Степан Анатольевич у нас в школе преподавал, — охотно сообщил Захар уже и так мне известное. — Интересно рассказывать умеет. Строгий, но хороший. — Пацан подумал и добавил: — Если бы не он, мы бы от голода подошли бы. То есть умерли. Как деревенская скотина.

— А у Толика — часто так?

— Иногда бывает. Степану Анатольевичу ужасно не нравится. А Таня охотиться умеет, — прибавил Захар без перехода и повода. — У нее это круто получается! Силки ставит на птиц, в прошлом месяце фазана завалила пращой, прикиньте?!

— Прикинул.

— Мы тогда ещё в деревне жили. Степан Афанасьевич ругал ее, фазана выкинул, жалко, — понурился Захар. Жалел он не фазана, конечно, а мясо.

— Из фазана супчик неплохой получился бы, — согласился я, хотя сроду не пробовал фазанятину.

Захар воспрял — понравилось, что я его поддерживаю.

— Ага! Меня уже от консервов тошнит. Степан Анатольевич нам много чего запрещает, хотя закона больше нет. Альфия петь любит, так Степан Анатольевич запрещает петь. Типа в нашем мире от песен никакой пользы. Надо добывать себе пищу, а не песни распевать.

— А что еще Толик говорит, когда у него приступ, как сейчас? Что за следы на грязи?

Захар пожал плечами. Мы вошли в двухэтажное здание и двинулись по коридору. Зашли в одну из комнат. Она была уютно обставлена: тяжелые шторы на окнах, две деревянные застеленные кровати, шкаф, письменный стол, древний комп, стеллаж на стене с тонкими буклетами о здоровом питании. Между кроватями стоял выключенный электрический обогреватель в виде батареи отопления. Было холодно, но не катастрофично. Я присел на одну кровать, поставив битую между колен, Захар — на вторую.

— Он много чего говорит. Только непонятно. Будто ругается. И будто не он это, а кто другой через него говорит. Толян у нас особенный, мы его не обижаем.

— Он раньше тоже таким был? До того, как появились Буйные?

Захар махнул рукой:

— Он всегда был с приветом, только болтать всякое начал после Буйных. Виктор Геннадьевич сказал, что у Толяна Первая Волна открыла дар какой-то. А Степан Анатольевич ругался на него. Что никакого дара нет, просто у Толяна крыша поехала.

За дверью кто-то прошел. Я выглянул: Степан нес на руках Толика. Он повернул в конце коридора налево и, судя по звуку шагов, начал подниматься по лестнице.

— Не понял, — сказал я, вернувшись на кровать. — Ваш завуч с вами был после Первой Волны? Его разве не Буйный убил?

— Ну да. Только не когда буча поднялась, а позже. Мы вместе выживали. Степан Анатольевич и Виктор Геннадьевич постоянно ругались. А потом Буйный Виктора Геннадьевича убил.

— Ты видел? — помолчав, спросил я.

— Не. Степан Анатольевич видел. Сам похоронил его в лесу возле деревни.

Я выпрямился. Так-так!

— Буйный куда потом делся?

— Убежал и спрятался — не найдешь.

— А о чем ваши преподы ругались?

— О том, что дальше делать. Виктор Геннадьевич хотел на контакт идти, а Степан Анатольевич — ждать Великого Дня.

— Какой контакт?

— Не знаю.

Я еще поболтал со словоохотливым пацаном и понял, что больше ничего нового не узнаю. Захар показал, как врубить электрический обогреватель, и ушел, а я повалился на койку. Приятно было вытянуться после двух суток сидения или лежания в машине. Может, действительно остаться? Степан с придурью, но здесь какое-никакое общество, поболтать можно. Не тянуло меня снова ехать куда глаза глядят совершенно одному.

Думал-думал и уснул. В комнате заметно потеплело благодаря обогревателю. Проснулся я в сумерках. Позевывая, вышел на улицу — солнце исчезло за холмом, по фиолетовому небу плыли розовые облака, похолодало, ночь грозила заморозками.

Здесь, между холмов и среди деревьев, сгустилась фиолетовая темнота. Впереди, за шагбаумом, горел огонь, отбрасывая всполохи оранжевого света на стволы деревьев и стены столовой. Сон с меня мигом слетел — там же моя машина!

Побежал к шагбауму, а там реально горит, искрит, трещит большой костер. Маленькие фигурки подбрасывали в него сучья. Я узнал наших детишек. Мой джип был метрах в тридцати, и я успокоился.

— Что делаете?

Одетые в разноцветные куртки, Таня, Альфия и Захар продолжали трудиться и не слышали вопроса. Или проигнорировали. Толик не работал. Просто стоял в расстегнутой куртке возле костра, закрыв глаза, и легонько улыбался. Признаться, от этой улыбки меня мороз продрал по коже, хотя от костра тянуло жаром. Отблески огня играли на его лице, и я увидел кровоподтек на подбородке.

Я подошел к Толику.

— Что стряслось? Это откуда? Кто тебя ударил? Или ты упал?

Толик внезапно открыл глаза — черные зрачки во всю радужку. Сказал:

— Она уже близко, наша новая Матерь. Чуешь?

Я отшатнулся, посмотрел вдаль, в синеющую даль. Там тянулась невидимая трасса, за ней простиралась холодная равнина. Я никого и ничего не видел, но чуял. Ощущение было такое же, как тогда в машине. Я чувствовал приближение существа женского пола, вроде бы доброе... Или нет?

Пронзило сильное желание прыгнуть в тачку и погнать прочь отсюда.

— Это что такое? — раздалось сзади. — Как это понимать?

В круг света вышел Степан — взлохмаченный, злой, пальто нараспашку.

Таня бросила очередную ветку в огонь и сказала:

— Это сигнал для нашей Матери. Она совсем скоро будет здесь.

— Да что за бред вы несете?

Таня открыла рот, чтобы ответить, но Толик перебил:

— Он не чувствует. Он — Пастырь, которого не просили нас пасти. Мы не бараны. Мы дети, и нам нужна Мать.

— Нам нужна Мать, — эхом откликнулась Таня, — а не Пастырь.

Даже в красных отблесках пламени я заметил, как побледнел Степан.

— Вы одержимые! Тим, ты видишь?

Я кашлянул.

— Я тоже что-то такое чувствую, Степан. И это факт.

У нашего Пастыря аж рожу перекосило. А я спросил:

— Скажи-ка, откуда у Толика этот синяк на лице, а? Ты его избивал? Часто этим занимаешься?

— В нем живет скверна! — взвизгнул Степан. — Я пытался выправить ее! Мы должны покорно ждать Великого Дня, и нам не нужны никакие сверх... сверхъестественные способности! Это есть грех!

— Почему?

Степан уставился на меня — глаза выпучены, нижняя губа трясется.

— Не понимаешь? Это ведь Апокалипсис! Не зомбиапокалипсис, не вирусоапокалипсис, не еще какой-нибудь говноапокалипсис, а самый настоящий Судный день! Последний шанс для выживших умерить гордыню, победить невежество, склониться перед тем, кому обязан своим существованием! А вы тут телепатией увлеклись, какую-то Матерь ждете! Это у вас посттравматический синдром!.. Язычники!

Я повернулся к детям — они встали между костром и Степаном, молча на него смотрели. Красные всполохи играли на их неподвижных лицах. Им бы деревянные маски надеть, да бубен в руки... Действительно, язычники.

— А зачем детей-то бить? — спросил я. — От посттравматического синдрома новыми травмами хочешь вылечить?

— “Для детей розгу не жалеи”, — сказал Степан, успокаиваясь. — Надо воспитывать из мальчиков мужчин, а не хлюпиков — ни то, ни се. Врубаетесь, Тим? Не потакать их фантазиям. Мы должны твердо стоять на земле.

— Ты должен был о них заботиться, — сказал я. — Быть им папой или старшим братом на худой конец, а не вонючим пастырем. Фанатик ты больной! И убийца, скорее всего. Это ведь ты Виктора Геннадьевича завалил?

Степан хохотнул.

— Посмотрите-ка на него, какой правильный! А ты, можно подумать, никого не убивал за всю жизнь?

Я потупился. Ответить было нечего. Мне ведь не только Буйных или Обратней приходилось убивать...

— Витя не разделял мои цели, его тоже вечно несло куда-то не туда. Вздумал зайти на территорию электростанции и установить контакт с теми, кто там работает. А ведь все знают, что вокруг станций пояс аномалий! Не зря этот пояс там — значит, соваться туда не следует.

Нет, лично я об этом не слышал. Еще в городе приходила мысль забраться на станцию, но родители отговаривали. Станция находилась далеко от нашего дома, и у меня постоянно был забот полон рот, чтобы искать еще приключения на задницу.

Я колебался. Да и что я мог сделать? Степан со своими детишками тут окопался давно, а я — новенький. По словам Захара, Степан не такой уж и плохой, разве что строгий. Но я понятия не имел, как воспитывать детей; братишек и сестреноч у меня нет. Может, и правда для них розгу жалеть не надо, иначе на голову сядут?

Завтра уеду отсюда, и пусть живут как хотят. Не мое дело.

Степан, вероятно, уловил мое настроение. Отвел от меня взгляд, потеряв интерес, обратился к воспитанникам:

— Так, ребятки, давайте-ка загасим костер. Опасно. Пожар случится или Бугимены на огонек заглянут. Захар, пойдем за лопатами — засыпем костер...

— Нет.

Я не понял, кто это сказал — Захар или Толик. Или они оба одновременно. Детишки по-прежнему стояли спиной к костру, лиц толком не разглядеть.

Степан окаменел. Выдохнул:

— Хорошо. Тогда я сам...

И повернулся, чтобы, надо полагать, пойти за лопатой.

— Мы вам не позволим. — На сей раз это был голос Тани.

Степан медленно развернулся к ним. На меня не обращал внимания — то ли был

уверен, что я не вмещаюсь, то ли не считал за достойного противника. В отличие от детишек. Он подошел к воспитанникам.

— Вы поднимете руку на учителя? — произнес он настолько учительским тоном, что мне почудилось, словно я снова попал в третий класс и меня сейчас поставят в угол.

— Если заставите, — холодно ответил Толик.

Я не успел среагировать — Степан влепил ему пощечину. Свистяще прошипел:

— Да как же из тебя этого беса-то выгнать? Чего ж ты уцепился за него, Анатолий? Думаешь, это особенным тебя делает? Это все равно что гордится сифилисом, которым заразился!

Он снова размахнулся, но детки не шелохнулись. Я ухитрился разглядеть, как Альфия зажмурилась, а Таня вздрогнула.

— Эй, спокуха! — встрял я. Не мог уже просто наблюдать за этой херней.

Шагнул к Степану, но тот ловко выхватил из-за брюк сзади пистолет — на вид настоящий. Учитель прицелился в меня.

— Тебе, Тим, лучше сесть в свою машину и уехать, — процедил он. — Вижу, ты не совсем достоин. Погуляй по свету, погляди, потом вернешься, если захочешь, двери открыты. Надеюсь, ты не погибнешь.

Я чуть поднял руки и остановился. С пулей мне не тягаться. Если пистолет заряжен, конечно.

— А ты их мордовать будешь?

— Я их буду лечить, — осклабился Степан. — Всерьез возьмусь, а то все спускал им эти языческие приколы. Ты знаешь, Тим, что они в деревне еще жертвоприношения совершали? Таня, охотница наша, убила лисицу, и они всем скопом мазали деревья кровью! Втихаря! Я подсмотрел тогда!

— Вы ничего не понимаете, — сказал Толик. — Это нужно.

Мне стало не по себе. Пожалуй, поеду-ка я своей дорогой. Пусть один-одинешенек, зато подальше от этих шизоидов.

Я уже начал пятиться, когда детишки разом набросились на Степана, вцепились в руку, держащую пистолет. Альфия закричала. Степан от неожиданности покачнулся, начал бороться.

Потом грянул выстрел. Получается, заряжен пистолет-то.

Клубок мгновенно распался, Степан отскочил в одну сторону, дети — в другую. Кроме Толика, который упал на бок и скрючился в позе эмбриона.

И тут у меня снесло крышу. Я и сам не понял, как подскочил к растерявшемуся на мгновение Степану и вонзил финку в горло — как тем Оборотням. Ударил так сильно, что лезвие скребнуло по шейным позвонкам. Теплое и липкое брызнуло мне на лицо, когда я выдернул нож, шлепнуло по разорванной куртке. Степан упал назад, на задницу, точно вдруг резко захотел сесть прямо на землю, схватился за шею. В алом трепещущем свете костра красная кровь казалась черной. Потом пастырь упал и замер, на земле рядом растекалась темная лужа.

— Твою мать, — прошептал я, опуская руку с окровавленной финкой и смаргивая капли чужой крови.

Таня, Захар и Альфия склонились над Толиком. Я таращился на убитого мной человека минуту или дольше, затем резко пришел в себя. Выхватил из руки Степана пистолет — пригодится. Повернулся к детям.

— Как он?

Таня плакала. Не по Степану — на него никто не смотрел, — по Толику. Пацан был еще жив, слабо шевелился, пуча глаза.

Совсем стемнело, и костер поугас, сожрав сухие ветки. Тем ярче нам показался свет фар, внезапно разорвавший тьму. С урчанием возле догорающего костра затормозила большая машина. Точнее, микроавтобус марки “Форд”. Фары переключились на ближний свет, хлопнула дверь, и к нам двинулась черная фигура.

Женская — это было видно, несмотря на бесформенную куртку и штаны. Невысокая женщина с собранными в пучок светлыми волосами, которые нимбом окутывали голову на фоне света фар.

— Мать? — прошептала Альфия. Кажется, я впервые слышал ее голос.

Да, Мать. Я чувствовал кожей — это она. Мать здесь, она прибыла наконец.

Когда новоприбывшая подошла ближе, то обнаружилось, что ей лет двадцать пять — тридцать. Самой заурядной внешности, не красавица и не уродина.

Она обняла детей. Никто из них не отстранился. А я застыл в сторонке, как дурак, весь в чужой крови, с ножом в одной руке и пистолетом в другой, и хлопал зенками.

— Так вот вы какие, деточки мои... Как долго я вас искала! — Она разжала объятия и посмотрела на детей ласково, по-матерински. — Охотница.

Кивнула Тане.

— Певунья. — Кивок Альфии.

— Балагур. — Смеющийся взгляд на Захара.

Тут женщина перестала улыбаться и опустила на колени перед Толиком.

— Зрячий... — Положила на него руки. Нет, не положила — возложила. — Он будет жить, не бойтесь, мы его вылечим. Пуля попала в живот, ничего важного не задела. Вижу это ясно.

— Правда? — пискнула Альфия.

— Правда, моя маленькая. Я никогда вас не обману. — Мать повернула голову к мертвому Степану. — Время пастырей прошло, не так ли? Вы ведь знаете, мои родные, что пастухи убивают овец больше, чем все волки вместе взятые? Хватит нас стричь да резать. Пора вспомнить, откуда мы все народились.

— От папы с мамой? — неуверенно спросил Захар.

— От земли-матушки, — засмеялась женщина.

И вдруг посмотрела на меня:

— А ты что стоишь, Палач? Куда пойдешь ныне — с нами или своей дорогой? Задачу свою теперешнюю ты выполнил.

Она меня не боялась, несмотря на кровь и оружие. Зато я ее боялся так, что и не передать. Аж поджилки тряслись.

— Своей дорогой, — выдавил я. Подальше бы отсюда убраться!..

— Вот и ладно, — легко согласилась Мать. — Ступай. Но помни: рано или поздно вернешься. Все из земли вышли, и все в землю вернутся.

Прозвучало зловеще. Я не стал уточнять, что она имеет в виду. Поспешно зашагал к джипу, сел, завел мотор. Выехал на трассу.

Некоторое время в зеркалах заднего вида во тьме мелькала светящаяся точка.

А потом она погасла.

Глава 3. Станция

До глубокой ночи я ехал по бесконечной дороге. Далеко за полночь остановился где-то в глуши, заблокировал двери и уснул. Ночь была холодная, но двигатель включенным оставить я поостерегся — бензина оставалось меньше половины бака. Закутался во что только можно, но все равно ворочался, и снились мне сны тяжкие, вязкие, неприятные...

Утром проснулся в ледяной машине, завел двигатель, врубил печку, а сам выскочил наружу и запрыгал вокруг машины, чтобы согреться. По обе стороны от дороги тянулась равнина с редкими плешивыми лесочками, но сама дорога была четырехполосная, вдали торчали рекламные билборды, виднелась заправка и здания мотелей, магазинов, частные домишки.

Чувствовалась близость большого города.

При первой же возможности я наполнил канистру бензином из брошенных машин и залил в бак своего Мицубиси Паджеро Спорт. Мог бы пересест в другую машину с полным баком, но надо перетаскивать барахло. И привык я уже к своему джипу... Поэтому пришлось побегать с канистрой, чтобы заполнить семидесятилитровый бак.

Сел за руль и снова поехал. И снова нахлынули на меня разные думы.

Ночью, удирая из летнего лагеря, куда прибыла Мать, я все думал о том, что вообще происходит в мире. Все превращаются в кого-то другого: детки — в язычников, школьные учителя — в фанатиков, кто-то — в Буйных, а кто-то — в Обратней. Не удивлюсь, если эта Мать прежде была обычной женщиной.

А во что превращаюсь я? В палача, который должен убивать, выполняя чей-то приговор?

Был бы у меня спутник, я бы с ним поговорил, душу облегчил. Но в полном одиночестве мысли крутятся и крутятся, пытаются, сводят с ума...

Когда вдали в дымке проступили силуэты городских зданий, на дорогу выскочило нечто маленькое, черное, вертлявое. Я затормозил — так и есть, собака. Черная, лохматая дворняга с торчащими ушками. Мое появление ее напугало, но отбежала она недалеко, остановилась, уставилась на меня, даже неуверенно вильнула хвостом. Давно не встречала людей за рулем, судя по всему.

Я вылез из машины, подозвал ее цоканьем языка. Собакен ринулся ко мне, и секунду спустя я гладил счастливую зверушку, которая вертелась у меня под ладонями, пыталась лизнуть в лицо и всячески демонстрировала радость.

— Как ты выжил, дружище? — пробормотал я.

Пес был худой, но не критично. Вероятно, нашел какой-то источник еды. Скажем, залез в магазин с мешками собачьего корма. Вдоль дороги ближе к городу должны быть такие магазины. Или этот пес принадлежал Бродяге, и этот Бродяга умер или бросил питомца? Я посмотрел на счастливого пса. Как его можно бросить? Наверное, хозяин погиб.

— Хочешь со мной? Будем как герои фильма “Я — легенда”!

Через минуту пес по имени Собакен сидел на переднем сидении с таким видом, словно всю жизнь этим занимался. Очевидно, так оно и было. А я разговаривал с псом и тоже был счастлив. Наконец-то я был не один.

Собака в моей ситуации — самое то. С людьми встречаться прямо сейчас как-то не

тянуло — после детского лагеря отдыха, где обитали зловещие детки и Матерь. А вот собака — существо простое и понятное. Его любишь — и оно тебя любит. Вот с человеком такой трюк не прокатывается: иного можно любить всю жизнь, а он тебе в итоге говнеца подкинет. Он или она — неважно.

За несколько километров от города мы наткнулись на груды сваленной одежды, разбросанной по огромной территории. Шмотки Ушедших под Музыку. Я уже не так офигел, как в первый раз, но все же испытал неприятное ощущение, когда колеса джипа прокатились по мягкому...

— Пошопимся, Собакен, — сказал я. — Видишь, моя одежда порванная? Прибарахлиться надо. Может, Ушедшим она не нужна, а мне холодно. И вообще, хочу выглядеть прилично.

Город имел название, но про себя я называл его просто Город. Сейчас уже неважно, что как именовалось в прежнем мире.

Далеко вглубь города заехать не удалось — попал в пробку. Пробка эта стояла вот так уже полгода. Часть машин сгорела, часть была разбита вдребезги Ордой Буйных, но многие оставались целыми и невредимыми, хоть и были покрыты грязными разводами и птичьим дерьмом.

Пришлось дальше прогуляться пешком. Мы заглянули в один магазин, другой, третий. Я нашел пакет с собачьей едой и накормил Собакена прямо возле кассы, высыпая гранулы на пол. Потом налил воду из бутылки в пластмассовую чашку и напоил своего спутника. Собакен ел и пил культурно, не спеша.

В магазин одежды мы проникли с улицы прямо сквозь разбитую витрину. На первом этаже была женская одежда, на втором — мужская. Магазин особо не пограбили — то ли Бродяг в городе мало, то ли все они живут далеко отсюда. То ли вкус у них какой-то другой.

А мне коллекция магазишла пришла по вкусу. Я переоделся полностью, даже сменил трусы с носками. Цвета верхней одежды выбрал неброские, серо-стальные и темно-синие. Не улыбалось мне быть тем самым дураком, которого видно издалека. Финку я перевесил на новый ремень, пистолет Пастыря, МР-448 «Скиф», засунул сзади в штаны, битую закинул на плечо, поправил зеркальные очки, погляделся в ростовое зеркало — красавец хоть куда!

Собакен негромко гавкнул — тоже одобрял мой новый прикид. Я заметил, что пес вел себя тихо, почему зря не лаял. Животные на интуитивном уровне поняли после Первой Волны, что лишней шум поднимать негоже.

В следующем магазине, продуктовом, следов грабежа было намного больше. Все же жрать хочется гораздо чаще и сильнее, нежели наряжаться. Между полок в мясном отделе валялся обглоданный человеческий скелет в лохмотьях. Вероятно, его прибили еще во время Первой Волны. С тех пор и лежит, кормит голодных зверушек.

Прогулялись с Собакеном квартала на три, наткнулись на оружейный магазин, выпотрошенный подчистую. Даже резиновых дубинок не осталось. Зато нашлась отличная наплечная кобура, которую я тут же нацепил под новую куртку. Поначалу кобура мешала, но потом я про нее забыл.

Идя по улице с перевернутыми машинами, мусором, выбитыми окнами и непуганными стайками воробьев, я то и дело обращал внимание на камеры видеонаблюдения, торчащие то на столбах, то на горизонтальных штативах над улицами. Если есть электричество, получается, видео записывается? Кто смотрит эти записи? Кто обслуживает электростанции и объекты водоснабжения?

Кое-где стояла техника для разгона митингов. Здоровенные бронированные автомашины с щитами и штуками наверху, которые издают такой сильный звук, что у людей не выдерживают нервы. Были машины, из которых поливают толпу мощной струей воды.

На Буйных все это не действовало. Звук, от которого у нормального человека отваливались уши, Буйных бесил еще больше. Под ударами струй воды они падали и снова поднимались.

Некоторые машины походили на консервную банку, которой долго играли в футбол. Бронебойные стекла висят лоскутами, решетки вывернуты... А что сделали с машинами? Разорвали в клочья, хоронить нечего. Буйные ломали себе руки, ноги и головы, но перли и перли бешеной, яростной толпой, будто не живые это были существа, а бездушная стихия...

Время близилось к обеду, и у меня забурчал желудок.

— Пошли назад, Собакен. Ты-то пожрал, а у меня кишка кишке молотит по башке.

Собакен не возражал. Мы повернули назад, к джипу, где была еда от родителей и двух старых Оборотней из деревни. Пошли другим путем, по параллельной улице, чтобы зайти, если что, в какой-нибудь магазин.

Прошли два квартала, и Собакен вдруг заволновался, наострил уши. Через несколько минут и я услышал непонятный звук. Поют, что ли, хором?

И правда, где-то впереди негромко и заунывно пели люди. Много людей. Слов не разобрать, а мелодия как в некоторых народных песнях — хоть ложись и помирай.

А еще каркали вороны.

Собакен тихо зарычал, я шикнул на него. Вынул пистолет, снял с предохранителя, взвел курок — потренировался еще в пути. Если там много народа, то пистолет мне не поможет, с одиннадцатью-то патронами, но хоть что-то. Перехватил свободной рукой битую.

— Ты помалкивай, понял? — прошептал я. Умный пес прижал уши и качнул хвостом. Кажется, понял. — Мы только глянем, кто там, и назад...

Буйные вроде не поют, только орут и улюлюкают, собирая толпу. Оборотни не способны выходить из домов и разных искусственных строений. Но и будучи внутри, к пению не склонны. Тогда кто тут распевает? Бродяги вроде меня? Они что, балбесы — распевать посреди улицы? Или нализались?

Нет, пьяные так не поют. Или я ничего не понимаю в алкашах. К тому же после Первой Волны миновало почти шесть месяцев, все бухло давно растащили и выжрали. Ну и, наконец, судя по хору, певцов там чертова уйма.

Посетила меня здравая мысль свалить по-тихому, но я все же поперся выяснять, что да как. Не из пустого любопытства или безделья, а потому что решил: пора выяснить, что произошло с нашим миром.

Собакен держался у ног, вперед не забегал, шум не поднимал, хоть и трясся от возбуждения. Если бы он начал плохо себя вести, я бы сгрэб его в охапку и убежал. А тут...

Прокрались мы до угла какого-то старинного трехэтажного здания с вычурными и крохотными балкончиками и выглянули.

Я посмотрел и чуть в обморок не грохнулся от страха.

Метрах в ста открывалась просторная площадь. И все это пространство заполняла толпа мужчин, женщин и детей. Тысячи людей. Все они покачивались, переступая с ноги на ноги, и медленно-медленно тащились по кругу, запрокинув головы вверх и бессильно повесив руки. И еще они глухо и заунывно пели песню на неведомом языке.

Над этой гигантской толпой, поющей и шаркающей ногами, с карканьем носились

вороны. Высматривали, выклевать ли у кого глаза? Или чуяли мертвечинку? Не музыка же им нравилась, в самом деле.

Это были Буйные, я мог поклясться. Насмотрелся на этих тварей досыта. Внешне они обычные люди, но движения ломаные, дерганые, марионеточные. Кто-то из них наверняка сдох прямо в этой толпе, и остальные шагали прямо по телам, а вороны не могли улучшить момент, чтобы поживиться...

Я разом вспотел с головы до ног. Оглянулся — улицы позади и сбоку пусты. Есть куда отступить. Если нас услышат... У Буйных слух плоховатый, хуже, чем у обычного человека, зато силы и дури хватит на троих.

— Пошли отсюда, Собакен, — прошептал я дрожащим голосом.

И тут Собакен начал подвывать в тон жуткой песни Буйных — сначала тихо, затем громче.

— Ты чего? Заткнись!

Бросив битую и сунув пистолет в кобуру, я схватил пса на руки, чтобы убежать с ним к машине и рвать когти из города, но Собакен учудил — взвизгнул и цапнул меня за рукав, несильно, но чувствительно. Я его выронил, и пес побежал к тысячной толпе, воя все громче.

— Собакен, блядь! — схватился я за голову.

Меня раздирало: хотелось одновременно бежать без оглядки и спасти моего спутника...

Кое-кто из Буйных, кто был ближе к нам, начал оборачиваться, дергая головой по-птичьи. Услыхали! Пятеро или шестеро отделились от основной толпы и пошли к псу, который остановился, но продолжал глухо выть.

А если выбежать, схватить пса, завернуть в куртку, чтобы не кусался, и бежать? Нет, долго, не успею — Буйные догонят, если ускорятся.

Я скорчился за углом и боялся дышать. Буйные перешли с шага на бег, кое-кто заулюлюкал, и тут Собакен, словно выйдя из транса, залаял. Лай был испуганный, трусливый — мол, где это я? Что происходит?

Буйные набросились на него, лай превратился в визг боли, хрустнуло... Я нырнул в укрытие. И не хотел смотреть, и высовывать голову было глупо. Совсем рядом, метрах в сорока от меня, за углом, топали и орали невнятицу Буйные. На крики подтягивались остальные, их топот морским прибоем нарастал, усиливался, обретал грохочущие нотки...

Я не выдержал. Схватил битую и побежал так, что ветер в ушах засвистел. За автомашинами согнулся и дальше бежал на полусогнутых. Шмыгнул в переулок, перебежал на другую сторону улицы и очутился возле моей Мицубиси. Запрыгнул за руль, завел мотор, рванул с места.

Уже приближаясь к окраине, увидел в зеркале заднего вида, как улицу позади захлестывает темная человеческая волна... Точнее, нечеловеческая.

Но им было не догнать меня.

Спустя четверть часа, огибая город по объездной и нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, я малость пришел в себя.

Посмотрел на соседнее сидение. Там остались грязные отпечатки лап и волоски шерсти моего утерянного друга.

Я отъехал от города километров на пятьдесят и остановился возле крохотной речушки — перевести дух и подкрепиться. О том, что Буйные меня догонят, не беспокоился. Если они громких звуков не слышат, то и не гонятся. После Первой Волны они редко собирались в

толпы, а тем более — в Орду. Я впервые с тех пор наткнулся на такую ораву. И вели они себя необычно: раньше старались прятаться кто где. В подвалах, подъездах, любом темном уголке. И впадали в спячку, из которой выходили при громких звуках.

А теперь они пели эту зловещую песню, похожую на молитву... Мне почему-то подумалось, что они слышат музыку в голове и напевают ее, как Ушедшие. Кому они молились, какому жестокому богу?

На обочине я сварил на походном газовом баллоне кашу из чего попало. Из риса, гречки и мясных консервов. Мясо из консервов, собственно, мясом не было — сои больше, чем мяса. Но хоть вкус есть... Набрал в чайник воды из реки, вскипятил и заварил чайку. Сел на длинную подножку тачки и поел-попил горячего.

Стало намного лучше.

Попивая чай из большой кружки, прихваченной еще из дома, я глядел на развилку дороги впереди. Одна дорога вела на северо-восток, другая — на юго-восток. Мне надо на юг, чтобы следующей зимой не сдохнуть от морозов, если вырубятся отопление и электричество. Но в северном направлении высились гигантские трубы теплоэлектростанции, а из труб валил дым... Там кто-то до сих пор работал.

Заехать туда?

Каждый раз, когда я любопытствую, происходит что-то плохое. Но не бегать же от всего постоянно? Надо ведь выяснить, что произошло с миром!

— Направо пойдешь — в теплые страны попадешь, — проворчал я под нос. — Налево пойдешь — на электростанции проблемы найдешь... И ответы тоже.

“Или новые вопросы”, — додумалось само.

Собрав кухонные пожитки в багажник, я сел за руль и поехал. Налево.

Когда до ТЭС оставалось километра три, в редком лесочке по левую руку вдруг разглядел дымок. Раньше он сливался с дымом из трубы. А сейчас, притормозив, я обнаружил, что в лесочке среди кустов притаилась палатка камуфляжного цвета, а рядом двигается фигура.

Этот турист меня тоже заметил, вышел навстречу медленно, с опаской. Я остановился, выбрался из машины, распахнул куртку, чтобы дотянуться в случае чего до пистолета в кобуре.

“Туристу” было лет тридцать с небольшим. Среднего роста, ниже меня, худой, узкоплечий, с большой головой в вязаной шапочке, свитере с широким горлом, штанах милитари с накладными карманами. Чернобородый, длиннолицый, с близко посаженными глазами за стеклами круглых очков.

В одной руке он держал топорик, которым рубил сучья для костра, и больше оружия я не заметил. Опасным и агрессивным он не выглядел.

— День добрый, — сказал я.

— Здравствуйте, — отозвался тот хрипловатым высоким голосом.

— Меня зовут Тим, еду вот...

Я внезапно увидел за палаткой пятиместный “уазик” защитного цвета. Тоже мне, нашел на чем ездить! Выбирай любую машину — а он выбрал “уазик”!

— Боря, — представился бородач. — Сам не знаешь, куда едешь?

— Ну.

— Понятно. Заходи в гости, я как раз обедать собираюсь.

— Вы один?

Боря вздохнул:

— Один.

И я ему поверил. Был он какой-то простой и незамысловатый, этот Боря, почти что не от мира сего. Я принес кастрюльку с остатками моей странной каши, но Боря еду оценил. Он варил макароны с голубятиной, и мое варево внесло в меню разнообразие.

Сидя на бревне возле костра, мы разговорились.

Оказалось, что Боря всю зиму выживал в городе, а недели две назад решил проникнуть на ТЭС. Это оказалось не так-то просто, поэтому сейчас Боря живет в палатке, наблюдает за станцией.

— Почему проникнуть на станцию непросто? — спросил я.

— Вся санитарно-защитная зона заросла какими-то странными растениями. Там и раньше была лесополоса, но сейчас не протиснуться. Я пока не рискую, наблюдаю.

— Что выяснил?

— Работает там кто-то... — мрачно сказал Боря. — За пределы станции не выходят, чем питаются — непонятно.

— А ты уверен, что это люди?

— В том-то и дело, что не уверен.

— Может, Ушедшие там и работают?

Боря отчего-то помрачнел.

— Нет, не они.

Он наклонился куда-то назад, достал из сумки за бревном сломанный дрон.

— Вот, пытался полетать над ТЭС, поглядеть. Три дрона потерял. Связь прекращалась, будто экранирует что-то радиосигналы. Этого вернул, как только связь ухудшилась, но он все равно рухнул в лесу.

— Может, там радиация?

Боря снова потянулся к сумке, показал желтую металлическую коробочку с рубильником, циферблатом и ручкой на толстом проводе.

— Счетчик Гейгера. Радиации нет. То есть есть, но не выше фонового уровня. Есть радиопомехи, приемник шумит, когда включишь. Специально никто сигналы не глушит, судя по всему, но что-то у них излучает радиоволны на разных частотах. В основном, коротких.

— А если забраться повыше и посмотреть в бинокль?

Боря грустно хмыкнул.

— Куда заберешься? Ни горы, ни возвышенности рядом. Я дрон поднимал повыше и пытался разглядеть — не видно ни хера. Подъездные дороги все заросли этими... Полипами.

— Чем?

— Я эти странные деревья так про себя назвал. Они шевелятся.

Я вспомнил, что видел рошу, которая дрожала как от марева, хотя какое марево в нашей холодрыге?

— Ты их разглядывал вблизи?

— Ага. Они какие-то... мерзкие. Как раздавленный таракан. Смотреть противно.

Мы помолчали, потом пообсуждали теории апокалипсиса. Боря считал, что во всем виноваты инопланетяне. С нами разговаривать они не хотят, потому что у них другие планы. Какие — не понять. Молча, втихую переделывают планету, как им удобно. А зачем сложности с Буйными, Ушедшими и Оборотнями? А хрен их знает, инопланетян.

— Что будешь делать дальше? — спросил я.

Боря пожал плечами.

— Надо внутрь прорываться. Если помру, так хоть кое-что узнаю на прощание. Смысла жить вот так дальше не вижу.

Он повернулся ко мне:

— Пойдешь со мной?

Я ждал этого вопроса, но он все же застал меня врасплох. Я поколебался и сказал:

— Пойду. Что еще делать?

— Вот именно.

Он достал из одного из многочисленных карманов мобильник.

— Смотри.

Включил видос — похоже, сам его снял. На экране девушка, смеясь, говорила:

“Вот дурак ты, Борис! Большой мальчик, никак не повзрослеешь. Всё тебе в машинки играть... Потому и люблю тебя, дурачка”.

Боря выключил видео. Сказал дрогнувшим голосом:

— Единственный случай, когда моя Анютка в любви призналась. Я записал... Она у меня больше человек дела... была. Сюсюкать не любила. Теперь смотрю, когда хандра нападает. — Он вздохнул. — Раньше ради нее жил, а сейчас — ради правды. Всегда надо жить ради чего-то, что больше тебя, Тим. Ради любви, например. Или науки. Если живешь только ради себя, то смысла у жизни вовсе нет.

Прорываться сквозь пояс Полипов наметили назавтра с утра. Вечером поужинали возле костра. Когда стемнело, Боря пригласил меня в палатку, где у него был запасной спальный мешок и каремат. Я согласился — вдвоем теплее.

В темном лесу трещало, хрустело, ухало. Ночью задул ветер, похолодало, но в палатке и мешках было тепло. Мы уснули, а проснулись с первыми лучами солнца. День обещал быть солнечным и более-менее теплым. Погода радовала. Мы неспешно позавтракали и проверили вооружение. Я пощупал пистолет в кобуре, которую не снимал всю ночь, финку в ножнах и взял битую из машины. Боря ограничился складным походным ножом на поясе и вытащил из “уазика” автомат с оптическим прицелом. Я вытаращил глаза, а Боря, повесив оружие на грудь, любовно погладил длинный матовый ствол.

— АК-107, — сказал он. — Хорошая машинка.

Я крикнул. Мне бы такая штука тоже не помешала.

До пояса аномалий, заросшего Полипами, мы добрались на “уазике”. Я разглядывал эти Полипы. Невысокие деревья, самые высокие метра три в высоту, стволы толстые, перекрученные, бугристые, светлые. Ветки тоже все сплошь кривые, короткие, похожие на щупальца анемонов, усеянные узкими темно-коричневыми листочками. Росли Полипы впритык друг к другу, между некоторыми стволами можно протиснуться разве что боком.

И все эти неестественно выглядящие деревья медленно шевелились — и ветви двигались туда-сюда, и стволы покачивались. Зрелище действительно внушало отвращение.

На дороге, ведущей к ТЭС, валялись груды одежды Ушедших. Ветер принес, наверное. Или Ушедшие разделись здесь, вдали от города.

Метров за десять от первых рядов Полипов мы выбрались из авто и пошли пешком по асфальтированной дороге. Над лесом возвышались исполинские дымящиеся трубы.

— Газ жгут, — прошептал Боря, — или мазут. Значит, кто-то обслуживает и заводы

нефтегазовой промышленности.

Когда подошли вплотную, меня передернуло. Поверхность стволов Полипов была гладкая, эластичная на вид, телесного цвета — точь-в-точь человеческая кожа, покрытая стеклянистой пленкой. Кажется, я видел волоски, родинки, пупки и слипшиеся руки и ноги... И все это было искажено до ужаса, будто человека запихнули в стеклянную кривую трубу, а он там подтаял, как воск, перекрутился и заполнил все пространство трубы.

И вот хочет этот изуродованный сверхъестественной силой человек выбраться из трубы — шевелится, дергается, но сбежать не может. Из этих чудовищных тел вырастали кожистые ветки с бурыми листочками, усеянные множеством зернышек наподобие стрекозиных или мушиных глазок. Снизу из “стволов” высывались кожистые отростки вроде коровьих сосков. Или недоразвитых членов.

Я смотрел на этот шевелящийся лес из изуродованных человеческих тел, разбухших ног, превратившихся в корни, слипшихся с бочкообразными телами рук, и чувствовал, как у меня самого шевелятся волосы на голове.

— Ты знал, — выдавил я.

— Что это Ушедшие? — шепотом ответил Боря. — Да. Хотел, чтобы ты сам увидел.

— Ты боялся, что если скажешь, я сдрисну отсюда, — перебил я. — Не хотелось тебе одному идти. Боишься?

— Не описать как.

Я покосился на него. Боря таращился на человеко-деревья сквозь стекла очков, шмыгал носом. До меня вдруг кое-что дошло.

— Твоя Анюта ушла под Музыку?

Боря сжал челюсти, кивнул.

— Видишь, у них лиц нет, срослось все в одну массу, — еле слышно сказал он. — И вряд ли я ее узнаю, если увижу... Да и не обязательно она сюда ушла. Таких роц в округе много. Но, Тим, если сердце подскажет: она, мол! — я ж рехнусь! Поэтому медлил, выжидал. А ты появился, я и подумал: пора...

Под конец этой короткой речи голос Бориса окреп, возвысился.

— Пройти надо, — сказал он. — Мы должны узнать. Я больше не хочу так жить. А ты? Хочешь постоянно ехать невесть куда? Без цели? Бежать от самого себя?

В голове у меня зазвучал голос той девки, которую я чуть не скормил родителям, Лиды.

“Я сон видела, что мои близкие, которые под Музыку ушли, стали частью природы...”

Экстрасенс эта Лида, подумал я. У нас, Бродяг, почти у всех проявились эти способности.

— Ты прав, Боря, — произнес я. — Надо пройти.

Я вынул финку, битую зажал локтем, шагнул в зазор между двумя Полипами. Вряд ли эти деревья, бывшие живыми людьми, нападут. Хотя кто знает...

Здесь было заметно теплее, словно вправду стоишь в толпе голых людей, и пахло — только не человеческими немытыми телами, а чем-то приторно-сладковатым, приятным и мерзким одновременно.

Я проскользнул в паре сантиметров от ближайшего ствола. Под слизисто-стеклянистой пленкой пульсировала деформированная плоть. Кожу покрывали волоски, были видны старые царапины. Вот пупок... А вот начало промежности, книзу сращенной с завернутой вокруг ствола ногой, похожей на анаконду.

Шаг за шагом — никто не нападал. Боря шел следом, шумно дыша. Воздух наполнял

густой сладковатый запах. Меня подташнивало. Я боялся дотронуться до ствола — мнилось, что если дотронусь, Полипы нас схватят... Хорошо хоть, ветки начинают расти выше моей головы, не задевают.

Однажды я увидел закрытый глаз. Веки навсегда слиплись, но казалось, что сейчас глаз вытаращится на меня. Второй глаз уплыл вниз и едва различался, походил на морщинку, из которой торчали реснички. В детстве я лепил из пластилина человечков, а потом одним сжатием ладони превращал их в длинные колбаски, сохранявшие намеки на конечности, голову и прочие части тела. Вот и из Ушедших кто-то могучий и ужасный слепил эти деревья.

До меня, наверное, не сразу дошел весь ужас этого путешествия сквозь рощу людей-деревьев. Но в глубине рощи, когда меня уже нешуточно тошнило от запаха и вида всех этих уродств, этого неостановимого мучительного шевеления, я вдруг осознал. Заторопился, чуть не побежал, задел задницей мягкий ствол, который сразу потянулся ко мне. Вскрикнул и бросился напролом, распихивая локтями Полипы — слишком мягкие для деревьев, но уже слишком твердые для живых людей.

Позади ломился Боря и орал. Я и сам не понял, как выбрался из рощи, и бессильно оперся о бетонный забор. Совсем рядом были полураскрытые ворота и КПП.

Боря вырвался из рощи вслед за мной — глаза выпучены, очки запотели, лицо позеленело. Он наклонился и с утробным звуком вывалил на гравий завтрак. Его полоскало долго, и у меня сработал рефлекс “собаки Павлова” — тоже блеванул.

Через минуту нам обоим вроде полегчало. Шатаясь, мы добрались до ворот и прошли внутрь. Впереди открылся просторный двор, здания, гигантские трубы теплотрасс. Глухо грохотали турбины.

Мы с Борей переглянулись. Идти дальше не было никакого желания, но возвращаться прямо сейчас сквозь рощу Полипов хотелось еще меньше. Не сговариваясь, мы двинулись к ближайшему серому трехэтажному зданию, за которым вздымалась чудовищная труба. Здание выглядело как типичная серая коробка советских времен. Судя по состоянию стен, с тех времен здание не ремонтировали, разве что красили поверх многочисленных слоев старой краски.

В мутных окнах — никого. Мы медленно подошли к двери. Я достал пистолет, Боря приподнял автомат и открыл дверь.

— Эй!

Мы подскочили и развернулись. Из-за угла здания к нам шел высокий человек в оранжевой каске и синей спецовке.

— Вы кто такие? — недовольно поинтересовался он.

Мы уставились на него. Ожидали кого угодно, какого-нибудь трехрукого жопоглазого пришельца, только не совершенно обычного человека, к тому же недовольного.

— Кто вас впустил? — спросил он, встав перед нами и подбоченившись. На мою битую и Борин автомат и не глянул.

— Там никого не было, — брякнул Боря. — Только Полипы...

— Какие Полипы? Вы что несете? Как вы ворота открыли?

— Да они открыты были, — плохо соображая, сказал я.

Будто не было апокалипсиса! У меня в голове не укладывалось. Я что, сошел с ума, и апокалипсис мне померещился? А сейчас случился проблеск здравого смысла?

— Не может быть, — отрезал Каска.

Из двери, переговариваясь, вышли еще два немолодых работника в спецовке, без касок, зато в шапках. Полный и худой.

— Слушайте, — слабым голосом заговорил Боря, — вы что, не в курсе, что творится снаружи? Конец света наступил! С Первой Волной пришли Буйные! Со Второй под Музыку ушли Ушедшие! С Третьей явились Оборотни...

Каска и два работника переглянулись. Я и сам сознавал, что сказанное звучит как сущий бред.

— Ребятки, — сказал полный работник в шапке, — вы, случаем, не перебухали? Или прикальваете, а сами снимаете на мобилу, чтобы потом в интернет выложить? Давайте по-хорошему свалите отсюда, пока наш начальник вас не спалил.

В этот момент у меня щелкнуло в голове. Я сказал:

— По-хорошему вы должны нас передать охране, а не просить свалить. Давайте выйдем за ворота, и вы глянете на то, что там снаружи.

Боря перевел на меня дикий взгляд. Тоже, видно, усомнился в собственном рассудке. Но сейчас сообразил, что дело нечисто. Придвинувшись ко мне, шепнул:

— Они не Оборотни — выходят из здания!.. И не Буйные...

— И не Бродяги, — добавил я. — С чего Бродягам тут вкалывать все эти месяцы?

Я вдруг обратил внимания, что спецовки грязные, воротники и манжеты засалены донельзя, и от самих работничков несет крепким застарелым потом.

— Что-то от вас пахнет, товарищи, — нагло сказал Боря. — Давно дома не были?

— Скоро вахта заканчивается, — охотно отозвался худой работник. — Тогда и поедем домой.

— А вы идите домой сейчас, — сказал Каска, особо не раздражаясь. Казалось, он играет роль вечно недовольного, но не особо злостного мелкого начальника. — Никакого конца света нет, все хорошо.

— Да вы просто гляньте за ворота...

— Никакого. Конца. Света. Нет, — отчеканил Каска. — И смотреть за воротами нечего. Всё хорошо.

Где-то вдали завыли — громко и пронзительно. Мужским голосом. Глаза всех троих работников остановились, помутнели. Они одновременно развернулись и, начисто забыв о нас, пошли вдоль здания. Исчезли за углом.

Мы с Борей нерешительно последовали за ними. За углом, во внутреннем просторном дворе, собирались люди — все в синих спецовках и большинство в касках. В основном мужики, однако я заметил пару женщин. Людей было много, больше полусотни.

На деревянные ящики в разных углах двора поднялись трое без касок, но с необычно вытянутыми головами. Они не были похожи друг на друга, иначе я бы подумал, что это близнецы с одной и той же болезнью, от которой черепа вытягиваются, как у жрецов майя. Они разинули рты — шире, чем на то способен обычный человек, — и завыли. Вой прокатился над толпой и заглушил шум турбин.

Мы с Борей перетрусили. Буйные!

Но выли они как-то по-другому, а потом и вовсе заговорили — медленно, ритмично, нараспев, будто читали молитву:

— Всё хорошо, всё абсолютно хорошо!.. Нет никаких проблем! Наша цель — наша работа, мы должны работать постоянно и старательно. Ни у кого нет никаких проблем, всё хорошо. И наша цель — работа...

Длинноголовые глашатаи повторяли одно и тоже снова и снова. Толпа покачивалась в такт словам. Кое-кто повторял под нос: “Всё хорошо, всё абсолютно хорошо”.

На нас никто не обращал внимание, и мы сиротливо топтались в сторонке.

— Да они их зомбируют! — пробормотал я. — Они даже не знают об апокалипсисе!

— И не хотят знать. — Боря часто моргал и морщился, как от головной боли. — Еще до Первой Волны были такие люди, которые не знали и не желали знать, какая вокруг жопа творится... Что мир катится в тартарары... Все повторяется... Вот ведь говно! Я будто в преисподнюю попал... и нет выхода... все повторяется.

Он зажал уши, бормоча все тише и покачиваясь в такт занудным песнопениям глашатаев. Я зажал битую подмышкой и потряс Борю за плечи. Страх отступил — однообразное завывание “все хорошо, все хорошо” успокаивало, умиротворяло, вводило в транс.

Боря внезапно вырвался, вылупил глаза, разинул рот и завопил так громко, что у меня заложило уши.

— Не могу больше! Не могу больше!!!

Я пытался его утихомирить, заткнуть рот, но он укусил меня на палец, а я едва почувствовал боль, до того спокойно и мирно мне стало под убаюкивающие песнопения глашатаев. И когда чьи-то руки схватили Борю и оттащили от меня, я почти не испугался, будто все происходило так, как надо. Я равнодушно наблюдал, как толпа в спецовках и касках принялась избивать Борю, а когда он упал, запинывать ногами. Боря орал сначала громко, потом тише и наконец вовсе умолк. Работники некоторое время еще пинали и топтали неподвижное тело, затем пошли к воротам. И я пошел за ними.

Проходя мимо Бори, я посмотрел на его окровавленное и распухшее лицо, на котором было не понять, где глаза, а где нос и рот. Боря обнимал автомат, которым так и не воспользовался — или не мог, или не хотел. Сломанные очки валялись рядом. Телефон, почти целый, лишь с треснувшим экраном, лежал чуть дальше.

Не знаю, зачем, но я наклонился и поднял телефон. В голове шумело, и гремели, гремели, гремели без конца слова глашатаев: “Все хорошо, всё хорошо...”

Всё хорошо, даже то, что я снова потерял друга и снова один. Не хотелось думать, что на мне проклятье, заставившее Собакена и Борю зашуметь не вовремя и умереть страшной смертью. Я вяло подумал, что Боря по крайней мере узнал, кто работает на станции.

Вслед за первой группой работников я вышел за ворота к роще Полипов. Сзади шаркала оставшаяся толпа. Глашатаи уже заткнулись, но мусть в голове пока не рассеялась.

Я равнодушно смотрел, как работники заходят в чашу, становятся на колени, обнимая чудовищные стволы и начинают сосать отростки, похожие на коровьи соски или дряблые члены.

“Так они питаются, — подумалось отстраненно. — Время завтракать. Прослушали очередную лекцию и пошли кушать”.

На меня накатило отвращение. Эти работники, только что убившие Борю, вызывали омерзение. Ни Буйные, ни Оборотни не были такими мерзкими. Работники были настоящими зомби, сначала слушающими своих глашатаев, а потом отсасывающими у деревьев, чтобы не сдохнуть от голода.

Я содрогнулся. Поднял руку — в ней был телефон Бори. Нажал на кнопку блокировки экрана — экран загорелся без всякого пароля. На нем “висел” ролик, который Боря показывал мне совсем недавно. Словно замороженный, я нажал на треугольную кнопку, и

ролик включился.

“Вот дурак ты, Борис! Большой мальчик, никак не повзрослеешь. Всё тебе в машинки играть... Потому и люблю тебя, дурачка”.

Как естественно она это сказала! Без придыхания или театральности. Честно, искренне.

Бори нет, его девушки нет, а слова все еще звучали в холодном воздухе.

Если бы не они, я бы тоже насосался какой-то блевотной жижи из сисек или членов деревьев. А затем отправился бы работать на электростанцию, выполняя неведомую волю, уничтожившую наш мир. Слушал бы глашатаев о том, что все хорошо и я должен работать, ни о чем не беспокоясь.

Но слова о любви прозвучали. И я пошел прямо сквозь чащу Полипов, мимо работников, жадно высасывающих питательную жижу из деревьев. Меня никто не останавливал — глашатаи, наверное, и не представляли, что такое возможно. Если сюда и совались любопытные, то на них надевали спецовки и они работали здесь до самой смерти.

Чтобы выбраться из клетки, иногда достаточно лишь осознать, что живешь в неволе.

Глава 4. Хозяин

Зазвонил, завибрировал смартфон, лежащий на тумбочке. Я с трудом разлепил глаза, сощурился на ослепительно сияющий в темноте комнаты экран.

Звонила Валя.

В пять минут двенадцатого ночи.

— Ты чего? — вместо приветствия буркнул я, переворачиваясь на спину.

— Я не поняла, Тим, ты там дрыхнешь, что ли? — раздался протяжно-капризный голос Вали. Судя по всему, эта дура успела набухаться.

— Сплю, конечно. Ночь на дворе.

— Вот ты душный! Го с нами по набережной чилить. Я тут с Леной, Антоном и Ваней Мы на вайбе с кафешки... Рил здесь клево! Приезжай!

Я фыркнул.

— Ага, щас, только штаны натяну.

С Валею я познакомился на днюхе у приятеля. Она — моя ровесница, но учится в колледже, а не в старших классах, как я. Дико разбитная и ушлая. Но симпатичная. Положила на меня глаз и с тех пор не отстаёт, регулярно названивает — как правило, поздно вечером. Жизнь у нее, как я понял, веселая и полная развлечений, причем за чужой счет.

Как-то раз я принял приглашение потусить в парке, Валя явилась слегка подшофе, с подругой — не запомнил имени. Шалабондой какой-то. Начали они ко мне приставать поочередно, когда другая отворачивалась или отходила куда-нибудь. Это у них спорт типа был такой.

Мне тогда до того противно стало, что я свалил. Валя пропала на месяц — и вот, нарисовалась.

Кто такие Лена и Антон с Ваней, я понятия не имел. Как-то чекнул ее акк, посмотрел, с какими обсосами она на вписках тусит, так желание знакомиться с ее друзьями пропало начисто.

— Давай, поторопись, — не поняла моего сарказма Валя.

На заднем фоне шумели голоса, сигналили машины, кто-то смеялся пронзительным смехом.

— До набережной — это через весь город, — попытался я ее урезонить.

— Вызывай мотор и гони сюда. Я хочу тебя... — она сделала выразительную паузу. — Видеть.

— Твою ж...

Я не знал, как ее слить. Просто послать? Или выключить телефон и спать дальше? Пока думал, в трубке грохнуло, кто-то взвизгнул и заматерился.

— Что это? — спросил я. — Валя?!

— Они что, охренели вообще? — взвизгнула Валя, обращаясь явно не ко мне.

Голос ее отдалился, как если бы она отодвинула телефон от лица. Снова грохнуло, и я догадался: это ударяются друг о друга машины. Противно заголосила сигнализация.

— Ой, ебать! — раздался мужской голос. Наверное, Антона или Вани. — Это чё щас было?

— Смотри, смотри! — крикнула Валя. Протяжные нотки в ее голосе испарились без следа. — Бегут! Мамочки-мамочки!

— Валя! — позвал я, встревожившись. Сел в постели, повернул голову в сторону родительской спальни, словно мог увидеть, разбудил ли их мой разговор. В комнату сквозь неплотно прикрытые шторы сочился слабый свет.

— Тим! — вспомнила обо мне Валя. — Тут, прикинь, какие-то обдолбыши все ломают вокруг! Ой, мамочки, сколько их! А вон те, Лен, — мы их видели недавно, они же нормальные были!.. Что это с ними?

— Какая, нахер, разница? — услышал я Лену. — Валим!

— Да куда валить? Они везде...

— А Ваня куда делся? Он же...

Конец фразы я не разобрал, его заглушил рев. Орала люди — большая толпа. Рев был таким бешеным, неистовым, первобытным, что у меня по спине пробежал холодок, а в груди сжалось.

— Валя! — снова позвал я.

Что-то стукнуло прямо по динамику, хрустнуло. Видимо, Валя уронила телефон на асфальт. Кто-то кричал, визжал, топал и горланил, мешанина звуков врывается мне в ухо. А потом я услышал улюлюканье Орды Буйных — звук, который позже снился мне в самых тяжких ночных кошмарах.

Связь прервалась. Я набрал номер Вали, но равнодушный голос автомата сообщил, что абонент “отключен или находится вне зоны покрытия сети”.

В ту ночь я, как и большинство людей, не осознал масштаб происходящего. Мы не знали, что мир — весь мир — захлестнула Первая Волна Апокалипсиса. О Волнах гораздо позже я узнал из радиопередачи самоотверженного ведущего, который выходил в эфир каждый вечер в течение двух месяцев после Третьей Волны. А потом и он пропал без вести.

На улице бешено засигналили машины, и я выглянул в окно. Наша квартира находилась на десятом этаже. Внизу протянулась светящаяся змея — автомобили стояли в пробке. Между ними сновали быстрые тени. Вдруг взревела толпа, раздались удары и звон бьющегося стекла в авто, окнах домов и витринах. Вдали, в темноте, полыхало: горело с десяток зданий.

Чуть позже, когда ко мне в спальню заглянули встревоженные родители, в центре города загрохотали выстрелы.

...Я вздрогнул, когда машина наехала на ухаб. Сильно задумался и не заметил кочки — вспомнились подробности начала Первой Волны.

С тех пор всего полгода прошло, а будто несколько лет пролетело. Даже тот день, когда я навсегда покинул дом, пообещав родителям спасти их, казался чем-то далеким и полузабытым.

Время вообще стало восприниматься странно. Словно я застрял где-то в безвременье, и до любого события в прошлом мне одинаково далеко. Несколько дней назад я выбрался с ТЭС и с того момента еду и еду куда-то...

Вроде на юг, но куда именно? Юг большой.

Течение времени воспринималось постольку, поскольку менялась погода. Дни становились теплее, птички пели веселее, задорнее, им-то на конец света насрать да размазать. Это не для птиц, а для людей наступил лютый пипец.

Несколько раз по пути попадались рощи Полипов — ужасных деревьев, в которые превратились Ушедшие под Музыку. Я их узнавал по шевелению веток. Старался не

приглядываться, но все же заметил, что стволы в этих рощах темнее, чем возле станции. Темнеют ли они, потому что деревенеют и меньше походят на человеческие тела, или происходит еще что-то?

Раза три я ограбил пустые деревенские дома. Обзавелся кое-какой жрачкой и оружием посерьезнее пистолета — карабином “Сайга-12К” с несколькими магазинами. Не знаю, хранил ли это оружие его бывший хозяин легально или нет, но про себя я его поблагодарил.

Бродяги, Буйные и Оборотни мне не встречались. Похоже, большая часть человечества ушла под Музыку и превратилась в деревья. Я и расслабился — заночевал в машине прямо посреди деревенской улицы.

Среди ночи проснулся от липкого чувства удушающего ужаса. Пробудились экстрасенсорные способности. Я сел в кресле водителя с откинутой спинкой, вытаращил глаза в темноту. Ни хрена не разглядел, но чувство, что там кто-то бродит, было четкое.

Переборов страх, я включил фары и на секунду ослеп от яркого света. Фары осветили узкую улочку, штакетники по краям и дома. Вдалеке, метрах в сорока-пятидесяти, улица упиралась в перпендикулярный проулок.

И там кто-то находился.

Кто-то высокий, угловатый, черный.

Я не сразу его засек, так как он не двигался. Но вот он шевельнулся и вдруг быстро двинулся ко мне. И я сообразил, что это не человек, а какая-то двухметровая тварь с длинными руками ниже колен и чернильной кожей.

Я завел двигатель, сдал назад и развернулся. В этот момент чудище ускорило, понеслось на меня с невероятной быстротой. Я ударил по газам и прямо через канаву и участку бездорожья выехал на трассу.

Гнал так, что чуть не улетел за обочину. Пролетев километров тридцать и очутившись в чистом поле без намека на населенные пункты, остановился и перевел дух. Только тогда заметил, что ехал сидя в кресле с откинутой спинкой и что башка болит — приложился, когда подпрыгнул на той канаве.

Пока не начало светать, так и не уснул. Все мерещилось, что из темноты ко мне подкрадывается черная тварь. Я примерно представлял, кто это — Бугимен. Раньше я считал, что это Оборотень, которые сумел выйти из дома, потом мне сказали, что Бугимены — нечто другое.

Судя по всему, Бугимены шарятся только там, где жили люди. Не стоит ночевать в деревнях или городах прямо в машине...

Из-за бессонной ночи дрых почти до обеда, проснулся в духоте с ломотой в висках. Состояние было такое, которое называют “ни в голове, ни в жопе”. Солнце грело нешуточно и накалило машину. Я опустил стекла на окнах, проветрил салон и ехал до тех пор, пока не встретилась речка. На берегу я разделся догола и быстро окунулся в ледяную воду.

Купание здорово взбодрило, и, когда я перекусил, головная боль полностью прошла.

Примерно часа в три пополудни дорогу перегородили две фуры, наискось вломившиеся друг в дружку. Сбоку, по обочине, не проехать, слишком узка обочина, а дальше тянутся стальные балки безопасности, потому что за ними — крутой скат и лесок.

Я вышел из машины, обошел фуры вокруг, залез в кабину. Ключей зажигания на месте не было, как и бензина. Баки кто-то опустошил подчистую — я выяснил это, засовывая в бак длинную ветку.

Выругался. Фуры так просто с места не сдвинешь, и объехать это препятствие

нереально.

Вспомнилось, что полкилометра назад слева попала узкая гравийка, отходящая от трассы и ведущая в поселок. Подумал немного, еще раз выругался и, сев в машину, развернулся. Если проеду через поселок параллельно трассе, то где-нибудь выберусь обратно на трассу. Не один-единственный ведь въезд в эту дыру?

Съехал на гравийку и затрясся по кочкам, мысленно проклиная российские дороги и дураков, из-за которых за столько лет не сделано приличных дорог. И уже не будет сделано никогда. При въезде в поселок на пути снова появилось препятствие — на сей раз ручной шлагбаум. Ругаясь уже вслух, я выбрался из машины и попытался поднять стрелу, но ее кто-то привязал проволокой к ловителю шлагбаума. Повозившись, я все же распутал проволоку и поднял стрелу. Потом сел за руль и поехал дальше.

Вдоль трассы вела узкая улица, зажатая между довольно высокими заборами, за которыми возвышались крупные кирпичные дома. Жили здесь люди небедные, но отчего-то не желающие отремонтировать дорогу. Наверное, так и не договорились, как скидываться на это дело.

Я осторожно ехал по ухабистой дороге и думал, зачем кому-то понадобилось перегораживать въезд в село шлагбаумом. Не исключено, здесь остались Бродяги, которые не ждут гостей...

Улица пошла на понижение, затем снова поднималась в горку, и в самом низком месте вода из ручья залила асфальт. Я проехал через солидную лужу, выехал из нее — и машина вдруг качнулась, ее повело в сторону.

До меня не сразу дошло, что произошло. Я вылез из кабины и оторопело уставился на спущенные колеса. В резине кое-где торчали самодельные стальные шипы, которые до этого прятались на дне лужи.

— Сука! — пробормотал я.

И что теперь делать? Все четыре колеса спущены, шиномонтаж не работает нигде. И в прежнем мире в такой ситуации было бы сложно, не то, что сейчас. Искать другую машину?

В голове сумбурно метались все эти мысли, хотя думать следовало о другом.

О том, что если кто-то устроил здесь ловушку, то этот кто-то должен быть рядом.

Я все-таки додумался, пусть и поздно. Схватился за пистолет в наплечной кобуре, но позади прозвучал сипловатый голос:

— Тише! Спокойно. Руки подними-ка.

Я поднял и медленно обернулся. Метрах в пяти от меня у открытой двери в мощных кованых воротах целился в меня из винтовки с оптическим прицелом высокий, плечистый мужик лет сорока или около того. Из-за лысины и старомодных усов подковой он выглядел старше своих лет, но в целом было видно, что не такой уж он и старый. Старые среди Бродяг мне еще не встречались.

— Кто таков? — спросил мужик. — Зачем приехал незваным? Разве шлагбаума не видал? Намеков не понимаешь, что здесь гостей не ждут?

Я откашлялся. Как-то уж очень неудобно торчать под прицелом винтовки с поднятыми руками.

— Ехал по трассе, — начал я объяснять. — А там фуры. Дорогу перегородили. Вот я и решил объехать через поселок.

Мужик пару секунд сверлил меня серо-стальными глазками, затем вдруг улыбнулся — аж усы приподнялись. Он опустил дуло.

— Ясно. И откуда фуры-то взялись, ума не приложу?.. Ладно, разберемся. Тебя как звать-то?

Он приблизился ко мне, протягивая правую руку, а в левой неся винтовку.

— Тим, — сказал я.

Вероятно, меня смутила его искусственная улыбка и эта протянутая широкая ладонь работяги, но я все равно не ожидал того, что последует.

— Очень приятно, Тим, — довольно сказал мужик, загребая мою руку своей лопатой.левой он поднял винтовку и врезал мне прикладом по виску.

На меня обрушилась тьма и тишина.

Очнулся я в небольшой грязной комнатухе с низким потолком и белеными стенами. Висок ломило, в черепашке звенела пустота. Первые мгновения я ничего не мог понять или вспомнить, но позже извилины со скрипом заработали.

Я лежал на пыльном рваном линолеуме у стены, а ноги были скованы цепями, которые прикреплялись к чугунной гире с выдавленным обозначением “32 кг”. “Браслеты” на ногах были явно самодельные, с навесными замочками.

Кто-то у нас умелый кузнец, получается, подумал я вяло. И шипы для прокалывания шин умеет делать, и эти оковы...

Ловко он меня надул! Сам фуры поставил, сам же шлагбаум установил. У людей ведь дух противоречия: если дверь заперта, непременно надо туда залезть. Пока я копался с проволокой, наверняка задел сигнальную веревочку. Когда проехался по луже, усач меня уже поджидал.

Напротив на табуретке сидел тощий человек неопределенного возраста с густой рыжей бородой и выцветшими глазами. Одет он был как скоморох какой-то: в растянутый старый цветастый свитер крупной вязки, штаны с мотней до колен, тоже изрядно поношенные, полосатые носки и галоши на два размера больше, чем надо. На башке у бородача красовалась вязаная шапка — тоже старая, ручной вязки и цветастая.

— Привет! — радостно заговорил шут, улыбаясь во весь рот. — Очнулся? Голова не болит? Я тебе водички налил — видишь?

Я повернул голову, отчего висок запульсировал болью еще сильнее. Увидел возле локтя алюминиевую кружку с водой. Кряхтя и морщась, привстал и выпил полкружки. Притронулся к виску — он распух и отозвался на прикосновение острой болью. На пальцах осталась кровь.

— Ты кто? — спросил я. — Мы где?

— Я — Юра... Юрий, — с готовностью, почти подобострастием отозвался рыжий. — Работаю здесь у Хозяина.

— Какого Хозяина?

— Ну так... того, что тебя приложил. Его вообще Алексей Иванычем зовут. Хорошо, хоть череп не проломил. Силен, как бык!

— Юра, — пробормотал я, плохо понимая, что говорю. — Почему на тебе нет цепей, и нет гири?

— Так зачем на меня цепи-то надевать? Я ж не убегаяю!

Он хихикнул.

Я ничего не понял. Поэтому промолчал и принялся осматривать помещение. Слева от Юры — деревянная дверь, справа — крохотное оконце, как в бане. Не протиснешься. Под

потолком светит доисторическая, засранная мухами лампочка. У дальней стены самодельная двухъярусная кровать, больше похожая на нары. Между кроватью и стеной — электрообогреватель. Рядом — маленький стол и две табуретки.

В углу раковина и унитаз.

М-да...

Пока я озирался, а рыжебородый с любопытством оглядывал меня, внизу двери беззвучно открылась еще одна дверца — маленькая, и грациозно вошла черная кошка с ошейником, на котором висело красное тряпичное сердечко. Кошка мяукнула, рыжий потянулся к ней погладить, но животное зашипело, оскалив мелкие острые зубы, выгнуло спину и подошло ко мне. Кошка осторожно понюхала мою ногу в кроссовке и ушла к кровати.

— Теперь вместе здесь жить будем, — радовался Юра. — А то скучно бывает. Днем-то работаешь, а вечером иной раз делать нечего. Иногда Хозяин книг подкинет, так я читаю...

Внезапно я осознал, что слышу вполне привычные в прежнем мире звуки, сейчас забытые. Мычание и блеяние. А еще — мерные удары металла о металл.

— У вас скот есть? — поинтересовался я, прикидывая, хватит ли мне сил пристукнуть Юру и выбраться с этой гирей. Где, интересно, ключи?

Кобуру с меня сняли. Как и финский нож в ножнах, висевший на ремне.

— А как же ж! И скотина есть, и поле пахать вот-вот начнем... Хозяин у нас деловой, все, что в прежнем мире было, сохранил, пока остальные бегали и грабили... За что ему огромное человеческое спасибо!

Юра хохотнул, и до меня пахнуло перегаром.

Так, решил я мысленно, пора заканчивать балаган. Если брызнуть в Юру остатками воды из кружки, чтобы отвлечь, и быстро придушить цепью...

Нет, сил не хватит...

Удары на улице прекратились, раздались приближающиеся шаги, дверь распахнулась. Вошел Хозяин — усатый, здоровый, потный, в кожаном переднике кузнеца, с закатанными рукавами рубахи и волосатыми руками.

— Познакомились? — спросил он своим сипловатым голосом. — Вот и ладненько. В общем, Тим, дорогой ты мой, будешь у меня отныне работником. Буду кормить, поить, спать будешь здесь, где сухо и тепло. Эти цепи и гиря — на первое время, пока не осознаешь, как хорошо тут живется.

— А если не осознаю? — хмыкнул я, глядя на него снизу вверх.

— А куда ты денешься? — удивился Хозяин. — Осознаешь, как миленький осознаешь... Вот скажи честно, Тим: куда едешь? От кого убегаешь?

Я на миг задумался.

— От прошлого убегаю. А еду в будущее.

— Хы! А поконкретнее? В какое-такое будущее? Есть ли у тебя, так сказать, бизнес-план для жизни? Дай угадаю: день за днем едешь ты и едешь, сам не знаешь, куда. Жрешь, что попало, ночуешь, где попало, Психов боишься, да ночных Упырей. Верно?

Психами он называет Буйных, понял я. А Упырями Обратней? Или Бугименов? В моем родном городе все Бродяги называли Буйных Буйными, а Обратней Обратнями, потому что слушали того чела по радио. В этих краях, видно, другая терминология...

— Верно, — сам ответил на свой вопрос Хозяин. — А я тебе и цель, и бизнес-план, и смысл жизни дам. Смысл жизни, мой дорогой Тим, в том заключается, чтобы на земле

пахать. Как наши предки. И далеко от нее не отходить. Она силу дает, земля-то. В старом мире люди про это забыли, ушли, понимаешь, в какие-то надуманные проблемы... В астрал, мать его... В интернет этот вонючий. И от земли оторвались! А как оторвались, так и потерялись во всем этом интеллектуальном говне! Работай на земле, она тебя и накормит, и напоит, и радость подарит. Верно, Юрка?

Рыжебородый энергично закивал, чуть шапка не слетела.

— Вот Юрка понимает, — удовлетворенно проговорил Хозяин. — Был он бомжарой и алкашом...

— Но-но! — возмутился Юра. — Я был свободным поэтом! А душа поэта иногда такая нежная, что только алкоголь помогает!

— Да не гони ты, поэт хренов! Шатался по стране, в землянках жил, как придурок. И не было от тебя ни пользы, ни толку, ни хрена. А теперь работаешь у меня в поместье. С Тимкой вдвоем будете пахать.

Я усмехнулся, хотя радости не испытывал:

— Получается, мы с Юркой — крепостные?

Хозяин удивился.

— Историю знаешь? Я-то думал, что такие малявки, как ты, только и умеют, что гузкой трясти перед камерой. Чертям на потеху... Но ты прав. Зря наш царь Александр Второй крепостное право отменил. Народ без цели и смысла жизни остался. За что и отблагодарил Освободителя — бомбой, ага! Большинство людей, Тимка, это те, кому Хозяин нужен. Чтоб направить на истинный путь. А чтоб человек в нужном направлении пошел, его нужно подталкивать куда надо. Вот виноград растет — веточки-то если не откусывать, лоза сама себя задушит! И кусты подстригать надо, иначе разрастется как попало. Поэтому и цепи на тебе эти для начала.

— Самый лучший строй — это рабовладельческий строй! — поддакнул Юра. — Вон египтяне какие пирамиды забабахали?! А дворцы какие? А висячие сады этой... как ее, бабу эту древнюю звали...

— Это в Вавилоне, — буркнул я.

— Да один хер! — отмахнулся Юра. — Рабовладельческий строй оставил нам потрясающие образцы зодчества! А как капитализм наступил — что люди создали? Такого, чтоб на века? Высотки эти американские? Один раз пернешь — они валятся... А современные египтяне в старом мире только и умели, что деньги у туристов клянуть...

— Ну ладно, — перебил его Хозяин. — Тимка теорию, полагаю, понял. Пусть подумает. Молодежь в старом мире вообще никаких идей не имела, пусть к земле вернется, поймет, какое это счастье — работать своими руками...

Остаток дня я провел в этой комнатке. Придя немного в себя, выглянул в окно и увидел обширный двор и двухэтажный коттедж напротив. Стало быть, я в пристройке... Поднял тяжеленную гирию, звеня цепями, переместился на кровать. С таким утяжелителем не побегаешь...

Но я не сомневался, что сбегу. Пусть тут вдвоем наслаждаются землей, без меня. Но если для побега понадобится притвориться, что проникся этой рабовладельческой философией, я притворюсь. Не убудет.

Юра ушел и долго отсутствовал. Под вечер явился с подносом — на подносе были две чашки с мясным супом, хлебом и сырыми луковицами. Еще чайник и две кружки.

Крепостной поставил еду и питье на стол и, хитро мне подмигнув, выловил из кармана, как фокусник, поллитровую баклажку с прозрачной жидкостью. Из второго достал два заляпанных мельхиоровых стаканчика, со стуком поставил на стол.

— Ну? Ты как?

— Что за пойло?

— Самогон! Чистейший! Хозяин гонит.

— Не буду.

— А чё так?

— Я еще несовершеннолетний. Мне рано пить алкоголь.

— Да ну тебя! — Юра махнул на меня рукой, но настаивать не стал. Сообразил, что себе больше достанется.

Я ел вкусный, в общем-то, суп, хотя мама варила лучше... Это было неопишное ощущение — есть настоящий горячий суп с овощами и мясом после многих дней поглощения своей фирменной каши, сухарей и прочей походной ерунды.

— У вас и овощи есть, — пробурчал я.

— Ага! В погребе. У Хозяина там битком набито!

“А ведь реально удобно жить вот так, как этот Юра, на всем готовом”, — подумалось мне. Впрочем, я шевельнулся, и загремели цепи на ногах. Звук отрезвил. Нет, как бы сытно не было в рабстве, на воле и дышится свежее, и даже сухарь вкуснее...

Вспомнился Пастырь в детском лагере. И Мать-телепат. Я почуял ее приближение. Интересно, имеет ли отношение Хозяин к этой компашке? Я никак не воспринимал Хозяина, кроме обычных органов чувств. Или это из-за удара по виску?

Нет, кажется, Хозяин — не сверхчел, не телепат или какой-нибудь колдун. Просто обычный хозяйственный деревенский мужик, у которого появился шанс замутить свое поместье с крепостными, блэкджеком и шляхами...

Юра, болтая о том, о сем, выхлебал суп, чай и самогон, после чего слегка утомился. Тем не менее, вымыл посуду, предупредив, что в следующий раз моя очередь, послал в унитаз и улегся на верхнюю полку.

Этого счастливого человека всё устраивало.

Но меня ни фига не устраивало так жить. Сбежать надо побыстрее, пока не привык к разносолам и самогону.

Когда стемнело, я погасил свет и завалился под сладко сопящим Юрой. Завтра осмотрюсь, подумаю, что делать.

Среди ночи встал по нужде и из любопытства выглянул в оконце. Юра дрых без задних ног и не проснулся даже от звона цепей.

Во дворе было темно, но одно из окон “помещичьей усадьбы” светилось. За полупрозрачными занавесками двигалась человеческая фигура. Тонкая, женская...

Теперь понятно, кто повесил сердечко на ошейник кошке. Кошка, кстати, снова пришла, напугав меня, и потерлась о ноги, урча, как маленький моторчик.

Кто это жил в усадьбе? Жена Хозяина? Дочь?

Почему она не выходит из дома?

Я сразу подумал об Оборотнях, которые по какой-то неведомой причине не способны покидать искусственные сооружения.

Вскоре свет в окне погас, и я снова лег. У Хозяина есть секреты... Что ж, завтра узнаем все секреты... А потом сбежим... Поворочавшись и полязгав цепями, я уснул.

Утром после завтрака мы с Юрой до самого обеда работали в обширном поле к северу от поселка. Выкорчевывали корни прошлогодней кукурузы из перепаханной трактором земли. Хозяин тоже вкалывал — пахал на тракторе соседнее поле.

Работа меня увлекла, хотя приходилось постоянно таскать за собой гирию. Если так продолжится еще некоторое время, я накачаю такие мускулы, что разорву цепи голыми руками. А потом оторву башку Хозяину...

Но к обеду я выдохся и присел на краю поля в тени старого вяза. Сидел, смотрел, как Юра продолжает горбатиться, как тарахтит трактор вдаль, как птицы носятся над землей, клюют червячков. День был теплый, почти жаркий, хотя иногда поддувал прохладный ветерок. Небо яркое, ясное, вдаль — кудрявые облака. Пахло весной.

Хозяин, наконец, закончил пахоту, слез с трактора и ушел в сторону усадьбы. Нас он не гонял и палкой не бил. Что ж, хороший хозяин...

Юра сразу же сделал перерыв, пошел куда-то в лесочек. Я наблюдал, как он, ссутулившись, стоит на одном месте. Когда он неожиданно перекрестился, я встал, поднял опостылевшую гирию и двинулся к нему.

— Ты что делаешь?

Юра обернулся, и я увидел перед ним три продолговатых холмика с тремя крестами из веток.

— Это что, могилы?

— Старые друзья... — пробормотал Юра. — Прихожу сюда, молюсь иногда... Кое-кто от Психов умер, кое-кто позже.

— В смысле, позже? Отчего они могли умереть после Первой Волны?

Глаза Юры забегали. Он натужно рассмеялся.

— Да перебухали! Дорвались до бухла и перестарались! В магазинах ведь что? Сивуха сплошная! Не то, что чистый самогон Хозяина. Ну что, Тимыч? Время обеденное, Хозяин уже пошел разогревать да готовить. Пошли?

Но я стоял на месте, и Юра перестал улыбаться.

— Это другие крепостные? — спросил я. — Они были чем-то недовольны, и Хозяин их убил, верно?

Юра оглянулся и зашептал:

— Ну так и нехай было выступать! Все же ж есть — и харчи, и спать где! Чего выступать-то? Другое дело я!

— Ты — алкаш, — перебил я. — А твой Хозяин — чокнутый.

Лицо Юры сморщилось.

— Ну хоть ты-то не начинай, а? Я к тебе только привык...

Я ушел в пристройку, таща гирию, звеня цепями, потяя, но поглядывая по сторонам. На поле мы выходили через “черный вход” — дверцу в заборе за огородом. Кроме основного дома, было еще пять пристроек: наше с Юрой жилище, гараж, коровник пополам с курятником, загон для овец и кузня. Живности много, а вот собак нет. Все заборы из листового металла, высокие. Не перелезешь с гирей...

Но без гири вполне возможно. Я запомнил все поперечные балки, на которые можно поставить ногу. А с другой стороны проще простого прыгнуть.

Неизвестная женщина из дома пока что не выходила, окна были занавешены.

Вечером, когда я уработался до полуобморочного состояния, к нам в хибару заглянул

Хозяин.

— Молодец, Тимка, хорошо работаешь, — похвалил он. — За это и выпить не грех.

— Не пью.

— А сейчас выпьешь, — вкрадчиво сказал Хозяин и кивнул Юре. Тот поспешно налил две рюмки.

— Нет.

— Пей, я сказал! — рявкнул Хозяин и, схватив рюмку, принялся совать мне в лицо. — Когда Хозяин предлагает, раб не отказывается!

Я дернул головой, и пахучая жидкость пролилась по щеке, шее и одежде. Вскочив, я толкнул Хозяина в твердую грудь, он споткнулся о гирю и чуть не свалился. Схватился за угол дверного проема, вытаращил глаза. Усы поднялись дыбом.

Сзади меня обхватил подлец Юра. Я присел и боднул головой назад. Клацнуло, объятия разжались, и Юра замычал от боли. Но Хозяин уже подскочил и наотмашь хлестнул по лицу. От этого удара я повалился на пол, гремя цепями, а на меня уже обрушились пинки.

Кажется, к ним присоединился Юра, потому что через некоторое время сиплый голос Хозяина произнес:

— Всё, хорош... Хорош, твою мать!

Избиение прекратилось, и я перестал закрывать голову руками. Тело и лицо пылали от боли.

— Он мне губу разбил! — взвизгнул Юра.

Я приоткрыл глаза. Алкаш-скоморох уселся за стол и раздраженно выпил стопку. Зашипел от боли, но снова налил. Губа у него и вправду была разбита, кровь заляпала рыжую бороду.

Хозяин возвышался надо мной телеграфным столбом. Покачал головой.

— Ну что вы все такие гордые-то, а? Упрямые, как бараны...

Развернулся, вышел, не закрыв дверь.

Я принял сидячее положение. Дышалось тяжело, рожа горела, руки, по которым пришлось немало ударов, болели. В грудь будто кирпич воткнули. Юра присосался к баклажке, делая вид, что не замечает меня, потом принялся чистить луковицу сточенным перочинным ножиком.

Вдруг в комнату вошла девушка лет четырнадцати-пятнадцати, стройная, с короткими волнистыми волосами, бледным лицом, тонким подбородком и острым носом. Глаза у нее были какие-то мутные, словно она только что проснулась. Она держала обшитый дерматином ящичек с красным крестом.

— Обработай ему раны, Влада, — сказал со двора Хозяин. — Мне больной работник не нужен...

Влада с тем же сонным видом присела на корточки рядом со мной, вынула вату, бинт, лейкопластырь, зеленку. Так вот что за неизвестная женщина! Дочь, скорее всего! Но на Хозяина не похожа.

Она очень аккуратно обработала мои раны, кое-что смазала зеленкой, кое-что — тетрациклиновой мазью, заклеила лейкопластырем. При этом в глаза не смотрела, но не из смущения — смущения в ней не было ни на грош. Она просто делала свое дело, как автомат. Или обдолбанная.

Закончив с моей физиономией и руками, начала задирать мне футболку. На животе и ребрах расплывались огромные синяки. Были царапины, из которых сочилась кровь. Но не

слишком интенсивно.

— Видишь, крови почти нет, — обратился я к Владе. — Хватит.

Она подняла на меня мутный взгляд, и на меня внезапно нахлынуло то чувство, которые было, когда приближалась Мать. Только на сей раз чувство было немного иное.

— Зрячая, — прошептал я и сам не понял, почему это сказал.

Влада не отреагировала, собрала медицинские причиндалы обратно в аптечку и встала.

Юра, который изрядно окосел и обрел добродушное настроение, пьяным голосом сообщил:

— С ней разговаривать бесполезно, если чё. Немая она. И немножко ку-ку. — Он покрутил пальцем у виска. — Падчерица Хозяина. Мать ее ушла вместе с теми, кто мелодию в башке услышал.

Я посмотрел в глаза Влады:

— Она уже пришла, Мать. Слышишь? Ты ведь Зрячая? А Пастыри и Хозяева должны быть низвергнуты...

Сказал это тихо, но Влада должна была слышать. А Юра нет — он снова присосался к баклажке, его прямо качало на стуле.

Влада не отреагировала. Равнодушно смотрела мимо меня в стенку, потом развернулась и вышла из комнаты во двор.

Ночью я проснулся от того, что кто-то мягкий и теплый трется о мою руку, свисающую с кровати. Я погладил черную кошку, которая в темной комнате была совершенно невидима. Кошка заурчала. Я почесал под мордочкой и нащупал тряпичное сердечко. Рядом висело что-то металлическое, продолговатое...

Я обмер. На верхней полке похрапывал Юра. От него все помещение провоняло перегаром. Я поднял кошку на кровать, стараясь не брякнуть цепью, покопался и на ощупь снял с ошейника два ключика. Я уже знал, от каких замков эти ключики. И кто мне их передал.

Она поняла!..

Сон слетел начисто. Я опустил кошку на пол, сел и, изнывая от нетерпения, осторожно открыл замки на ногах. Оставив цепи в постели, бесшумно поднялся, нацепил кроссовки и направился к двери, надеясь, что она не заперта.

Она была не заперта. Неудивительно. Юра не сбежит, а я с гирей через забор не попрыгаю. Уверен, сама усадьба заперта.

Впрочем, врываться в усадьбу и бить Хозяина у меня не было ни малейшего желания. Стоя в темном дворе, я вдыхал воздух свободы...

Скорей, скорей прочь отсюда! Где-нибудь отсижусь до утра, поищу тачку и поеду! Нет у меня бизнес-плана, вообще никакого плана нет, но мне важнее всего чувствовать свободу. Пусть такие придурки, как Юра, которых устраивает их рабская жизнь, сидят здесь и упиваются самогоном...

Желание свалить было настолько сильное, что я не устрасился перспективы встретить Бугимена. Хрен с ним, отобьемся...

Я полез через забор в конце огорода и почти перекинул ногу через край, когда позади вспыхнул свет — во дворе включили лампу. Я замер в неэстетичной позе.

Свет подсвечивал тощую фигуру с лохмами. Юра, Буйный бы его драл!

— А ну, — промычало это пьяное существо, — слазь обратно! Не то прирежу!

И Юра выставил перед собой что-то маленькое. Я догадался, что это его перочинный ножик. Да что же за незадача! Чего же тебе, алкашу, не спалось-то? Я пожалел, что не придушил его, спящего...

Юра быстро двинулся вперед, и я понял, что не успею перескочить через забор. Порежет. Я спрыгнул и потерял равновесие. Рука, которую я выставил для опоры, нащупала бульжник.

Выпрямился, руку с бульжником спрятал за спиной.

— Юра, отпусти меня, будь добр, — сказал я.

— А?

— Ты же хороший человек, Юра! Тебе тут нравится, а мне вот вообще не нравится, прикинь?

Я разговаривал с ним, как со слабоумным. Собственно, с алкашами нельзя иначе, они и есть слабоумные.

Юра кашляюще рассмеялся, погладил левой рукой бороду. Правой по-прежнему держал ножик.

— Я... добрый, — выдавил он. — Добра тебе желаю, Тимка, хоть ты и при... придурок конченный...

Он набрал воздуха и заорал:

— ХОЗЯИН! Хозяин, твой раб сбегает!

Поскольку он чуть отвернулся, я размахнулся и обрушил на его тупой череп камень.

Череп оказался чугунным. Юра глухо охнул, присел, но не упал, а вцепился в меня, забыв, видимо, про перочинный нож. Мы принялись бороться, я никак не мог отцепиться от него. Камень я выронил, а Юра хоть и был в полуобморочном состоянии, держался за меня, как утопающий за спасателя.

Пока мы возились, хлопнула дверь в усадьбе и во двор вывалилась огромная фигура. Хозяин держал винтовку. Он побежал к нам.

— Кто там? Юрка?

Похоже, Хозяин не врубился, что это я. Решил, что ворвались вору, а Юрка с ними отважно борется.

Я успел прикрыться телом Юры, когда грянул выстрел. Следом — второй. Юра вздрогнул и ослабил хватку, а у меня резкой болью обожгло плечо. Я выдернул ножик из ослабевшей руки Юры и оттолкнул его. Крепостной раб рухнул на землю, как мешок с тряпьем, воняющий перегаром.

— Тихо-тихо, — просипел Хозяин приближаясь и не сводя с меня дула. — Это ты, Тимка? Как замки снял? Вот ведь блядство-то какое! Из-за тебя хорошего работника завалил... Теперь за двоих будешь пахать, Тимка-дурак!

Я смотрел на него поверх дула, тяжело дыша. Лица не видел из-за света позади него. Руки я опустил, а ножик спрятал в ладони левой руки.

Не будет же он стрелять? Я у него теперь единственный крепостной, а работы много. Не ждатель же очередного Бродягу — когда это еще будет?

Хозяин, похоже, думал о том же самом.

Наконец придумал.

Опустил дуло и хмыкнул.

— Ладно. Забудем. Я был не прав, что тебя спаивал. Будешь работать на меня, но пить или не пить — твое дело. Буду твои права уважать. До лета поработаешь и поедешь, куда

хочешь, добро? У меня посевная пора...

Врал он, конечно. Такие, как он, вечно врут, иначе не умеют.

— Машину дадите, — сказал я. А сам подумал: что это щелкнуло сразу после того, как Юра свалился?

— Дам-дам. У меня в гараже Ниссан Терра стоит. Как новенький. И заправленный. Я тебе больше не хозяин, а партнер. Ну что, по рукам?

Он опустил левую руку с винтовкой, а правую протянул мне. Я ответил на рукопожатие — ладонь у него была твердая, как деревяшка.

Хозяин дернул меня на себя, а рука с винтовкой взвилась, как змея.

Но я был готов — быстро нагнулся, и приклад просвистел над макушкой. Не дожидаясь, пока Хозяин сориентируется, я всадил лезвие ножа в бычью шею два раза.

Хозяин захрипел, отступил, раскорячился. Винтовку не выронил, а свободной рукой зажал шею, из которой полилась кровь. Секунды три — а это очень долго, когда речь идет о смерти, — он шатался, хрипел, словно хотел что-то сказать, да никак не мог. Наконец упал на колени, оторвал руку от шеи и прицелился в меня из винтовки.

Я не шелохнулся, хотя сердце стучало, как отбойный молоток.

Хозяин нажал на спуск — щелкнуло. Снова нажал — снова щелчок.

— Слишком много с тракторами возишься, — сказал я. — А про оружие забыл. Проверять надо, сколько патронов осталось. Да хорош позориться — ты ведь уже понял, что стрелять нечем. Да и поздно.

— Акгхх! — сказал Хозяин и упал на спину.

Я выдохнул и уперся руками в колени.

Повезло мне, дураку... Если бы у Хозяина были еще патроны, он бы меня просто погнал под дулом обратно в сарай и приковал не к гире, а к столбу какому-нибудь на веки вечные. Он еще когда палил в меня издали, понял, что пули кончились, и начал дурить мне голову. Я-то расслышал щелчок...

Он мог бы и блефовать, но, видно, мозгов не хватило. Решил по привычке вырубить меня, отнести в пристройку и заковать в цепи.

Не судьба ему развивать хозяйство и охранять землю. Судьба ему в этой земле тихонько лежать.

Во двор из усадьбы медленно вышла Влада. К ней со стороны пристройки метнулась маленькая черная тень, и Влада подняла на руки кошку. Прижала к себе и ждала, пока я не подойду к ним — залепленный лейкопластырем, в своей и чужой крови. В плече пульсировала боль, кровь теплыми потоками стекала по коже под одеждой.

— Извините, — сказал я Владе и кошке. — Так вышло. Я не хотел... И спасибо за ключи...

Девочка и кошка смотрели на меня огромными немигающими глазами.

Я пробормотал:

— Что с вами делать-то теперь?

Это была проблема. Не бросать же их? Одна убогая, другая и вовсе домашнее животное.

“Он был плохой человек, — прозвучал вдруг голос у меня в голове, и я вытаращил глаза. Уставился на Зрячую — она безучастно смотрела на меня. — Не жалея, Палач, о том, что сделал”.

Голос затих, а мы продолжали таращиться друг на друга. Пригрезилось это мне или заработали экстрасенсорные способности? Я ни в чем не был уверен.

— Я... — охрипшим от волнения голосом проговорил я, — еду на юг. Не знаю точно куда. Поедете со мной?

Не ждал ответа — и действительно, Влада продолжала безучастно смотреть уже мимо меня.

Зато черная кошка у нее на руках нежно мяукнула.

Я усмехнулся, хотя смеяться не хотелось абсолютно.

Будем считать, что это положительный ответ.

Глава 5. Зрячая

— Ты понимаешь меня? — спросил я. — Хоть подмигни, что ли...

Молчание и равнодушный тусклый взгляд.

— Ты мне ключи через кошку подкинула... Потом раны обработала... Значит, понимаешь кое-что?.. И про Матерь поняла, верно? Ну же, хоть кивни!

Влада отпустила глаза на тарелку и принялась разглядывать вилку. Черная кошка, которая терлась под ногами, словно услышала, что говорят о ней, и мяукнула.

Я вздохнул, откинулся от стола, за которым мы завтракали. Проговорил тихо:

— Убери со стола. Пусть мы уезжаем, но порядок нужно навести.

Влада послушно встала и принялась собирать чашки и тарелки. Я вздохнул. Поговорить с ней не получается, но то, что она выполняет несложные поручения, — уже хорошо.

С момента смерти Юры и Хозяина прошло каких-то часов пять. За это время я успел сделать немало. Похоронил эту парочку в поле, недалеко от могил бывших “крепостных”, в неглубоких ямах. Кресты ставить не стал — обойдутся. Да и не верю я ни во всю эту символику, ни в потусторонний мир. С помощью Влады обработал рану на плече от пули — кожу содрало нехило этак; повезло, что мышцу не разорвало или кость не зацепило.

Выглядел я неважно, судя по отражению в огромном зеркале в прихожей усадьбы: рожа вся разбита, некоторые шрамы останутся, скорее всего, на всю жизнь, синяки и кровоподтеки по всему телу, на плече рана от пули из винтовки, куртка и футболка под ней изодраны и пропитались кровью.

В усадьбе было все, чтобы прожить несколько лет, в ус не дую. Но я не собирался оставаться. Что-то подсказывало: надо двигаться. На юг.

Это желание доехать до гипотетического юга засело в мозгах мысленной занозой еще с тех пор, как я обсуждал свои планы с родителями.

На юге тепло, говорили мама с папой, и я не замерзну следующей зимой, если электричество, отопление и воду все-таки отключат. Но в глубине души я не представлял, чем буду заниматься на юге, и мне порой становилось страшно при мысли, что когда-нибудь я приеду на этот самый юг, хоть на самый экватор, и — потеряю цель жизни. Куда нужно будет ехать потом? Как жить? Мир давно умер, лишь корчатся на его трупке личинки вроде меня...

Я отпустил двух коров, десяток овец, невесть сколько кур и одного петуха на свободу. Просто открыл дверцы и ушел. Пусть поживут на воле. Долго не проживут, наверное, ну и пусть, все мы когда-нибудь сдохнем.

“Хозяйственный был все-таки Хозяин, — подумалось мне. — С этой усадьбы могла начаться новая цивилизация”.

Мне стало на мгновение как-то муторно, будто стыдно за то, что из-за меня сельская идиллия накрылась. Но я отогнал эти соображения: цивилизация не должна снова начинаться с рабства. Если нельзя иначе, пусть она вообще никогда не начнется.

После завтрака я велел Владе собрать вещи для нашего путешествия. Под моим присмотром она заполнила дорожную сумку на колесиках и надела теплую курточку. Потом я пошел в гараж и действительно обнаружил там внедорожник Ниссан Терра с полным баком, несколькими канистрами бензина, инструментами и целыми двумя запасными колесами.

Хозяйственный Хозяин...

Только оружие не проверил — слишком засиделся на тракторе, давно воевать не приходилось...

Мой старый добрый Мицубиси Паджеро Спорт с улицы исчез. Наверное, Хозяин загнал его в один из пустых дворов, чтобы не отпугивал потенциальных крепостных. Я не стал искать — зачем? Зато выловил из лужи все стальные шипы для прокалывания шин и выбросил подальше в лесок.

Свой рюкзак из дома, битую финку, кобуру с пистолетом, карабин “Сайга-12К”, солнечные очки и прочие вещи я нашел в усадьбе — Хозяин их принес из моей бывшей машины. Я переоделся, а окровавленные и простреленные вещи оставил в нашей с Юрой бывшей времянке.

Без моей команды Влада взяла изрядный пакет с кошачьим кормом и давешнюю аптечку, с помощью которой лечила меня. Такая инициатива только порадовала: стало быть, понимает немая и убогая, что мы куда-то уезжаем!

Я начал было с ней разговаривать, но она опять уплыла в астрал. У нее такое часто случалось. Что ж, пусть поплавает...

Уже вырливая на трассу, я внезапно сообразил, как поступить с Владой и ее кошкой. Девочка сидела рядом, на переднем сидении, кошка по имени Котейка развалилась у нее на коленках. Я отвезу их к Матери в лагерь! Владе там самое место!

Правда, сразу же засомневался. Это ехать назад невесть сколько, да и там ли еще Мать и ее ватага ребят? Помнится, Мать прибыла на автобусе — на этом же автобусе она могла забрать ребят и увезти в неведомые края. На мои экстрасенсорные способности надежды нет — они появляются раз в год по пятницам и то когда уже поздно.

Я заколебался. Почти остановился, не зная, куда повернуть, направо — то есть назад, или налево — то есть в прежнем направлении, прочь от поселка Хозяина, его фур, на юго-восток.

Направо пойдешь — с немой девкой мучиться будешь... Налево пойдешь — избавишься. Наверное...

— Влада, — сказал я, и немая посмотрела на меня, — куда ехать? Что-нибудь чувствуешь? Где сейчас Мать?

Зрячая отвернулась к окну.

Блин!..

И я повернул налево. Судьба у меня такая — ехать постоянно налево.

Ехали мы до обеда. Один раз повернули направо и теперь двигались строго на юг. Попали под дождь, который шел косою стеной, и граница между дождем и сухой землей была видна очень хорошо. Влада, кажется, заинтересовалась.

Однажды увидели в сотне метров от дороги разбросанные по большой площади куски пассажирского самолета. Одно крыло торчало под углом, словно парус невидимого корабля. Вероятно, этот мусор валяется здесь еще со времен Первой Волны, когда экипаж внезапно превратился в Буйных... Или Второй, когда пилот и его помощник слышали Дьявольскую Музыку и решили выйти в окошко.

Примерно через час после того, как я ненадолго притормозил, чтобы заправить бак из канистры, нам попался длинный товарный состав на рельсах. Несколько вагонов сошло с рельс — не пойми, отчего, столкновения вроде не было. Вероятно, машинист резко затормозил или, наоборот, слишком ускорился на повороте.

К обеду я остановился в чистом поле возле моста через большую реку. Меня клонило ко сну — полночи не спал, занимаясь побегом, убийствами, похоронами и сборами в путь.

— Сходи в туалет, — сказал я Владе и показал на кусты. — Вон туда!

Влада посмотрела на меня без выражения и послушно пошла в кусты. Кошка побежала за ней, задрал хвост.

Мы расположились почти под мостом, в тени, у самой воды. Я подумал, что надо бы раздобыть удочку и попробовать наловить свежей рыбки. Мы перекусили тем, что прихватили из усадьбы, потом я улегся на откиннутом сидении водителя, обнял “Сайгу” и велел Владе смотреть по сторонам, пока я сплю.

— Увидишь кого-то, сразу буди меня, хорошо? Это могут быть плохие люди.

Она, естественно, не ответила и не кивнула. Зато уселась с ногами на сидении, обняла колени и принялась смотреть на поле. Котейка спала на заднем сидении.

Может, и поняла, подумал я засыпая. По фигу.

Классно все-таки, когда рядом есть кто-то живой, пусть и не разговаривающий.

После знакомства с Хозяином желая встретить сейчас вооруженного Бродягу — так я называл выживших людей — не было вовсе. Скоро магазины, склады, погреба и прочие закрома окончательно опустеют, и начнется война всех против всех. За еду, за возможность прожить. И почему для жизни обязательно нужна чья-то смерть? Хоть коровы, хоть того же огурца...

Размышляя на эти сложные философские темы, я уснул без задних ног и проснулся, когда небо начало окрашиваться в вечерние тона.

Влада тихо сидела на своем месте и рисовала в школьном альбоме. Я зыркнул назад — багажник закрыт. Значит, она сумела сама открыть багажник, вынуть чемодан, достать оттуда альбом и цветные карандаши, всё аккуратно закрыть и снова сесть рядом? Какая умница!

— Что это? — хриплым со сна голосом спросил я.

Влада повела плечом, словно не хотела бы, чтобы я смотрел, но все же показала рисунок. Какие-то столбы или истуканы, стоящие кружком. Художница из моей спутницы была так себе, ни черта не понятно.

— Это хоровод? Или Стоунхендж?

Влада осторожно закрыла альбом и прижала к груди, наклонив голову. Кудри закрывали лицо, но я видел, как трепещут пушистые ресницы.

Эй, да она стесняется своих художеств!

— Ладно-ладно, не смотрю, — пробурчал я.

Вылез из кабины, проверил багажник. Всё на месте, Котейка моется на заднем сидении, Влада надулась на переднем.

— Поехали!

Когда начало нешуточно этак темнеть, впереди показался город, о чем давно предупреждали дорожные знаки. В город заезжать, где могут тусоваться Три Бэ — Буйные, Бугимены или Бродяги, — на ночь глядя глупо. Я остановился на обочине, и мы заночевали.

К моей радости, от Влады не было вообще никаких проблем. Она будто всю жизнь только и занималась, что путешествовала на автомобиле и ночевала прямо на откиннутом сидении. Свернулась клубочком под цветастым одеялом из усадьбы в обнимку с кошкой и уснула.

А вот я долго сидел в сумраке и думал. Днем выспался на славу, сон не шел никак.

Думал я о том, чем занимался бы, если бы не Три Волны. Ходил бы в школу, потом поступил бы в колледж или институт. После института нашел бы работу — возможно, не без помощи родителей. Ходил бы на эту работу.

Потом женился... Нянчил детей... Внуков... Постарел бы и умер.

Я не ломал бы голову насчет того, куда идти — направо или налево. Все было бы прописано как по нотам. И я был бы счастлив от того, что не надо решать, скрипеть мозгами, брать на себя ответственность.

Прав ли Хозяин, что человек счастлив в рабстве, когда за него все решено и лоза не задушит саму себя?

И настоящая свобода — это вот как сейчас, когда ты один решаешь, в какую сторону ехать?

И ехать ли вообще?

Утром меня посетила великолепная мысль — провести весь день с Владой и Котейкой в городе. Погулять, “пошопиться”, развлечься по возможности. Я давно устал от постоянной дороги, и Влада устала наверняка тоже.

Конечно, мы будем держать ушки на макушке, чтобы нехорошие дяди и тети нас не обидели. Оружие я не буду выпускать ни на минуту, даже сидя в туалете.

В город я въехал не сразу, сперва поехал по объездной дороге, внимательно поглядывая на здания и улицы.

Картина была как и во всех городах: кое-где сгоревшие от случайных пожаров дома, навечно застывшие автомобили на улицах, тишина и пустота.

Ночью я видел единичные источники света — то ли окна светились, то ли какие-то фонари. Сейчас же признаков жизни не наблюдалось.

Я выбрал удобное место и по широкой улице медленно направился вглубь города. Эта улица, похоже, вела до самого центра, где должно быть много всяких бутиков. В случае чего быстро развернусь и свалю в туман.

— Ты ничего не чувствуешь, Влада? — спросил я.

Нет, кажется, она не чувствовала. Эх, Зрячая ты моя, но немая спутница!..

На просторном перекрестке я затормозил, и мы выбрались из кабины. Влада держала кошку на руках.

Мы неспешно двинулись по обочине.

— Смотрите, Влада и Котейка, — негромко разглагольствовал я, изображая из себя гида. — Перед вами восхитительный образец современного зодчества! Вот это многоэтажное здание с магазинами на первом этаже — вы только взгляните, какая красота! Что? — сделал я вид, будто меня о чем-то спрашивают. — Витрины? Нет, они вовсе не разбиты мародерами и бешеной толпой, это постмодерн, своеобразная инсталляция. Вот эта выломанная дверь олицетворяет собой силу стремления к халяве, неостановимую мощь человеческого дебилизма. А эти осколки и мусор — это символ бренности бытия... А эта сгоревшая машина — это... э-э-э... это просто машина, которая сгорела, и вот тот труп...

Я замолк, испугавшись, что ляпнул лишнее. В темноте открытого подъезда и вправду лежал ногами к нам труп женщины. Давнишний, судя по всему, высохший до скелетообразной формы. Но Влада и глазом не моргнула. Мутный взгляд просветлел, и она с явным любопытством ждала продолжения моей “экскурсии”.

— Хм... Так вот, — сказал я и пошел дальше, словно никакого трупа поблизости не

валялось. — Что же мы видим еще в этом прекрасном месте?

А еще мы видели магазинную тележку, набитую битком всякими игрушками. Тут были три разноцветных мяча, два из которых сдулись, слипшиеся от снега и дождей тетрадки и относительно целые готовальни, доска с шашками и коробка с кубиками, на которых были написаны буквы алфавита.

Я выхватил целый мяч. Он уже не был таким упругим, как надо, но играть в него можно было.

— Лови!

Я сделал вид, будто хочу кинуть мяч Владе. Та постояла, потом осторожно опустила кошку на землю. Выжидательно посмотрела на меня. Я кинул мяч, Влада поймала, кинула мне обратно...

Некоторое время мы играли, а Котейка удивленно наблюдала за нами желтыми глазищами, сидя в сторонке и обернув вокруг себя хвост.

В какой-то момент я переборщил с силой и закинул мяч дальше обычного. Он укатился сквозь начисто снесенную витрину в темноту помещения. Влада кинулась за мячом, но я остановил ее:

— Нет-нет! Стой! Не ходи туда, не надо.

Я обхватил Владу за плечи и отвел от здания подальше. Там могут затаиться Оборотни или Буйные. Не стоит соваться.

Влада подняла ко мне лицо, в глазах был немой вопрос. Дескать, а как же мячик?

— Пойдем, лучше поищем нам шмотки, — сказал я. — А мячик мы другой найдем.

Я увлек ее за собой. Влада несколько раз оглянулась, потом подхватила кошку и больше не оборачивалась.

Довольно скоро мы нашли подходящий магазин одежды — маленький, но почти нетронутый. Я набрал себе штанов и летних футболок, пока Влада зачарованно ходила между рядов шмоток, и подумал, что пора бы принять горячий душ. Перед зеркалом в комнате для переодевания отлепил лейкопластырь от лица — под ним уже нешуточно чесалось. Царапины почти зажили, но три глубоких коротких рассечения на виске, подбородке и скуле, похоже, останутся на всю жизнь.

Я подобрал кое-что Владе на всякий случай: пару крепких кроссовок, джинсы, толстовку с капюшоном, спортивный костюм.

Пока искал тележку, Влада надолго застряла перед висющим на плечиках красным платьем.

— Хочешь платье? — спросил я. — Даже не знаю... А вдруг оно дорогое? Ты ведь знаешь, какие в последнее время цены? Кошмар!

Влада протянула руку и потрогала ткань платья чисто женским движением.

— Ну ладно, так и быть, купим тебе платье, — соизволил я. — Видишь, как я тебя балую?

Я снял платье с вешалки и положил поверх груды вещей на тележке.

— Пойдем через кассу, — продолжал я болтать, начиная получать от этого удовольствие. — Надо ведь расплатиться. Ой, а продавец куда-то вышел, прикинь? Ну да и хрен с ним, пошли!

Мы закинули шмотки в машину, не забыли шашки и коробку с кубиками — поиграть на досуге, — затем я велел Владе сидеть в джипе, взял пустую канистру и при помощи шланга и собственного рта с трудом наполнил ее из баков брошенных машин. Отплевываясь и вытирая

губы рукавом, вернулся обратно.

В этот миг пронзило острое чувство, что за нами следят. Я сразу поставил тяжелую канистру на землю, перехватил карабин и присел возле багажника — на случай, если по мне начнут палить. Влада начала было выходить из машины, но я зашипел на нее, и она захлопнула дверь.

Трудно понять, откуда за нами наблюдали. Над дорогой на штативе висят камеры и пялятся, казалось бы, прямо на меня. Вокруг высятся многоэтажки с сотнями окон. Если в каком-нибудь окне засел снайпер...

Подумав об этом, я торопливо сунул канистру в багажник, запер его и нырнул в кабину. Никто не стрелял.

Влада хмурилась и держала кошку, как ребенка.

— Тоже чувствуешь? — пробормотал я. — Нам пора ехать, моя дорогая...

Я завел двигатель, развернулся и помчал по дороге обратно, в сторону окраины, ожидая в любую секунду, что по нам начнут палить.

Но нет, обошлось.

Возможно, за нами следили Оборотни из домов, покинуть которые не способны. Смотрели и клацали зубами от злобы и голода. Их-то эмоции мы и уловили.

Я сказал об этом Владе.

— Ты, наверное, думаешь, что и черт бы с ними, Оборотнями, но... У меня родители стали Оборотнями, понимаешь, Влада? Поэтому у меня к Оборотням особое отношение. Мне их жалко, хотя я понимаю, что они чудовища. “Красотка днем, в ночи урод — и так из года в год”. Смотрела “Шрека”?

Так, болтая, я почти выехал за город, когда в частном секторе увидел очень красивый особняк, стоявший отдельно от других. Нечистое тело зачесалось, напоминая о горячем душе.

— Давай поглядим, есть ли там свет и вода? Мне бы не мешало помыться. А ты сможешь примерить то платье, окей?

Особняк принадлежал явно какому-то крутому бизнесмену или чиновнику. Высоченный шлакоблочный забор, кованые ворота, видеокamеры, гараж, два этажа и мансарда. Это то, что было видно снаружи. Судя по слою нетронутой пыли и грязи перед воротами, в особняке Бродяги не жили. Я дернул дверь в воротах — она распахнулась. С “Сайгой” наизготовку я прошелся по дворику мимо засохшего цветника, перешагнул через детский трехколесный велик, не спуская глаз с окон.

То, что из дома никто не выходил и не входил, означало лишь отсутствие Бродяг. Но не Оборотней или Буйных, которые имеют обыкновение прятаться в тесных и темных уголках и впадать в летаргию.

Я поднялся на высокое крыльцо, открыл незапертую дверь. Хм, всё указывает на то, что обитатели дома уши под Музыку...

За десять минут я облазил весь этот богатый и нетронутый мародерами и Бродягами дом до самой мансарды, где тоже были жилые комнаты — для детей, как я понял. Ни людей, ни нелюдей не нашел. Собственно, я это понял еще в прихожей — по запаху запустелости. Этим воздухом, так сказать, не дышали.

Зато электричество и вода были в наличии.

Я вышел из дома и открыл ворота, чтобы загнать джип во двор. Гараж открывался через пульт, и мне было лень разбираться, как его открыть без пульта.

Загнав машину, я тщательно запер ворота. Затем мы с Владой прогулялись вокруг дома и внутри. Мне казалось, что с Владой надо побольше разговаривать, прогуливать ее, развлекать, и тогда она все реже будет впадать в транс. Она за сутки довольно сильно изменилась, взгляд стал осмысленней, реакции поживей. Хозяин, очевидно, занимался картошкой и удобрениями больше, чем падчерицей.

Владелец особняка в свое время заморочился с безопасностью. Дверь в дом одна и на вид хрупкая и красивая. А на деле — тараном не пробьешь. Все окна зарешечены. Имелась специальная комнатка с большими экранами, на которые выводилась картинка с видеокамер по периферии. Сейчас система видеонаблюдения была выключена.

Я запер входную дверь, велел Владе сидеть в гостиной и пошел в шикарную ванную комнату. С неопишуемым удовольствием принял горячий душ, после чего отправил мыться Владу, предположив, что она умеет это делать сама.

Пока она шумела водой, я засел в комнате видеонаблюдения, или, как я назвал ее про себя, “шпионской комнате”.

Немного помучившись, я сподобился включить систему, и на двух мониторах появились черно-белые изображения — по четыре на каждом. Четыре камеры показывали пространство вокруг периметра, две — двор, одна — заднюю часть дома, а еще одна не работала.

Я понаблюдал за картинками и быстро соскучился — ничего не происходило. Тогда я вернулся в гостиную и повалился на диван перед огромным экраном на стене над фальшивым камином. Котейка уже обосновалась в кресле.

Через несколько минут вышла Влада, и я ее не сразу узнал в новом красном платье и с еще более закурчавившимися после купания темными волосами. Платье оказалось короче, чем мне представлялось на вешалке, и вид длинных голых ног меня поначалу смутил.

Отвык я от такого зрелища...

Если Влада и хотела покрасоваться в обновке передо мной, то по выражению лица этого было не сказать. Хоть бы улыбнулась... А то как кукла неживая.

Я разложил на журнальном столике шашки, найденные в продуктовой тележке на улице.

— Умеешь?

Влада, сидевшая в кресле напротив, ненадолго заинтересовалась шашками, принялась выстраивать из белых шашек круги, и я понял, что игры не получится. Вскоре интерес у нее пропал. Тогда я вывалил кубики с буквами.

— Смотри, я могу сложить слово “ВЛАДА”. Видишь? Это ты. А я — “ТИМ”. Тепер давай я смешаю кубики... вот так! Сложи-ка свое имя!

Влада сосредоточенно смотрела на кубики. Начала складывать, и я мысленно потер ладони. Получается! Да я — гений педагогики!

Но Влада сложила что-то другое.

“СБОР”.

— Сбор — это кто? Или что? — не понял я.

Не глядя на меня, Влада принялась выстраивать кубики по кругу.

“ЖМЛФПРСТЧ”.

Просто набор согласных букв.

Влада убрала четыре кубика “СБОР” из центра круга, поставила другие.

“КРУГ”.

Я взволнованно задышал.

Нет, это не случайность!

Влада выстроила новое слово.

“ПЕСНЯ”.

— Сбор? Круг? Песня? — прошептал я. — Что это означает?

Меня осенило.

— Ты мне хочешь что-то объяснить, да? Круг, этот круг — не тот ли, из твоего альбома?

Типа Стоунхенджа? А сбор? Это люди должны собраться в круг? И спеть песню?

Меня аж затрясло. Зрячая видит что-то, и это что-то имеет отношение к Трем Волнам!

Что если этот круг остановит апокалипсис или обратит вспять?

Глупости, конечно, обратить апокалипсис назад невозможно, но я был слишком возбужден, чтобы думать рационально. Перед внутренним взором вдруг предстала четкая картина из прошлого.

Тысячи и тысячи Буйных... С пустыми глазами, опущенными плечами и лицами, обращенными вверх... Они поют-воют зловещую нечеловеческую песню и идут, идут по кругу на городской площади... А над ними летают, каркая, вороны.

— Влада, ты Зрячая... — сдавленным голосом произнес я. — Ты все видишь и знаешь... Просто не можешь сказать, как обычные люди... Скажи, пожалуйста, кто это сделал? Кто решил сделать из нас следы на грязи? Кто это сделал со всем миром? С нами?

Влада посмотрела на мое ухо, светло-карие глаза помутнели. Она словно прислушивалась к чему-то очень далекому. Неуверенно протянула руку и начала складывать новое слово...

“ПАДШИЙ”.

— Падший? — повторил я. — Это он? Он устроил Три Волны? Кто это такой?

Влада оторвалась от кубиков, завозилась в кресле, принялась озираться.

А у меня бешено заработали мозги. Падший — так вроде дьявола называли? Не всерьез же она! Мы называли Музыку Дьявольской, но никто же всерьез не думал, что ее напел сам Враг рода человеческого... Падшими еще называют тех, кто пал в моральном плане — накосячил так, что дальше некуда. По Библии и Адам с Евой пали, если на то пошло. Кого Влада имеет в виду?

Снова вспомнился тот день, когда я увидел жуткий хоровод Буйных. Тогда мой недолгий друг, Собакен, погиб чуть ли не на моих глазах...

“С кошкой лучше, — подумалось мне. — Кошки не убегают куда не надо...”

Внезапно я заметил, что Котейка пропала. Несколько минут назад лежала на кресле рядом с нами, а сейчас кресло пустое. И Влада тоже спохватилась, встала и начала ходить по комнате, заглядывая под мебель.

Я попытался вернуть ее внимание к кубикам, кошку можно поискать попозже, но Влада не успокаивалась. Пришлось помочь с поисками.

Целых полчаса мы лазали по всему дому, но Котейка как сквозь землю провалилась.

Наконец во входной двери, снизу и сбоку, я обнаружил искусно сделанную дверцу для домашних животных. Она почти сливалась с основной дверью, с первого взгляда и не разглядишь.

Я отпер входную дверь, и мы с Владой вышли во двор. Обошли вокруг нашего внедорожника, потом — вокруг дома, заглянули во все щели.

— Кис-кис, — звал я.

Но Котейка пропала без вести.

Неужели перелезла через забор и убежала? Раньше она не изъявляла желания убежать. Почуяла какой-то интересный запах — например, кота? Весна все-таки. Или увлеклась погоней за мышью?

Я-то хоть и расстроился немного, но готов был смириться с исчезновением кошки. А вот Влада сильно взволновалась. У нее даже выражение лица в кои-то веки изменилось.

Мне пришла отличная идея: глянуть на запись камер. Если прокрутить назад, то будет ясно, куда убежала Котейка. Я увел Владу со двора в “шпионскую комнату” — пусть побудет рядом, а то еще тоже убежит куда-нибудь. Да и прохладно было на улице, а Влада оставалась в своем летнем платице. Я поймал себя на мысли, что заботиться о ком-то приятно. Во-первых, есть чем заняться. Во-вторых, чувствуешь себя полезным. Когда ты один и волнуешься только о себе, не так интересно жить...

Мы засели за камеры, и я сразу с недоумением обнаружил, что восьмая камера заработала. Показывала сверху и сбоку небольшое продолговатое помещение с полками вдоль стен и ямой для автомобилей.

Гараж!

Но почему камера не работала раньше?

И тут я увидел нечто такое, отчего у меня по коже пробежал морозец.

Котейка сидела на самой верхней полке с инструментами, под самым потолком, и скалила зубы. А в яме двигалось что-то черное и бесформенное. Вдруг свет погас, изображение пропало. Затем снова появилось, и я заметил, как кошка метнулась на другую полку, а что-то большое и черное быстро скрылось в яме.

Сначала я ни черта не понял. Потом догадался:

— Оборотень, мать его! Ты поняла, Влада? Там в яме Оборотень! И он почему-то боится света, прячется в яме, когда срабатывает детектор движения и свет загорается! И наша Котейка там...

Я встал, снял “Сайгу” с предохранителя. Проверил финку на поясе, узкий стилет на лодыжке под брючиной — полезная вещь, уже пригождалась, — пистолет в кобуре под курткой.

— Оставайся здесь, Влада. Я пойду, разберусь с этим вонючим Оборотнем и верну Котейку.

Я двинулся к выходу, но Влада пошла за мной. Я остановился и нахмурился.

— Сиди здесь!

Влада остановилась, глядя под ноги. Тоже нахмурилась, губы плотно сжаты, выражение упрямства на лице.

Когда я пошел дальше, она снова последовала за мной, как привязанная.

— Бабы! — возмутился я. — Ладно. Идем. Только в гараж ты не зайдешь.

Пока мы пересекали двор, я раздумывал над увиденным. То, что Оборотень застрял в гараже, — неудивительно. Это для них естественно. Но почему он боится света? И почему он в “ночной” форме, когда день на дворе? Или это вовсе не Оборотень, а Бугимен?

Все-таки они — все Три Бэ — эволюционируют. Или деградируют. Наверное, светобоязнь и неспособность вернуть человеческий облик даже днем — результат этой эволюции. Я понадеялся, что Оборотень не обрел какие-нибудь сверхвозможности, о которых я не знаю.

И зачем владелец дома установил в гараже освещение с датчиком движения? Вероятно,

там есть и обычный выключатель, а освещение с датчиком нужно на случай, если в гараж залезут те, кому не следует. Все-таки обычная камера при нормальном освещении запишет физиономии грабителей лучше, чем инфракрасная.

И вообще, включающийся от движения свет — это удобно.

Дверь, ведущая в гараж, была заперта, но я, недолго думая, снес замок выстрелом. Постарался встать так, чтобы рикошетом не зацепило, а Владу поставил позади себя. Грохот выстрела эхом разнесся над пустыми домами, где-то взлетела стая птиц и завывла собака.

Нехорошо. Бродяги услышат — припрутся.

Или побоятся?

Неважно. Ночевать мы здесь не станем. Спасем Котейку и уедем.

— Стой здесь, — внушительно сказал я Владе.

С колотящимся сердцем осторожно открыл дверь и всунул в проем дуло. Там горел свет — видно, Котейка в очередной раз шевельнулась. Или Оборотень попытался ее достать. Я сразу увидел выключатель и щелкнул им — зажглись дополнительные лампы, которые уже не погаснут.

Котейка мяукнула сверху. Я подозвал ее и взял на руки. Передал Владе.

— Иди домой!

На сей раз Влада послушалась. Прижимая к себе кошку, ушла в дом.

Можно было бы, в принципе, повернуться и уйти. Срать на этого Оборотня... Но я остался. Мне хотелось узнать, во что они превращаются... Кем стали сейчас мои родители...

Я встал на краю ямы и заглянул вниз. Увидел что-то черное, выпуклое, продолговатое, покрытое шевелящейся шерстью. Оборотень свернулся комком, и я лицезрел его спину.

— Эй, Оборотень!

Спина дернулась. То, что у твари было вместо башки, чуть повернулось ко мне, и мелькнули острые серые зубы в акульей пасти...

— Говорить умеешь?

Тварь молчала.

— Ну ладно, — продолжил я. — Тогда пойду. Сиди здесь дальше, как сыч.

И отступил от ямы.

Тут раздался приятный мужской голос, интеллигентный такой, негромкий, почти шепот:

— Что ты хочешь?

— Хочу понять, чего ты света боишься? Такие, как ты, раньше не боялись.

— Раньше не боялись, — тем же бархатным голосом ответил Оборотень, не оборачиваясь. — Всё меняется.

Меня передернуло. Оборотень точь-в-точь повторял слова моего отца... В родительской квартире нет датчиков движения, так что мои родители могут занавесить окна и протянуть еще сколько-нибудь времени.

— Хреново, — сказал я. — Из помещений выйти не можете, света теперь боитесь... Ты — владелец этого дома? Жалеешь небось, что установил здесь датчики движения?

Послышался мелкий кашель, Оборотень затрясся. Эй, он угорает, что ли?

— Всё меняется, парень. Скоро я выйду на свободу... когда погаснет свет.

— Свет не погаснет, — сказал я с уверенностью, которой не ощущал. — На станциях работают дурни с промытыми мозгами. Им даже конец света не помеха. Я там был, так что знаю. Понял, Оборотень?

— Мы не просто Оборотни, дурак! — В голосе твари прорезалась ненависть. — Мы — Жрецы!

— Какие еще Жрецы?

Оборотень не спешил отвечать.

Я стоял с автоматом над ямой, в которой сжался черный монстр, а сверху нас освещали светодиодные лампы. Инструменты на полках были разложены как по линейке.

Внезапно с разрывающим уши визгом оборотень будто взорвался — вылетел наружу спиной вперед, повернув голову на 180 градусов, зубастая пасть распахнулась. Глаз и носа не видать, сплошная чернота.

Я зажмурился и трижды нажал на спусковой крючок. Прогремели выстрелы, и чудище с шумом обрушилось назад в яму. Открыв глаза, я увидел, как тело Оборотня ссыхается на глазах, превращаясь в пепельно-серую мумию. Акульки челюсти выступили вперед, разорванная пулями голова откинулась назад, и Оборотень издал сиплый вздох.

Матерясь сквозь зубы от пережитого страха, я вышел из гаража и захлопнул дверь с раскучеренным замком. Влада обнимала кошку в прихожей, широко раскрыв глаза.

— Мы на шумели, — буркнул я. — Поедем отсюда, а то еще гости заявятся.

Когда мы выезжали из города, у меня громко и недовольно забурчал желудок. Шла вторая половина дня, а я еще не обедал. Влада с Котейкой тоже, но они помалкивали. После того, как Котейку чуть не слопал Оборотень — если тварь вообще собиралась жрать кошку, — Влада не выпускала любимицу из рук. Сидела, нахохлившись, в джинсах и толстовке, в которые переделалась по моему указанию, держала кошку на коленях, хмуро таращилась в окно.

Перекусить бы надо. Вот отъедем от города подальше, сделаем привал. Чем дальше я путешествовал, тем яснее понимал, что в бывших населенных пунктах — город это, поселок или деревня, неважно, — очень опасно. А в чистом поле хорошо, вот только скучно.

За все дни движения на юг, я привык уже, что трасса абсолютно пуста, за исключением брошенных машин, из которых я временами сливал бензин. В зеркало заднего вида в последнее время уже и не смотрел.

Тем неожиданнее стал для меня автомобильный сигнал позади. Я подпрыгнул от неожиданности и, вместо того, чтобы посмотреть в зеркало, как и подобает нормальному водителю, резко оглянулся — аж шея хрустнула.

Нас догонял, мигая лупоглазыми фарами, серый гоночный автомобиль.

Первое побуждение было — утопить педаль газа в пол и умчаться за горизонт. Я глянул вперед — впереди из-за близости города много авто, надо их объезжать, к тому же дорога виляет между холмами... Не сумею, улечу в кювет. Я же не Вин Дизель какой-нибудь.

Был бы один, попробовал бы... Или нет?

Я включил правый поворотник и припарковался на обочине, как законопослушный гражданин. Схватил автомат, торопливо перекинул ремень через голову. Велел Владе сидеть на месте и вылез наружу.

Преследователь аккуратно встал позади, словно мог помешать дорожному движению, напоследок газанул — двигатель мощно взревел. Да, от погони я бы не ушел... Марку и модель я узнал: Порше 911 Турбо. Мы с друзьями когда-то увлекались гоночными тачками. Это сколько он бензина жрет? Больше, чем мой джип, поди...

Я не спешил отходить от внедорожника — если начнут палить, спрячусь. Солнце

отблескивает на лобовом стекле — водителя не разглядеть.

Дверь Порше откинулась, на асфальт опустились ноги в белых кроссовках, прямо как в кино. Потом водитель выпрямился, и я увидел женщину лет тридцати или чуть помоложе. Высокая, плечистая, некрасивая, но улыбающаяся. На ней была расстегнутая кожанка, на шее висит куча бус и цепочек с бляхами. На шее синее татуировка в виде каких-то готических букв. Короткие волосы выкрашены в синий цвет, но корни мышинового цвета уже проглядывают.

Эта особа почему-то напомнила мне Матерь, но чутье молчало. Я не чувствовал Матерь, это была обычная женщина.

Вроде бы на поясе ее брюк болталась кобура, но куртка ее скрывала. В любом случае в руках гонщица никакого оружия не держала. Поэтому я вышел из укрытия, но автомат не опустил.

— Привет! — крикнула она, продолжая улыбаться и приподнимая руки. Зубы у нее вылезали вместе с деснами, как у лошади. Лучше б не улыбалась... — Не стреляй, я не враг!

— Чего тебе надо? — невежливо спросил я. — Нам и друзья-то особо не нужны.

— Я вас заметила минут пять назад, когда вы проезжали под мостом на развязке. Я ехала на юг.

Я напрягся.

— Ну и?

Женщина подошла поближе и опустила руки.

— Меня зовут Даша. Подумала, что раз вы тоже на юг, то вместе веселее... Взаимовыручка, общение, все такое.

Я мрачно поглядел на нее. Опасной она не казалась, но и покойный Хозяин тоже не выглядел страшным и ужасным при первой встрече. Не тянуло меня путешествовать с ней, хотя я ее понимал: просто устала она от одиночества.

— Как тебя зовут? — не дала мне собраться с мыслями Даша.

— Тим.

— Рада познакомиться, Тим. А там кто сидит у тебя?

— Моя спутница, Влада. Она немая.

Даша бесцеремонно заглянула в кабину.

— Привет, Влада! Уй, какая у тебя милая кошечка!

— Тихо, тихо, — оборвал я слишком шуструю даму. — Отойди-ка.

— Ой, да ладно? Ты серьезно? Расслабься! — Даша тряхнула синими патлами. — Я понимаю, что доверять никому нельзя, но не в паранойю же впадать! Хотела бы вам гадость устроить, устроила бы, не сомневайся.

— Знаешь, после таких слов я совсем не расслабился, — сказал я. — Отойди, а то выстрелю.

Даша вздохнула и отошла. Уперлась ладонями в поясницу. Нет, кобуры на поясе не было, просто в кармане лежало что-то продолговатое.

— Ладно. Как тебе доказать, что я не враг вам?

— Езжай своей дорогой — вот и докажешь.

— Блин, какой ты злобный, Тим! Как я поеду своей дорогой, если дорога одна? Я-то думала: будем вместе вечерами костры жечь, картошку печь, рассказывать друг другу разные истории. Нам ведь всем досталось, и есть что рассказать интересного. Вот я, например, встретила людей со сверхъестественными способностями. Появились такие в последнее

время. Слышал, наверное? Это в основном дети и подростки, их называют Зрячими.

Я внутренне напрягся. Неохотно признал:

— Ну, слышал.

— Так вот, — оживленно продолжила Даша, — эти детки вроде как знают, от чего приключился этот лютый пипец. Только сказать нормально не могут, они как аутисты... Вот твоя Влада — она, случаем, не Зрячая?

— Нет, — сказал я. Пожалуй, слишком поспешно. — Она просто немая.

— А чего она на нас не реагирует?

— Не в себе потому что. Стресс получила от конца света, с тех пор молчит.

— Ладно, — Даша снова выставила лошадиную челюсть. — Вредный ты, Тим. Я уже расхотела с вами ехать. Покедова! Влада, пока!

Она помахала Владе, та равнодушно поглядела на навязчивую гонщицу. Я тоже посмотрел на Зрячую и на долю секунды отвлекся.

Даше этого хватило. С обезьяньей ловкостью она вцепилась одной рукой в дуло автомата, дернула его вверх, другой выхватила что-то из кармана. Перцовый баллончик! Я понял это, когда струя попала мне прямо в рожу.

Заорал от жгучей боли, отшатнулся, палец автоматически нажал на спусковой крючок, и затрещали выстрелы. Скорее всего, все пули ушли в небо.

— Не такой уж у нее и стресс, — донесся до меня голос Даши. — В мяч-то на улице играла с удовольствием!

Я не успел ничего сообразить — на макушку обрушился удар, и сознание у меня помутилось.

Я не вырубился, но меня здорово повело. Тело стало ватным, земля ударила сбоку, я словно резко оперся о внезапно возникшую стенку. Но это была не стенка — я просто повалился на бок. Из глаз лились слезы, а из носа — сопля. Слизистые жгло и резало так, что хотелось орать во все горло. Но я не орал — силы пропали, и я лишь хрипел.

Кто-то меня дергал, щупал и ворочал. Руки завернули за спину, запястий коснулся металл. Щелкнуло.

Краем сознания я ухватывал отдельные звуки и более-менее понимал, что происходит. Вот Даша сковала меня наручниками, вот она обходит джип и вытаскивает Владу наружу.

— Давай, давай, Зрячая, пошевеливайся!.. Стой здесь, чтобы я тебя видела! Если побежишь — я тебя застрелю из этого пистолета! Понимаешь? Пиф-паф, ой-ёй-ёй, умирает зайчик мой!

Постепенно я приходил в себя, но все еще обливался соплями и слезами. Даша широким шагом прошла к своей гоночной тачке, открыла багажник, вынула какой-то грязный мешок в бурых пятнах. Начала ходить по дороге кругами, вытаскивая из мешка некие предметы и выкладывая их на асфальте. До меня донеслась тухлая вонь.

Это что, куски гнилого мяса?

Я с трудом сел, но встать не смог бы при всем желании — голова кружилась до тошноты. Пощупал кобуру — пустая. Финка тоже пропала... Стилет на месте, но что от него проку, если я встать не могу?

Даша опорожнила мешок и швырнула его на обочину. Вернулась к багажнику и достала пятилитровую баклажку с темной жидкостью. Подошла к выложенной на асфальте спирали из кусков мяса и принялась выливать жидкость, идя по кругу.

Все это время Влада находилась возле вездорожника, прижимая к себе кошку. Я не видел ее лица, она стояла спиной, но почему мне казалось, что она боится.

Опустошив и баклажку, Даша швырнула ее вслед за мешком, выпрямилась в центре спирали, выложенной кусками тухлятины и политой жижей — возможно, полусвернувшейся кровью. Что это за мясо и чья это кровь?

Даша перехватила мой взгляд, ощерилась в ухмылке. Сейчас ее улыбка напоминала не лошадиную морду, а оскал гиены.

— Я за вами через уличные камеры следила, — сообщила она. — Удобная штука. Весь город можно контролировать. Искать Зрячих удобно. Я, правда, не была уверена, что эта твоя немая дурочка — реально Зрячая. Вот и решила выяснить.

Да, мы почувствовали ее взор — поток внимания через камеры...

— Я тебя не сильно приложила? Удобная вещь для ближнего боя — кусок свинца в носке!

— Чё те надо, сука? — прохрипел я.

— Ну-ну, юный хам, ты не очень-то!.. Ты мне тоже пригодишься, не живой, но свежий, ха-ха! И от тебя зависит, какой смертью сдохнешь — медленной или быстрой. А насчет того, чего я хочу, так мы ж не в кино, я перед тобой отчитываться не собираюсь. Скажу лишь, что сейчас тебе выпадет честь лицезреть сакральный акт человеческого жертвоприношения.

Даша подошла к Владе, схватила ее за руку и потащила к выложенной на дороге спирали. Влада испуганно перешагивала через вонючие шматы. Даша поставила девочку в центре спирали. У той подогнулись ноги, и она упала на колени.

— Сиди здесь! — низким, страшным голосом проговорила Даша.

С ней происходила какая-то страшная трансформация.

Она отошла к обочине, задрала голову кверху.

И завывла — сначала тихо и заунывно, затем громче и яростней. Это была жуткая, чудовищная песня — та самая, что пели Буйные в одном из городов. Они ходили по кругу, топча тех, кто умер прямо в толпе, и пели-выли безумную песню.

Кто был в центре того круга?

Даша тоже начала ходить вокруг окаменевшей Влады. Руки гонщицы мотались, как плети, голова дергалась, словно у птицы, вой уже был не похож на человеческий. Она что, Буйная, обретшая разум?

Я облился потом с головы до ног. От звуков этой леденящей душу песни в глубине памяти рождались какие-то древние, как мир, страхи — страхи, которые заставляли первобытных людей жаться к костру ветренной и темной ночью, полной голосов хищников... Эти страхи — как и эта песня — прошли к нам сквозь бесчисленные поколения из пещерных времен до цивилизации. И вот докатились до нынешних времен апокалипсиса.

Даша прошла один круг и слегка приблизилась к центру спирали, где сидела безучастная жертва. Вой неожиданно затих.

— Сссммрррааа! — выдохнула Даша, которая выглядела совершенно невменяемой. — Смррааа! Падший Праотец наш! Как тебя пытали на Спиральном Кургане, как резали твою плоть и рвали на куски, как тебя убивали, ТАК И Я БУДУ ПЫТАТЬ, РЕЗАТЬ, РВАТЬ, УБИВАТЬ ЖЕРТВУ ВО ИМЯ ТВОЕ! Как пали пред тобой Матери и Отцы, и Дети их, так падет каждый, кто выжил, или будет втоптан в грязь! Сссммррррааа!

Чокнутая приближалась все ближе к Владе, которая сидела, обнимая кошку и пряча лицо.

И тут я услышал шелестящий голос в голове — далекий и слабый:

“Всего лишь Трех Волн хватило, чтобы втоптать вашу хваленую цивилизацию в грязь...”

Я моргнул и попытался встать. Но из-за головокружения повалился в сторону, уперся плечом в теплую и пахучую резину переднего колеса.

Что делать? Что делать???

Эта тварь сейчас убьет Владу!

В руке Даши откуда не возьмись возник длинный нож. Наверное, прихватила из багажника. Или прятала под курткой. Она шла к Владе по спирали, не отводя от нее взгляда и бормоча что-то невнятное, плюясь и вскрикивая.

Наконец возвысилась над съезжившейся Зрячей и замахнулась жертвенным клинком.

Я хотел завопить что-то матерное, но пропал голос.

Противно завизжала кошка, из рук Влады выскочила Котейка, черной молнией подлетела вверх, царапнула по лицу Даши.

Даша закричала, выронила нож и схватилась за лицо. И тут Влада разом вскочила на ноги. Я увидел, как она подняла нож с земли, схватила одной рукой Дашу за синие космы, а другой воткнула лезвие в глотку.

Я оторопело уставился на эту невероятную картину.

Влада выдернула нож и тут же выронила. Зрячая сделала один шаг назад, второй, потом побежала ко мне, перепрыгивая через разбросанное мясо. Котейка стремительно заскочила в кабину внедорожника и затихла. Влада последовала за ней.

А Даша медленно заваливалась назад, давясь кровью, шумно сглатывая, хватаясь за горло и издавая звуки, будто ее тошнит.

Когда Даша, наконец, растянулась во весь рост и затихла, я нашел в себе силы встать. Башка болела от удара, глаза слезились, руки оставались скованы за спиной, но я был в порядке.

Заглянул в машину. Влада сидела на своем месте, с кошкой на коленях, одна рука в чужой крови. Смотрела перед собой, лицо без выражения. Но по щекам текли слезы.

“Неужели и ей из баллончика досталось? — задался я вопросом. И ответил сам себе: — Нет. Просто она оказалась живым человеком, а не куклой”.

— Влада, — сказал я. — Ты молодец. Спасла нас всех.

Она не ответила, даже не посмотрела на меня.

А я, пошатываясь, пошел к мертвой Даше, чья кровь заливала жертвенный круг, надеясь, что ключи от наручников эта сука не выбросила на обочину вслед за мешком и баклажкой.

Глава 6. Супруги

Поплавок, покачивающийся на сверкающей от солнца ряби, неожиданно нырнул, и я поспешно дернул удочку вверх. Блестящая рыбка взлетела вслед за невидимой леской в лазурную вышину, описала дугу и шлепнулась на прошлогоднюю пожухлую траву берега.

Котейка, которая уже схомячила двух карасиков, нагло мяукнула, метнулась за очередной рыбкой, но я опередил — схватил карася, бросил в пластиковое ведро с водой и накрыл крышкой. Черная кошка села рядом, таращась на меня желтыми глазами-фонарями, облизнулась и, задрав хвост, ушла в машину.

— Вот-вот, вали-ка отсюда, обжора, — сказал я вслед. — С тобой никакой рыбалки не получится...

Было жарко, я сидел на раскладном стульчике на берегу небольшой спокойной речки в тонких трико, футболке, зеркальных очках и панамке и, наверное, являл собой очень обыденное и мирное зрелище.

Поглядишь на такого рыбака и не скажешь, что наступил конец света, что выжили единицы, и их жизнь стоит очень мало. Не больше жизни этого карасика, если на то пошло.

Я уже много дней ехал на юг, и в последнее время юг стал ощущаться. Вокруг распростерлись лесостепи и степи, солнце припекало совсем не по-весеннему, а очень даже по-летнему. Временами грохотали грозы. Когда я копнул саперной лопаткой жирную почву у воды, оказалось, что она кишмя кишит дождевыми червями и личинками майского жука. Уже жужжали мухи и металась в неподвижном воздухе мошкара.

Буквально вчера я наткнулся на нетронутый охотничий магазин в маленьком поселке на окраине города. Разжился палаткой, раскладными стульями и столиком, удочкой, набором блесен и крючков, карематами, саперной лопаткой, спальными мешками и еще много чем по мелочи. И мордушки прихватил — мало ли? Машину забил до отказа; даже подумал, что надо бы пересесть на какой-нибудь дом на колесах или микроавтобус.

Этой ночью мы с Владой ночевали в палатке. Это было что-то! Особенно после всех этих ночевок прямо в машине в скрюченном положении. Не знаю, как Влада, она-то немая и почти без эмоций, а я покайфовал, растянувшись в спальном мешке. Выспался от души.

И почему я раньше не использовал палатку? Ночевал же с Борей возле электростанции и знал, как это круто! Кстати, вещей Бори я так и не коснулся, оставил его крохотный лагерь в нетронutom состоянии.

Клевало неплохо, но рыбка ловилась в основном маленькая, с ладонь. Наловив с десяток, я решил, что хватит. Уселся возле ведра, вынул стилет из ножен на правой лодыжке и принялся чистить и потрошить свои трофеи.

Из внедорожника выбралась Влада — хмурая, растрепанная, с взлохмаченными волнистыми волосами. Пока я рыбачил, она сидела в машине с открытой дверью и что-то рисовала в альбоме. К рыбалке интереса у нее не возникло. Зато, видимо, возникло к готовке.

— Хочешь помочь? — спросил я.

Протянул ей ножик, а сам извлек финку. Финкой, конечно, легче зарезать быка, чем почистить мелкую рыбешку, но мне было лень лезть в багажник в поисках более удобного ножа.

При виде финки Влада попятилась, потом развернулась и убежала куда-то за машину. Там вроде остановилась, замерла.

Я вздохнул.

Недавно ей пришлось замочить большим ножом человека, который, в свою очередь, хотел замочить всех нас — да не просто так, а изощренно. С тех пор Влада боится больших клинков и вида крови. То, что у нее окровавлен рукав, она заметила только вчера вечером, сразу сдернула через голову кофту и выбросила прямо в окно...

Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что она кое-что чувствует и много чего понимает. Плохо, что в нынешнем мире другие правила и уметь убивать просто необходимо.

Любопытно, что она и бровью не повела, когда у нее чуть ли не на глазах погубли отчим и его помощник. Но тогда ведь не она сама их убивала... Да, странно устроен человек.

Короче, мне пришлось кухарить самому. Я почистил рыбу, сложил очаг из камней, развел огонь из собранных заранее сухих веток, налил в сковородку масла, сразу насыпал туда соли, как мать учила. Обваляв в муке рыбу, начал жарить.

Запах заставил вернуться и Владу, и Котейку. Ага, как готовить — так никого, как пожрать — так набежали...

Я хотел сначала сварить гречку с овощами, прихваченными еще у Хозяина, а потом уже сесть обедать, но ничего не вышло. Свежая жареная рыба исчезла моментально. Я сделал себе заметку на будущее — больше заниматься рыбалкой. И для нервов полезно, и для желудка.

— Ты, Влада, правильно поступила, что завалила ту суку, — решил я успокоить свою спутницу, когда мы всё съели и расположились в палатке; ехать никуда сегодня уже не хотелось. — Иначе Даша нас всех бы порешила. Она же больная на голову, ты заметила? Хотела принести тебя в жертву какому-то своему богу... Падшему Праотцу. Ты знаешь про него ведь, да?

Влада смотрела на реку сквозь открытый клапан палатки, сидя на спальном мешке и поглаживая кошку.

— Ладно, — сказал я. — Когда-нибудь расскажешь. Так вот, я про убийства. Убивать — это, конечно, плохо. Но мы ведь и в прежнем мире постоянно убивали! Тех же коров, баранов, свиней, рыб. Вегетарианцы вон кричали, что это плохо, а сами растения убивали. Растения тоже живые. Нельзя не убивать, понимаешь? А не будешь жрать, помрешь — то есть убьешь сам себя. Выхода нет. Я вот не думаю, что ценность человеческой жизни сильно выше, чем ценность жизни какого-нибудь дерева. От дерева всегда польза есть, тень, кислород, а от человека в основном идет всякое говно. Сейчас бóльшая часть людей превратилась в деревья — так их рубить, получается, уже можно?

Я сделал паузу, отпив чайку из высокого стакана. Продолжил:

— Сейчас та же ситуация, просто уже приходится убивать людей. Иначе они тебя... Я впервые убил Буйного, когда тот на меня полез. Я тогда так не расстраивался, как ты. Буйный — он не человек, даже разговаривать не умеет, только орать... То есть я хотел сказать, он бешеный, — поправился я, вспомнив, что Влада тоже не умеет разговаривать. Но ей, похоже, было пофигу на мою оговорку. — А потом одного алкаша к родителям привел... Они его слопали, даже костей не оставили. По сути, я его и убил, понимаешь? А еще потом как-то привык... Если бы мне пришлось, как тебе, сразу прирезать нормального человека... или почти нормального...

Выражение лица Влады стало таким страдальческим, что я умолк. Психолог-утешитель

из меня не очень.

— Извини, — сказал я. — Покемарю, пожалуйста. А ты посиди на стреме, ладошки? Если почувешь опасность, сделай вот так...

Я взял ее ладонь, обхватил ее пальцами свой рукав и подергал.

— Поняла? Это значит “Опасность!”

Рука Влады, когда я ее отпустил, безвольно упала.

Ну и ладно.

Я лег, обняв автомат, и закемарил. В палатке было тепло, почти жарко, солнце нагревало ткань. Сквозь сон я услышал, как Влада тихо поднялась и вышла.

Проснулся примерно через час. Влада сидела рядом и что-то сосредоточенно делала с моей битой. Я пригляделся — с помощью фломастеров она разрисовала битку узорами и цветочками. И написала вдоль большими жирными буквами “ТИМ”.

— Это ты мне? — растроганно спросил я, хотя дураку было понятно, что мне. — Спасибо! Очень мило.

Мне на самом деле очень понравился этот подарок. С одной стороны, Влада все чаще выходит из состояния этого своего аутизма. С другой, проявляет ко мне внимание.

Я вдруг подумал, что она всего-то на два года младше меня. Если б она разговаривала и была нормальной, в прежнем мире я бы даже заинтересовался ею... Наверное.

Влада не такая смазливая, как разбитная Валя, о которой я ничего больше не слышал с того нашего ночного разговора по телефону, но вполне себе приятная. Глаза большие и красивые, только взгляд мутный... Нос тонкий и длинный, зато губы полные, красиво очерченные. Густые кудряшки опять-таки... И фигурка хоть и слишком тонкая, но появившись Влада в том красном платье на какой-нибудь тусе, внимание ей было бы обеспечено.

Однако я Владу воспринимал как дитя малое, лишенное дара речи и немного сумасшедшее. Поэтому никаких шаловливых мыслей у меня и не возникло ни разу, и в палатке мы ночевали втроем не как парень, девушка и кошка, а человек и два домашних питомца, за которыми нужен глаз да глаз.

Влада протянула мне битку, которой я успел расколоть не один череп, и отвернулась. Я заметил, что ее бледные щеки порозовели.

М-да, кажется, из меня все-таки может получиться хороший психолог-утешитель.

На следующий день погода не заладилась с самого утра. С запада на небо напоззли иссиня-черные тучи, загромыхало. Очередная весенняя гроза! Мы быстро собрали лагерь, погрузились в машину и поехали. Я надеялся, что дорогу нигде не размоет.

Минут через двадцать, как любил говорить отец, разверзлись хляби небесные. Хлынуло так, что не видно было ни хрена уже через несколько метров. Я сбавил скорость и собирался вовсе остановиться, когда заметил сбоку автомойку. Загнал машину под крышу и вылез из кабины с автоматом наизготовку — проверить, чисто ли.

Оказалось, чисто. В смысле, никого.

Ливень со страшными громовыми раскатами и сверканием молнии продолжался где-то полчаса. Потом затих, но дождь кончаться не спешил. Интересно, завтра грибы уже можно будет собирать в этих теплых широтах?

Похолодало, и я нацепил толстовку с капюшоном. Велел и Владе надеть куртку.

— Погнали, — сказал я ей и Котейке.

Мы снова двинулись в путь. Всюду были глубокие лужи, на них вскипали и лопались

огромные пузыри от дождя, небо оставалось серым и хмурым, хотя основная чернота передвинулась влево, на восток.

Сквозь пелену дождя впереди просматривался очередной город.

В бывших населенных пунктах опасно, там шляются Три Бэ — Бродяги, Буйные и Бугимены, — а в домах затаились Оборотни, и я не хотел заезжать в этот город. Но съехать с дороги, ведущей прямо в город, не получалось: то боковые дороги были забиты брошенными машинами, то представляли собой убитые грунтовки с потоками грязной воды. Мы ехали на Ниссане Терра, но и он запросто может застрять где-нибудь.

Остановиться и переждать дождь? Потеряем время.

Но мы и не спешим никуда, верно?

Я надавил на тормоз и, когда тачка полностью остановилась, выключил двигатель.

— Подождем здесь. Хватит с меня городов с их сюрпризами...

Влада и Котейка не возражали.

Дождь стучал по машине и заливал окна еще час. Затем вроде начал затихать. Я на секунду включил дворники и присмотрелся к зданиям за пеленой дождя впереди. Нигде не горело ни одно окно. Однако вдаль, над городскими высотками, носились стаи воронья...

— Вот блин, — сказал я. — Там Орда, по ходу. Ходят по кругу, поют под дождем...

Мне захотелось немедленно развернуться и убраться подальше отсюда, но в этот момент заскучавшая Влада потянулась к дисплею магнитолы.

— Музыку хочешь послушать? — удивился я. — Кстати, а что если Хозяин закачал сюда хорошие треки? Владелец моей старой тачки слушал ужасную како. Я после нее даже ни разу не подумал врубить музон... Только громко не ставь, ладно?

Влада уверенно потыкала по экрану. Включила не записи, а радио. Зашипел белый шум.

— Да нет там ничего...

Зрячая не успокаивалась, переключила радио с режима FM на режим AM, начала “листать” каналы. Шипение не прекращалось, лишь меняло тональность.

— Вот тебе охота этот шум слушать, а? — заворчал я.

Внезапно раздался отчетливый человеческий голос:

“...нет ни черта! Говорил же тебе, а ты!”

Влада перелистнула дальше, но я торопливо вернул назад.

— Подожди-ка! Ты слышала? Офигеть!

“Еще раз посмотри! — сказал женский голос. Немолодой голос. — И глаза шире раскрой! Дозаторы на двадцать кубов там должны быть! Прием!”

“Вот сама приедь сюда и раскрывай глаза сколько влезет! Эту лабораторию придурки давно расколотили! Прием!”

В слове “придурки” мужчина — тоже, судя по голосу, немолодой — ударение поставил почему-то на первый слог.

“Да ты ищи, а не ори, старый ты дурень! Придурки услышат! Прием!”

Вот бабуля ударение ставила как надо.

“Сама не ори!” — отозвался вредный дед.

Необычный диалог по радио прекратился. А я ошалело уставился на Владу.

— Это что щас было? Это мы разговор по рации перехватили?

А сам подумал: разве разговор по рации можно перехватить с помощью обычного радио?

Вовремя вспомнилось: друг в школе говорил, что по радио можно запросто подслушать

переговоры дальнбойщиков. У них какая-то простая рация, без шифровки.

Похоже, эти двое старичков переругивались именно по такой вот радиии. Причем дед находился где-то в лаборатории и не мог найти дозаторы. Зачем им дозаторы?

Я не особо стремился знакомиться со всеми подряд Бродягами, пусть они и старенькие. Старые Бродяги — это что-то новенькое; прежде я считал, что все выжившие — не старше сорока. Я сделал звук погромче — хотелось послушать, о чем они будут говорить дальше, если вообще будут.

И правда — через несколько минут диалог продолжился.

“Еду назад, прием”, — ворчливо сказал дед.

“Нашел? Прием!” — тут же откликнулась бабка.

Дед сразу завелся:

“Разумеется, нашел, раз еду! Прием!”

Видимо, деду было неловко, что он нашел злосчастные дозаторы не с первого раза, потому что не “открыл шире глаза”. Вот дед и не скрывал раздражения.

Бабка, как и полагается мудрой женщине, не стала давить дальше, упрекать и напоминать о собственной правоте.

“Вот и хорошо, Алексей Николаич! Езжай быстрее назад, обед готов. Одна обедать не сяду. А с новыми дозаторами проведу титрование чин по чину. Глядишь, узнаем, засел ли какой вирус в мозгах Придурков. Только будь осторожен, воронья много. Стало быть, опять Придурки за свой шабаш взялись. Прием”.

“Еду-еду, — смягчился дед Алексей Николаич. — Уже под мостом этим недоделанным... Отбой”.

— Вирус в мозгах? — переспросил я, обращаясь к радио, которое снова издавало белый шум. — Они ученые, что ли? Вот блин! А Придурками называют Буйных?

Я завел машину и тронулся с места.

— Кажется, они нормальные люди, Влада! Пожилые ученые. Стараются выяснить, что не так с Буйными. Видно, кое-что знают о Трех Волнах. И их двое всего, если без деда бабке обедать не с кем... Поищем их, ладно?

Я не особо надеялся сразу их найти. Какова дальность действия радиии? Я понятия об этом не имел. Километров десять? Как бы то ни было, дом этих двух старичков где-то на окраине, поблизости. Может, удастся заметить признаки обитаемости. Сушащееся белье на балконе, например, или дымок во дворе частного дома, или свет в окнах — из-за дождя очень сумрачно.

Нам повезло. Через десять минут я увидел недостроенный мост: торчащие из груд гравия бетонные опоры, взлохмаченную арматуру сверху, отдельные сегменты самого моста. Проехав под ним, я сбавил скорость и стал вращать головой. От основной дороги в стороны отходило множество дорог поменьше.

След шин на жирной грязи одной из маленьких улочек я увидел еще через несколько минут. Улица была зажата между двумя рядами деревьев и заборчиками частных домов. Я развернулся прямо через двойную сплошную, едва обратив на это внимание, и поехал по следам.

Проехал метров двести и уткнулся в тупик в виде трехметрового бетонного забора с колючей проволокой наверху. В заборе имелись синие металлические ворота, дверь и будка КПП.

Я вылез из машины, прошлепал по луже под мельчайшим морозящим дождиком до

kozyрька над дверью и посмотрел на кусок таблички с наименованием организации.

“...ская противочумная станция”.

Верхнюю часть таблички оторвали — я примерно догадывался, кто. Сверху из стены торчал стальной штатив, на котором когда-то крепилась камера. Ее тоже скovyрнули.

Вот, значит, куда нас занесло! В противочумную станцию!

Я не сомневался, что прибыл туда, куда надо. Где еще жить двум ученым, которые не сдались, не опустили руки, а решили выяснить, что произошло полгода назад со всем миром? Почему Буйные стали Буйными?

Противочумная станция, как я понял, защищена не хуже тюрьмы или любого другого режимного объекта. И не удивительно: здесь хранят всякие особо опасные штаммы, от которых человечество может загнуться... Сейчас от человечества мало что осталось, конечно, но ни Буйные, ни Бродяги сюда просто так не заберутся. Заберется только Орда, когда Буйные лезут друг на друга, давя и топча своих же, ложась на колючую проволоку, шагая по трупам...

Удобное место. Если есть запасы еды, можно жить и не беспокоиться ни о чем.

Я постучал в железные ворота, надеясь, что в меня не начнут сразу палить. На всякий случай встал так, чтобы в меня трудно было попасть, если стрелок высунется из-за забора.

Собственно, я был уверен, что на территории только два человека, которые в силу возраста не слишком шустрые.

Довольно долго царил тишина, и я постучал снова. В двери открылось узкое окошко, и на меня уставилась морщинистая физиономия с лохматыми седыми бровями, бледно-голубыми глазами и орлиным носом, на котором низко сидели тонкие очки. Дед чуть отступил — тоже не жаждал получить пулю в лоб.

Хорошо, что вообще соблаговолил выглянуть...

— Гостей не ждем! — прохрипел дед. — Идите своей дорогой! Приступом нас не взять, а мы вас перестреляем по одному, если понадобится!

Я приподнял руки, что выглядело, наверное, не слишком миролюбиво, учитывая болтающийся на груди автомат.

— Извините, Алексей Николаич! Я просто хотел спросить...

Дед моргнул. Безусловно, он охренел от того, что какой-то Бродяга знает его по имени-отчеству, но постарался не подавать виду.

— Ну, спрашивай, — настороженно сказал он.

— Я случайно перехватил ваш разговор по рации, — признался я. — С женщиной. И понял, что вы ученые. Верно?

— Перехватил?.. Это как? Хотя ладно, шут с этим... Допустим, мы ученые, — откашлялся дед. — Ну и что?

— Вы пытаетесь выяснить, почему случился конец света? Я тоже хочу.

Алексей Николаич помолчал, пожевал губами. На вид ему было лет хорошо за семьдесят.

— Плевать мне на конец света, — наконец заявил он. — Туда ему и дорога, свету этому. Это... супруга моя все не уймется... Вирусолог с полувековым стажем, не чета мне, простому зоологу... Считает, что от вируса всё...

Он хихикнул и тут же посерьезнел:

— А тебе зачем знать, почему мир медным тазом накрылся? Не все ли равно? Поздно пить боржоми, так сказать!

— Не все равно, — твердо сказал я. — Если есть хоть один шанс исправить...

— Ха! — гаркнул старик. — Молодежь! Исправить он хочет!.. Сколько вас там в машине?

— Одна девочка и кошка.

— Ну и компания!.. Пусть выйдут, покажутся! И двери машины откройте, чтобы видно было!

Я сказал Владе, чтобы она вышла. Вероятно, вид беззащитной худенькой девочки с кошкой на руках впечатлил деда настолько, что он крикнул, лицо в окошке исчезло, залязгали запоры, и дверь распахнулась. Алексей Николаич вышел под козырек с длинной, зловещего вида винтовкой. Он был среднего роста, с животиком, растянутом свитере и затертых на коленях джинсах.

Наверное, мы уже не вызывали у него настороженности — винтовку он держал явно для понту, в нас не целился. Обошел машину, заглянул в салон, затем — через заднее окно — в багажник. Пробурчал:

— И куда едете?

— На юг, — лаконично ответил я.

Алексей Николаич покивал, будто я назвал предельно конкретный адрес. Посопев, сказал:

— Сейчас ворота открою.

Противочумная станция располагалась на большой территории, сплошь засаженной деревьями. Среди деревьев возвышались здания. Одно — трехэтажное, красивое; другое — одноэтажное и длинное как кишка; третье — тоже одноэтажное, но покороче; имелись еще какой-то на вид обычный домик, ряд гаражей и множество складов. Вдали, над деревьями, маячила высоченная дымоходная труба кочегарки со ступенями-скобами.

Сам дед, очевидно, передвигался на УАЗике “Буханке” с государственными номерами. Машина стояла у ворот с внутренней стороны.

— У нас тут все автономное, — объяснил дед, хотя я его не спрашивал. Мы оставили машину возле КПП и дальше пошли пешком. — Всегда так было. Отопление свое, воду, стало быть, тоже сами греем. Только электричество не сами генерируем, хотя движки есть. Вот только когда свет окончательно выключат, недолго мы на этих движках-генераторах продержимся... Они-то на случай временной аварии рассчитаны, а не на конец света... Зимой мы с Ириной Леоновной дома жили, там хоть отопление бесплатное, а как потеплело, сюда перебрались. Вот тут у нас административный корпус, с другого конца — лаборатория, а тут общежитие для водителей и всяких командировочных... Вот виварий, где лабораторных животных содержали, сейчас только десяток мышей остался, а вот изолятор...

— Изолятор? — переспросил я, с любопытством оглядывая небольшой домик.

— На случай, если кто-то заболит чумой или холерой, всех контактных сюда, — охотно объяснил дед, который начал получать удовольствие от возможности выступать перед молчаливыми благодарными слушателями. — При чуме контактные шесть дней в изоляции сидят, при холере — пять. На моей памяти только один раз такое было, с чумой-то... Ну вот и пришли. Мы с Ириной Леоновной в общежитии поселились. Там и кухня есть, и плитка, и холодильник.

Общежитие было длинным, барачного вида зданием. Вдоль него росли яблони и березки. Из входной двери вышла маленькая пухлая старушка, с короткими белыми волосами

и тростью в руке, в вязаной кофте и аляпистых пижамных штанах. Одна лодыжка у нее была перевязана эластичным бинтом.

— Гостей привел, — сообщил дед очевидный факт. — Перехватили, понимаешь, наши разговоры по рации-то. Хотят знать, отчего конец света приключился и как все исправить.

Ирина Леоновна приподняла тонкие брови.

— Неужто? Думаете, можно что-то исправить? Хотя это хорошо — то, что вы желаете докопаться до истины. Значит, живет в вас душа исследователя! Про ученых говорят, что мы-де ни во что не верим. Вранье это! Мы верим, что мир можно понять от начала до конца и от этого обязательно будет польза.

— Ну, начала! — заворчал дед. — За стол бы усадила, обедом накормила вместо того, чтоб лекции читать.

Зыркнув на него, бабка пригласила нас внутрь и, хромая, двинулась по длинному коридору общаги. На кухне был накрыт стол. Пахло очень аппетитно, и Котейка на руках Влады требовательно мяукнула. Я заметил на подоконнике рацию — маленькую плоскую коробку, штучку на спиральном проводе, в которую надо говорить, и непонятные провода. По всей видимости, другая рация находилась в машине деда.

Хозяйка налила нам из большой кастрюли суп с тушенкой из консервов, положила домашний хлеб и салат из натертой моркови. Морковь на вкус была далеко не первой свежести, плесенью попахивала, но я, естественно, промолчал.

Котейке персонально на блюде положили кусочки тушенки.

Я представился и очень коротко рассказал, откуда еду и куда. Ни о каких подробностях распространяться не стал. О Владе сказал только, что она немая и я теперь ее опекаю. Старики лишних вопросов не задавали.

— Никогда не думала, что придется вернуться на работу, — говорила бабка. — Мы-то с Алексеем Николаичем уж много лет на пенсии. Но после того, как эта беда приключилась, мы посидели-посидели и решили, что лучше всего здесь жить. Место защищенное, знакомое. А самое главное — есть лаборатория, чтобы изолировать вирус из мозговой ткани.

— Если он есть вообще, этот вирус, — встрял дед.

— Конечно, есть, — спокойно сказала бабка. Она внезапно заговорила как лектор: — Всё, что произошло, можно просто объяснить — это новая пандемия. Вирус — абсолютно уникальный микроорганизм, он так сильно изменил геном человека, что часть людей превратилась в буйных помешанных, часть в ночных уродцев, а часть...

— Ни черта не объяснят этот твой вирус, — перебил дед. — Придурки (он снова сделал ударение на “и”) не просто психи, у них разум есть! Только не человеческий, а как... как у мурашей каких-нибудь. Или пчел. Они по отдельности вообще ничего не соображают, а как в толпу соберутся, так у них пробуждается что-то вроде этого... как его...

— Коллективного разума, — подсказала бабка. — От вируса запустились мутации, а от них и странности проявились. Может, у Придурков и есть какой-то разум, да уж больно примитивный.

— Это тебе кажется, что примитивный, — не сдавался дед.

Ирина Леоновна вздохнула, ей было стыдно за поведение муженька.

— Я ногу подвернула на днях, — пояснила она мне. — Не могу много ходить. Поэтому Алексея Николаича отправила за дозаторами в другую лабораторию, в бывшем НИИ вирусологии. Он почти весь сгорел, но кое-что сохранилось... Теперь можно будет протитровать суспензию из мозга Придурка и заразить белых мышей. И если у них появятся

какие-нибудь симптомы... Первая партия вся подохла и никаких понятных симптомов не обнаружила. Концентрацию надо уменьшать потихоньку, но мышек мало, всего два десятка. Мы их с Алексеем Николаичем дома выводили для развлечения... Пригодились, кто бы мог подумать...

Я с уважением посмотрел на старушку. Пока большинство Бродяг занималось поисками еды и дралось за каждый кусочек, она проводила исследования. Старалась выяснить, отчего случился апокалипсис, хотя, по большому счету, это знание уже никому не нужно.

Или нужно?

— Не появятся никакие симптомы, — сказал дед. — Иначе животные тоже изменились бы давно. Вирус на животных не действует, как зоолог говорю. Мыши от простой заразы подохли, от гнилостной микрофлоры. Вон, видишь кошку? Живая, здоровая, с хорошим аппетитом. Да и не вирус это вовсе, а инопланетяне.

— Ну да, и где они сейчас, эти твои инопланетяне? Стоило ли затевать такую бучу, чтобы потом прятаться?

— А кто их знает? Они ж инопланетяне! У них мозги по-другому заточены! Может, в ворон превратились, сейчас над Придурками летают, изучают их!

— Глупости!

Я встрял в разговор:

— Вы что-нибудь знаете об этих их песнях? Буйные, то есть Придурки, поют песни и ходят по кругу...

— Они меняются, — сказала Ирина Леоновна. — Возможно, это связано с потеплением. Зимой они залегали в спячку и из этой спячки только при каком-нибудь шуме выходили. И то ненадолго. У них метаболизм, как у рептилий: холодно — они спят, тепло — шевелятся. И мозг рептилий — бей или беги. Кора больших полушарий будто начисто исчезла. Ни неокортекса, новой коры, которая человека умным делает, ни мезокортекса, эмоционального мозга... Только рептильный архикортекс остался — сплошные инстинкты.

— Рептилоиды, — фыркнул дед. В голосе послышалась горечь. — Они и на людей-то уже не особо похожи. Ссохлись все, бурые стали... Не жрут ничего, как не сдохли до сих пор...

— Не сдохли, потому что чуть что — в спячку впадают. Обмен веществ у них замедляется чуть ли не до нуля. Но если будут по кругу ходить и песенки распевать, быстро истратят ресурсы.

— И превратятся в двуногих ящериц, — подхватил дед. — Они в какую-то нечисть превращаются, и еще неизвестно, чего от них ждать. Глядишь, примутся свою цивилизацию создавать. Поумнеют, начнут выживших, таких, как мы, выслеживать всюду да человечинкой закусывать... Эти Придурки — они как личинки, понимаете? А из этих личинок может какой-нибудь жук навозный вылупиться! Сначала, правда, должна быть стадия куколки, если говорить о полном цикле трансформации...

Зоолог задумался, а Ирина Леоновна насмешливо произнесла:

— Вот теперь-то ты хоть начал говорить как и полагается кандидату биологических наук! А то: инопланетяне! привидения! потусторонние силы! — Она повернулась ко мне: — Вы знаете, Тим, он летнее солнцестояние ждет — думает, какое-то откровение на него снизойдет!

— Ничего я не жду, — огрызнулся Алексей Николаич.

Я отложил ложку — успел вылебать всю миску, пока супруги чесали языками. Сказал:

— А как ваша теория о вирусе объясняет то, что некоторые люди стали телепатами? И как можно превратиться в деревья от вируса?

Бабка улыбнулась и пожала плечами.

— Это мы постараемся выяснить. Если успеем. Теоретически такое возможно. Вирусы — внутриклеточные паразиты, они наше ДНК меняли на протяжении всей эволюции. А измененная клетка будет вести себя так, как запрограммировано в ДНК. Будет изменяться, делиться, продуцировать новые химические соединения. Возможно даже, что новые способности появились из-за этого у выживших. И то, что вирус на разных людей подействовал по-разному, тоже теоретически возможно. От одного и того же гриппа у разных людей симптомы различаются.

— А почему мы не изменились? Я раньше думал, что все Бродяги... то есть нормальные выжившие... ну, молодые.

Ирина Леоновна рассмеялась.

— И правда, почему? Иммуитет у нас хороший, наверное.

— Это потому что мы все рождены в любви, — сказал дед, самодовольно улыбаясь. Непонятно было, шутит он или говорит всерьез. — Родители нас с любовью делали, а не как большинство — ненароком... или потому что так надо. Вот наши с Ириной Леоновной детки — на них-то тоже вирус не подействовал...

Он замолк. Я не стал спрашивать, где их детки сейчас. Может, не захотели сидеть на одном месте и пошли на юг, как я...

После обеда супруги провели меня в лабораторию — она находилась в трехэтажном здании. Владу и Котейку я оставил в общежитии, попросив Зрячую никуда не уходить.

— Покажем тебе сейчас кое-что интересное, — пообещал дед.

На втором этаже в одном из больших помещений с кафельными стенами и шкафами из металла и стекла находилась грубо сваренная клетка из стальных прутьев. В ней сидел, опустив голову на грудь, Буйный — мужик лет тридцати, в лохмотьях, с длинными грязными спутанными волосами.

Я уставился на него. Сначала мне показалось, что он мертвый, потом я заметил, как грудь у него медленно-медленно поднимается и опускается.

Я растерянно оглянулся на стариков. Не ожидал, что они держат в лаборатории живого Буйного!

Дед подмигнул и прижал палец к губам. Мол, тихо.

В помещении воняло какой-то блевотной химией и еще более блевотной бомжатиной.

Мы тихонько подошли к Буйному, и я с отвращением увидел, что на темени у него зияет глубокая рана, покрытая гнойной коростой. Та часть лица, которая была видна, побурела, ссохлась и выглядела твердой, как древесная кора. Все-таки между Буйными и Ушедшими что-то было общее.

Темные от грязи и странной трансформации руки были связаны толстой капроновой веревкой за спиной. Веревка врезалась в кожу, и раны гноились. Желтые ноги отросли, как когти. Из ушей вываливались куски серы.

— Этого мы с Алексеем Николаичем захватили, когда заморозки были, — шепотом пояснила Ирина Леоновна. — Они вялые на холоде. Ну и всадили в него усыпляющий заряд из пневматики — есть у нас такие на станции. Биопсию взяли, а он хоть бы чихнул после того, как ему череп просверлили! Нелюдь, одним словом.

— Надо бы его раздеть, — сказал дед. — Посмотреть, как изменилась физиология и анатомия. Только сейчас мы уже не рискуем клетку-то открывать или что-то с ним делать. Тепло стало, поживей Придурок-то стал...

Он ударил стволом винтовки, с которой не расставался, по арматуре. Я вздрогнул от громкого звука.

Буйный рывком поднял башку — рожа у него уже не походила на человеческую. Под слоем грязи было видно, что кожа растрескалась глубокими трещинами, из которых сочилась темная слизь, а черты лица “оплыли”, как на восковой фигуре. Один глаз мутно смотрел на нас с того места, где у обычного человека щека. Нос искривился, рот тоже — стал чуть ли не вертикальным. Эта чудовищная маска шевелилась, и от этого мне стало еще противнее.

— Видишь третье веко? — спокойно спросил меня дед. — Глаз будто мутной пленкой закрыт? У нас, нормальных людей, тоже такое веко есть. В виде полулунной складки у носа. Рудимент. А у Придурков этот рудимент разросся...

Буйный внезапно подскочил, так что клетка содрогнулась, а дед отступил. Кривой рот раскрылся, обнажив гнилые зубы, и раздалось пронзительное улюлюканье, перешедшее в протяжный вой.

Мы с бабкой сморщились, а дед хладнокровно снял с плеча винтовку и ткнул дулом Буйного в спину. Раздался стук, словно молотком ударили по стволу дерева. Буйный перестал выть и захрипел, крутясь в клетке и клацая зубами.

Мы вышли в коридор и прикрыли дверь. Буйный снова начал подвывать, но гораздо тише. Дед вздохнул:

— Будто зовет своих, окаянный. Что-то подсказывает мне, что он мучается... где-то там глубоко внутри этой уродской шкуры. Раньше ведь нормальным человеком был... Застрелить бы его, а, Ирина Леоновна, чтоб не мучался?

— А вдруг еще материал потребуется? — хладнокровно спросила та. — Ничего, пусть немного помучается, не убудет. Не человек это уже давно. К тому же неизвестно, помрет ли он вообще от твоего выстрела. Пусть для науки польза будет от него.

Она посмотрела на меня прямо и испытующе.

— Помнишь, Тим, что я про веру ученых говорила? Не будь этой веры, не было бы никаких экспериментов в истории человечества, ни электричества, ни медицины, ничего. Из пещер бы не выбрались. Вот мы старые, — глядишь, помирать скоро. Не жалко. Жалко только, что результаты наших исследований пропадут. Ты ведь знаешь теперь, чем мы занимаемся? Вернись через годик, если сможешь, да заberi записи...

Она засуетилась, прошла в другое помещение, узкое, тоже в кафеле, со стальным бочонком в углу и надписью краской на стене над ним: “Автоклав”. Кто-то, еще в прежнем мире, надо полагать, пририсовал другим цветом букву “а” в конце и увеличил “К”, и получилась “АвтоКлава”.

— Вот здесь, — сказала бабка, взяв с подоконника толстый горизонтальный журнал. — Здесь все запишу и на этом подоконнике оставлю, запомнил? Я там уже много чего полезного записала, просто надо еще продолжить эксперименты... Возьмешь это, если нас не застанешь.

Она настойчиво заглядывала мне в глаза, ожидая ответ. Дед стоял поодаль, потупившись.

— Возьму, — пообещал я. Через год — это долго. Много может случиться. Но я

постараюсь. Из кожи вон вылезу, но вернусь на эту противочумную станцию.

Кончики губ у Ирина Леоновны задрожали, но она улыбнулась мне, маленькая и старенькая женщина-ученый.

Тут я случайно выглянул в окно — внизу, во дворе, боком к нам застыла Влада. Глаза закрыты, лицо запрокинуто вверх, под мелкие капли дождя, руки чуть разведены в стороны ладонями вперед. Рот приоткрыт.

Котейки не видать.

— Что это с ней? — удивилась Ирина Леоновна, проследив за моим взглядом.

Меня пронзило острое ощущение надвигающейся беды. Проклятый Буйный продолжал выть, действуя на нервы, причем завывание начинало походить на песнопение... Я развернулся и побежал по коридору к лестнице; вихрем слетел по ней на первый этаж и выскочил на улицу.

— Влада?

Поблизости орали вороны, но их карканье едва зацепило краешек моего сознания.

Я встал перед Зрячей. Она была бледная, как смерть. И беззвучно выдыхала воздух через рот: “Хххххаа... хххаа”.

Я пошлепал ее по щеке, и она открыла глаза — зрачки расширились на всю радужку. В них отразились мелькающие в небе черные силуэты ворон — десятки, сотни ворон. Влада с трудом перевела на меня взгляд, затем медленно, как во сне, подняла руку и подергала меня за рукав.

Опасность.

Но я и без того это уже знал.

Я собрался было вернуться к старикам, сообщить им, но Алексей Николаич, задыхаясь, с винтовкой наперевес уже выбежал из здания. Ирина Леоновна с больной ногой отстала.

— Орда! — крикнул я. — Орда Буйных... то есть Придурков! Уже близко...

— Это как так получилось? — захлопал глазами дед. — Наш Придурок их вызвал, что ли? Так он и раньше орал — никто не приходил... Или потеплело, поэтому...

— Да какая разница! — перебил я. — Они же мутируют! Валить надо! Ваши стены не удержат Орду! Они друг по дружке лезть будут!

— Как мураши, — кивнул дед. — Понятно. Это тебе твоя подружка сообщила? Значит, чутье у нее телепатическое есть?

Я проигнорировал вопрос:

— Где здесь самое высокое место, и чтобы во все стороны сразу можно посмотреть? И есть ли еще въезд на территорию?

— Самое высокое?... Э-э... Так вон, труба на кочегарке... И ворота задние есть... Только осторожнее, — сказал он мне вслед, когда я побежал к трубе, — ступени там на соплях, да мокрые...

Я не слушал. Добежал до кочегарки — продолговатого кирпичного строения, грязного и закопченного. Вокруг валялись груды мелкого угля. Я залез по железной лестнице сначала на плоскую крышу, оттуда принялся карабкаться по холодным и мокрым скобам прямо по трубе.

Несколько раз останавливался и озирался. Передо мной открылись крыши за высоким забором станции, улочки, голые деревья. Я поднялся чуть выше трехэтажного здания лаборатории и решил, что хватит. Было страшновато, земля находилась очень далеко, и все

гаражи и пристройки казались игрушечными. Труба заметно покачивалась — хотя, вероятно, мне это чудилось со страху. Скобы прогибались под моей тяжестью. Сыпал мелкий дождь, а сверху простиралась сплошная серая хмарь.

У лаборатории торчали три фигурки: Влада, дед и бабка. Они смотрели на меня.

Над домами вдали, со стороны главных ворот, носились тучи воронья. Они и сюда долетали, но пока здесь их было маловато. Крылья у них не намокают от дождя, что ли? Я еще не видел Орду, но уже слышал далекое нестройное завывание их чудовищной песни.

А потом я увидел, как улицы вдали почернели от легионов Буйных... Их силуэты появились между брошенными машинами, между деревьев и домов, заполняя все пространство, расползаясь, как черная грязь...

Убедившись, что Орда подступает только с одной стороны, я принялся слезать — перебирал трясущимися руками и ногами хлипкие скобы и надеялся, что не свалюсь с высоты...

Все обошлось. Я прибежал к старикам и безучастной Владе. Ее волосы намокли под дождем, а лицо по-прежнему оставалось бледным, как у покойницы.

— Оттуда идут, — задыхаясь после физических упражнений, сказал я. — Орда!.. С той стороны — никого, валить надо!

Старики переглянулись.

— А почему думаешь, что сюда идут, эти Придурки? — поинтересовался дед. — Глядишь, мимо пройдут...

— Я... я уверен. Влада... она Зрячая, понимаете? Телепат, она чувствует опасность! Этот ваш Буйный как-то вызвал Орду, и они идут сюда.

— Сроду они за своих не заступались, — возразила Ирина Леоновна. Она одной рукой прижимала к груди тот самый горизонтальный журнал. Другой держала трость.

Я перебил:

— Они меняются — вы же сами сказали! Бежим к нашей машине — она быстрая! Откройте задние ворота — еще успеем!

Старики снова переглянулись, и я не понял, чего эти два старпера медлят. Песня-вой уже наполняла все сумрачное пространство над противочумной станцией. Она нарастала, как шум океана, как рокот надвигающейся непогоды.

Ирина Леоновна кашлянула. Решительно всучила мне журнал.

— Что ж... Придется кому-то другому наши эксперименты продолжить. Мы не побежим. Да, Алексей Николаич?

Тот кивнул.

Я растерялся.

— Но какой смысл? Мы же без проблем от них убежим!

— Свое мы отбегали, — мягко сказала Ирина Леоновна. — Это вы еще молодые, есть к чему стремиться. У нас, Тим, двое детей было, дочь и сын. И у них детишки были, пятеро всего. Все в любви рождены. И им было к чему стремиться и ради чего жить. Но Придурки им выбора не дали... После того мы с Алексеем Николаичем сами не знаем, зачем живем. По привычке. Я, дура старая, вбила себе в голову, что вирус во всем виноват. А может, и не вирус, а инопланетяне. Или сам дьявол наш род людской проклял... Может, прав мой муженек, упрямый и вредный пень.

— Но-но, раскудахталась, — огрызнулся Алексей Николаич. — Сделаем, Ирина Леоновна, как планировали на такой случай. Мечь — оно грешно, но приятно. А вы,

ребятки, бегите к машине, выезжайте вон туда, за кочегарку. Я пока ворота отопру.

Я не совсем понял, о чем говорят эти чокнутые старики, которые постоянно бранятся, но при этом говорят о любви. Но не стал уточнять. Схватил Владу за руку и потащил ее к нашей машине. По пути забежал в общагу и схватил Котейку — своих не бросаем.

Я завел двигатель и по узкой дороге между зданиями проехал к задним воротам, уже распахнутым. Там нас ждали оба старика, основательно промокшие под дождем.

— Садитесь! — крикнул я, опустив стекло. — Зачем просто так погибать? Найдем вам другую лабораторию! Их же полно! Не понимаю вас!

Дед похлопал меня по локтю, который я высунул из окна.

— Не переживай, дружок. Повезет — и не поймешь никогда, что значит потерять все, ради чего жил. У тебя вот Влада есть, да кошка. Сокровище целое! А бегать мы устали, уж прости. Нам же с Ириной Леоновной по восемьдесят три года, ха-ха! Пожили! — Он хитро ухмыльнулся. — У меня на всей территории взрывчатка запрятана, и тротил, и “И-Эм-Икс сто один”. Заготовил в свое время. Знал, что однажды пригодится. Красиво помрем, с фейерверком! И Орду с собой прихватим.

Я смотрел на них и не знал, что сказать. Понимал, что не уговорю. Они уже все решили давно, просто ждали какого-то сигнала. И вот сигнал прозвучал — в виде страшного нарастающего воя гигантской толпы и оглушительного карканья ворон.

— Я передам журнал, — пообещал я. — Кому-нибудь, кто понимает науку... Прощайте!

— Прощайте и вы, — с улыбкой сказали старики. Они были совершенно спокойны. И я понял, что дед, скорее всего, даже распахнет главные ворота, чтобы Буйные не утруждали себя лазаньем через трехметровый забор и колючую проволоку. Супруги будут сидеть в том месте, где у них заготовлена взрывчатка, и ждать, пока Орда не заполнит всю территорию станции.

А когда Буйные набьются сюда под завязку...

Я поехал по лужам через ворота прочь от противочумной станции, думая о том, какое это страшное слово: “прощайте”. Безнадежное.

Влада тяжело, с хрипом, дышала, обнимая Котейку. Ей было плохо от близости Орды, от ее злой нечеловеческой песни. От запаха безумия и смерти.

Проехав по грунтовой дороге, я вырулил на трассу и ускорился. Дождь заливал лобовое стекло, и дворники махали туда-сюда без остановки. На маленьких улочках недалеко от белого забора противочумной станции я видел фигуры Буйных, передвигающихся дерганной куриной походкой.

Когда я проезжал недостроенный мост, двигаясь в обратном направлении, позади грохнул взрыв такой силы, что вздрогнула вся машина, ее будто подкинуло на вздыбившемся асфальте. У меня заложило уши, Влада зажмурилась, а Котейка спряталась под ее ногами.

В мокром боковом зеркале я увидел, как над домами и деревьями поднялся дымный гриб и в разные стороны полетели черные ошметки. С неба кульками сыпались контуженные вороны.

Затем снова рвануло... И снова.

Всего было пять мощных взрыва.

Пятый донесся издали — мы уже выезжали на объездную трассу, которую я прощляпил при въезде в город.

А потом все затихло.

Глава 7. Конспиролог

“А ты что стоишь, Палач? Куда пойдешь ныне — с нами или своей дорогой? Задачу свою теперешнюю ты выполнил”.

Женщина лет тридцати, некрасивая, в мешковатой одежде, с собранными в пучок на затылке волосами, чуть улыбается мне, но глаза смотрят с недобрым прищуром, как у хищника при виде жертвы.

Позади нее беззвучно горит костер, трепещет огненными языками, кровавый свет будто обнимает сзади эту зловещую женщину, и вокруг нее пылает жуткий ореол.

“Я не знаю... — бормочу я. — Мне на юг надо”.

Мать качает головой, взгляд смягчается.

“Ну что ж, иди, раз надо. Глядишь, встретимся еще...”

“Где встретимся? Когда?”

“Когда время придет”.

Меня не устраивает такой ответ. Накатывает упрямство, и оно пересиливает страх.

“Почему вы называете меня Палачом? Какие еще у меня будут задачи? Кто эти задачи поставил?”

Мать отворачивается и как бы отодвигается в туманную даль, хотя не делает ни единого шага. Сейчас исчезнет, понимаю я, но Мать неожиданно отвечает:

“Палач — потому как суждено тебе казнить живых существ. Задач будет немало, но самая главная ждет в конце пути. И не завидую я тебе, Палач, когда наступит этот день. Будет он полон слез и крови. А тех, кто возложил на тебя эту ношу, еще встретишь”.

Осмелев от такой откровенности — хотя, по сути, яснее не стало, — я задаю еще один вопрос:

“Это вы — одна их тех, кто всё это придумал? И с Тремя Волнами, и со мной?”

Из плотного тумана, в котором гаснет костер и растворяется фигура Матери, доносится серебристый смех.

“Нет, конечно...”

...Я проснулся и, не разлепив еще толком глаза, схватился за лежащий рядом автомат.

Было прохладно, за тонкими стенками палатки щебетали птицы. Утренний свет просачивался в наше с Владой и Котейкой временное жилище, и можно было разглядеть спальные мешки на карематах. Ночью я вылез из мешка и сейчас лежал поверх него. Из-за чего немного подмерз. Влада лежала в мешке спиной ко мне, свернувшись клубком, а кошка сидела у нее в ногах и смотрела на меня.

Вроде тихо, никто не нападает.

Я отложил винтовку и склонился над Владой. Вздрогнул — у нее были открыты глаза. Она не спала, а смотрела в одну точку перед собой. Дышала тяжело, лицо бледное до синевы...

После прихода на противочумную станцию Орды с ее пробирающими до печенок песнопениями Влада заболела, потеряла аппетит и почти полностью отключилась от окружающего мира. Даже кошку не гладила и вообще не обращала на нее внимания. Я понятия не имел, что у нее за болезнь такая. И помочь, естественно, ничем не мог.

— Влада, — позвал я без особой надежды на успех.

У нее дрогнули ресницы — и всё.

— Вставай, я тебе помогу умыться...

После секундной заминки она села в мешке, потом медленно и неуверенно, словно ее плохо держали ноги, поднялась и вышла из палатки вслед за мной. Я смотрел на нее с тоской — если в ближайшее время она не поправится, то мне придется путешествовать дальше наедине с Котейкой...

Поливая ей руки из баклажки, я думал о том, насколько привязался к этой немой Зрячей за дни нашего странствия. Ярко представилось, что я рою для нее могилу в лесочке на обочине, а заочневшее тело лежит в спальном мешке рядом прямо на черном сыром дерне, и меня передернуло от омерзительного липкого страха.

Мы расположились на стоянку в небольшой и негустой чаще в нескольких десятках метров от дороги — чтобы нас не спалили другие Бродяги, появившись они в этих краях. Деревья уже начали зеленеть, и палатку камуфляжного цвета с трассы разглядеть трудно. А внедорожник я поставил в низине, рядом с ручьем. Был риск, что тачка завязнет в грязи, которой везде было по самую шею после сильных дождей, но по мне лучше потом возиться с лебедкой, чем быть зарезанным или расстрелянным во сне.

После утреннего туалета — причем мне понадобилось указывать Владе совершать каждое действие, как роботу, — я разжег костер и вскипятил воду. Пользовался огнивом, взятом из охотничьего магазина. Наловчился орудовать им так, что костер запылал через пару мгновений. Спички имеют обыкновение не вовремя отсыревать, а зажигалки часто выходят из строя. И спички, и зажигалки у меня тоже были, но я решил попрактиковаться с безотказной классикой. В котелке, уже изрядно закопченном, заварил кашу “Геркулес”, вынул из багажника печенье и сушеные кусочки мяса. Эх, сейчас бы яичницу! Вспомнились куры Хозяина, которых я самолично отпустил на волю, и вздохнул.

Не везти же кур с собой! Вот была бы потеха — всю машину загадили бы мне! Но и яйца несли бы... М-да.

— Ешь, Влада, — сказал я, подавая ей чашку с едой и ложку.

Она начала есть, но вскоре остановилась. Зависла. Я снова велел:

— Кушай еще, Влада!

Она опять поклевала и замерла, глядя в пространство.

Так прошел завтрак.

Вот у Котейки аппетит остался отменным — слопала свою порцию кошачьего корма и уселась возле моих ног попрошайничать.

Я помыл посуду в ручье и закидал костер комьями земли.

Денек обещал быть солнечным, но ветреным. По небу летели ячеистые облака, деревья шумели все сильнее, прохладный ветер овеивал и охлаждал лицо и мокрые после помывочных работ руки. Пахло пробуждающейся после зимней спячки землей, древесиной, зеленью — словом, пахло весной. И это было хорошо...

Сворачивая палатку и собирая пожитки в багажник, я размышлял над сном. Многие мелочи из этого сна уже забылись, как это обычно бывает, но кое-что из слов Матери запомнилось. Что я — Палач, потому что мне суждено убивать; тоже мне новость! Во сне эта сентенция казалась внушительной и исполненной скрытой мудрости. Что ей, Матери, меня жаль... Что не она замутила апокалипсис.

Ничего внятного.

Обычный сон.

Просто мне вспомнилась эта странная женщина. С чего бы вдруг?

Когда я всё собрал, мы уселись в машину. Я завел мотор и, слегка буксанув, выехал из низины сначала на свободное пространство между деревьев, затем, раскидывая из-под колес ошметки земли, на асфальтовое полотно.

Итак, встречай нас, мир! Что предлагает нам день грядущий?

Ответ на этот риторический, в принципе, вопрос пришел через полчаса, когда я проезжал через рельсы мимо будки железнодорожника, поднятого шлагбаума и выключенного семафора. Внезапно захлестнуло щемящее чувство, которое трудно описать обычными словами, и не успел я сообразить, что к чему, как сразу за будкой, на обочине, увидел серый микроавтобус Форд и красный пикап Тойота Хилукс, чей кузов был под завязку загружен какими-то коробками, свертками и сумками. Возле машин ходили люди. Точнее, дети и подростки.

Я обомлел. Эти машины мне уже встречались... В летнем лагере. Пикап принадлежал Пастырю Степану, ныне покойному, а микроавтобус — Матери, вполне себе, судя по всему, живой и здоровой. Я чувствовал ее присутствие, она была здесь.

Чертов сон!

Мне ужасно не хотелось встречаться с этой теткой. Она внушала ужас, хотя и не сделала ничего дурного.

Она вышла на дорогу — Мать. Невысокая, широкобедрая, с небольшой грудью, в тонком свитере и заношенных джинсах. Она прикрывала ладонью глаза от лучей поднимающегося солнца, а ветер трепал ее распущенные светлые волосы до плеч. Позади нее мелькали фигуры детишек.

И когда эта компания успела меня опередить? Когда я лазил с Борей на станцию? Или был в плену у Хозяина? Но как они преодолели заслон из фур? Наверное, ехали другой дорогой, которую я прозевал в свое время.

Или телепортировались нафиг. Сейчас во все можно поверить.

Мать не преграждала дорогу и не махала рукой, чтобы я остановился. Просто наблюдала — не сомневаюсь, она меня узнала, хотя я сменил тачку.

Наверное, именно поэтому я и притормозил. Сделай она хоть одно движение, которое можно расценить как попытку меня остановить, я бы утопил газ в пол и унесся в клубах пыли. И гнал бы, пока не кончился бензин. А тут... Как-то неприлично ехать мимо, не поздоровавшись со старыми знакомыми.

Возможно, я остановился еще и потому, что Мать как-то повлияла на меня своей ведьмовской силой. Или потому, что мой взгляд случайно упал на сидящую рядом бледную Владу, отрешенную от всего. Она осела на сидении, так что снаружи и не заметишь. Если ей станет совсем плохо, а меня прибьет очередной Хозяин, Орда или Оборотень...

Я нерешительно вылез из салона.

— А Земля-то круглая, — сказала Мать со смешком. — Ну, привет-привет!

— Привет, — отозвался я.

Странно, но я даже винтовку не прихватил с собой, когда выбирался из машины. Наверное, подспудно понимал, что винтовка в случае чего не поможет. Хотя у меня всегда один нож болтался в ножнах на поясе, другой прятался под штаниной, а под мышкой в кобуре грелся пистолет. У Матери же никакого оружия не было видно. Это-то и напрягало больше всего — похоже, ей не нужно оружие, а чужое оружие ей не страшно.

Я остановился в трех шагах от Матери, и она легким шагом подошла ближе. Глянула на

меня снизу вверх, глаза — чистейшая прозрачная лазурь. Наморщила лоб.

— Шрамы на лице... Помотало тебя... А ведь и месяца не прошло! Или прошло? Небос и на теле есть шрамы, а?

Она тыкнула меня пальцем в грудь и рассмеялась. Я смущенно отступил.

К нам подошли две девочки и один пацан — от десяти до тринадцати лет. Я их узнал, а они — меня. Хулиганистого вида Захар, стеснительная Альфия и щекастая Татьяна. В руках Таня держала устрашающего вида блочный лук, за спиной из колчана торчали стрелы — не из спортивного магазина, а самодельные, наверняка с заточенными до бритвенной остроты стальными наконечниками.

— Привет, Тим! — сказал Захар, улыбаясь во весь рот.

Я кивнул:

— Привет, Захар. Альфия и Таня... Как поживаете?

— Нормально, — протянула Таня с таким видом, будто с семьей выехала отдыхать на природу и это времяпровождение ей жутко наскучило. — Ездим вот. А у нас новенькие есть.

Я видел новеньких ребятишек обоего пола — всего человек шесть или семь. Шкеты не старше четырнадцати.

— А где Толик?

Толика при последней нашей встрече сильно ранили. Я не удивился бы, если б мне сказали, что его уже нет в живых. Но Захар, не переставая щербато улыбаться, сообщил:

— За тот домик пошел поссать!

Таня цыкнула языком и воззрилась на пацана.

— Захар, ну неприлично так говорить, — урезонила его Матерь. Без особого нажима, просто как бы для галочки. Не дожидаясь реакции, она перевела взгляд на меня. — Пообедаешь с нами?

— Не рановато для обеда? — спросил я, по привычке глянув на солнце.

— Рановато, — согласилась Матерь. — А ты торопишься? Таня на охоту пойдет, может, и дикого мяса отведаем.

— Тебе не жалко зверушек убивать? — спросил я Таню.

— А тебе людей — не жалко? — насмешливо ответила вопросом на вопрос Таня.

— Я же не специально... — смеялся я. — Меня вынуждают... Я ж не для того убиваю, чтобы кайф получить!

— Я тоже, — спокойно сказала Таня. — Никакого кайфа. Для пропитания. Я это хорошо умею — охотиться. У каждого в мире есть свое дело. Мое — ловить зверя, чтобы накормить людей. Зверя — стать нашей едой, если убежать не успеет.

Я уставился на нее, потом — на Матерь. Прошептал:

— А вы их хорошо научили.

— Стараемся, — отозвалась та беспечно. — В таком мире только так и выживем.

— Кто вы такая, Матерь?

— Меня Кира зовут, — ответила женщина. — Расчетный бухгалтер. Когда приключился конец света, обрела разные способности, стала Матерью. Наперед кое-что знаю. Людей чувствую. Отчего такие возможности — бог весть. Но уверена — поступаю правильно.

Меня удивила такая откровенность. Ждал, что будет юлить.

— И какая у вас цель?

— Конечная? — Она пожала узкими плечами. — Возрождение человечества, надо полагать. Только не в прежнем виде, а другом. Подробностей не вижу. Меня как бы ведут,

каждый день чуть больше показывают, а полной картинки нет. Вот, еду на юг, собираю детишек необычных. Скоро, глядишь, целый автокараван наберем, ха-ха!

— Я на пикапе еду! — похвастался Захар. — Сам за рулем!

— Кто вас ведет? — спросил я Матьерь Киру.

— Не знаю, Палач. А знала бы — трижды подумала б, говорить ли. Часто бывает, что когда много знаешь, дела не делаешь. Не стремишься никуда, понимаешь, что опасно и споткнуться есть где. Есть что потерять. А не знаешь — идешь себе да песенку напеваешь. И вся жизнь тебе сплошной сюрприз, потому что постоянно планировать — отказывать себе в удовольствии жить.

Повисла короткая пауза. Налетел порыв ветра, проволок по земле полусплющенные пластиковые баклажки из-под “Колы”. Из-за будки железнодорожника вышел Толик — ничуть не изменился, глаза смотрят на горизонт, сам не от мира сего. Хотя до Влады ему далеко... Он встал к нам спиной и застыл.

— Кто устроил Три Волны, тоже не знаете?

— Три Волны — это второй шанс человечества. Но пошел он не по плану. Лишнее доказательство, что долгосрочное планирование оборачивается всякой ерундой.

— А про Падшего слышали? Про Спиральный Курган?

Матьерь вдруг нахмурилась, а глаза потемнели.

— Я бы тебе посоветовала не верить ничему, что ты услышишь про Падшего, Палач. Падший — это ложь, покрытая клеветой и неправдой. И нет под ней никакой правды. Вот мой тебе совет, запомни его в следующий раз, когда про Падшего услышишь. Падший — как гнусный фейк, за который в прежнем мире головы с плеч летели. Понял меня?

Я отступил, по привычке потянувшись к пистолету, но Матьерь, потеряв к разговору интерес, отвернулась, прислушалась к чему-то.

— Кто это у тебя в машине? Зрячая?

Не дожидаясь ответа, Матьерь устремилась к моему внедорожнику, но не подошла к дверям, а остановилась у задней части, положила ладонь на багажник. Лицо Матери расплылось в той трепетной улыбке, которая появляется у женщин при виде маленького ребеночка.

— Ну же, девонька моя, выйди, покажись!

Дверь открылась, и Влада, пошатываясь, выбралась из машины. Матьерь протянула к ней руки, не делая ни одного шага навстречу, и Влада пошла к ней. Матьерь обняла Зрячую и долго так стояла, поглаживая ее по спине. Котейка крутилась у их ног.

Наконец Матьерь выпустила Владу и повернулась ко мне.

— Болеет она у тебя. Как такое случилось?

— Мы уходили от Орды Буйных... — с запинкой принялся я объяснять. Трудно что-либо рассказывать человеку, который вроде как всё заранее знает. — Они поют какую-то песню, и от нее, кажется, Владе стало плохо.

— Когда такие мерзкие тварюги запоют, кому хочешь станет плохо, — согласилась Матьерь и погладила Владу по кудрявой голове. — Полечить бы твою Владу. Доверишь? Только дело это не скорое, несколько дней надо будет потратить, а может, и дольше.

— Дольше — это сколько? — насторожился я.

— Неделю, две, — равнодушно сказала Кира. — Кто ж его знает? Как дело пойдет. И стоять на одном месте при этом надо, чтобы питаться силой от земли. Ехать никуда не получится. А ты-таки торопишься? Планы у тебя?

Она хмыкнула. Планы ее веселили.

Я не ответил, но Мать и так все поняла.

— Вот что, Палач, — сказала она. — Езжай своей дорогой, а Владу мне доверь. И кошку можешь оставить, не обидим. Ты же мне доверяешь, нет? Так вот, встретимся у моря.

Я опешил:

— Какого моря?

Мать задумалась.

— Наверное, Черного. Какое там еще море есть? Каспийское? Нет, Черное. Ты езжай, а дорога сама тебя выведет куда надо. Главное, планов не строй, не смей природу... Дети, проведите Владу с кошкой в автобус, я Зрячую посмотрю попозже. А ты, Таня, чего стоишь, уши греешь? Тебе на охоту не пора?

Я растерялся. Всё как-то быстро повернулось. Мать уже за меня решила, хочу ли я ехать дальше, оставив Владу на ее попечение. А я почему-то не хотел оставаться здесь и жить среди этих странных детей мисс Перегрин. Я хотел ехать в обществе Влады и Котейки, но в моих мечтах Влада была здорова...

— Подождите!

Мать уже уходила, но обернулась.

— Чего ждать-то? То ты торопишься, то медлишь, Тим. Ты разве не понял, что не враг я тебе? Если все же не желаешь оставлять Владу, я держать и уговаривать не буду. Только сам видишь — слабая она, и с каждой минутой хуже ей становится. Хочешь остаться — останься. Хочешь ехать — езжай. У моря и встретимся.

— Обещаете? — хрипло спросил я. — Обещаете, что мы встретимся у моря?

Мать рассмеялась. Смех у нее был звонкий и приятный.

— Обещаю-обещаю! Ну что, пообедаешь с нами? Или переночуешь, может быть? Нет? Ну тогда пока, до встречи, у меня дел много. Видишь, ребятни сколько? Кроме Охотницы, Балагура, Певуны и Зрячего еще и Лозоходцы, Заклинатели и Сеятели прибавились. Не забудь только вещи Влады оставить — у нее ведь есть свои вещи?

На полном автомате я открыл багажник и достал дорожную сумку Влады, которую та взяла в доме отчима. Коробка с кубиками и шашки лежали в углу багажника отдельно — не поместились в сумку. Я вытащил и коробку, и шашки, осторожно положил их на сумку. Подбежали ребятки, ловко утащили все эти небогатые пожитки.

В башке у меня царил хаос, я никак не мог собраться с мыслями. Как-то неожиданно мы расстались с Владой. Я понимал, что у Матери ей будет лучше... наверное, лучше. Влада болеет, а я не могу ей помочь. Мать может. Эта женщина не гонит меня, и я мог бы жить здесь эти недели, но... что-то толкало меня вперед. Планы, о которых я ничего не знал.

Не надо драматизировать, одернул я себя. У моря встретимся, Мать так сказала. У меня нет причин ей не доверять.

— Я вас видел во сне, — выпалил я вслед Матери. — Вы сказали, что мы встретимся, и вот мы встретились...

Мать выслушала с неприкрытым интересом. Вслух вполне искренне поразились:

— Надо же!

— И еще вы сказали, что мне предстоит выполнить много задач. А последняя будет какая-то плохая... С кровью и слезами. Мне верить этим словам?

Мать подумала секунду. Посерьезнев, сказала:

— Сны — личное дело каждого. Вопрос в том, веришь ли ты сам себе.

Мать ушла вслед за ребятней и Владой в автобус. Даже не попрощалась, не дала какой-нибудь мудрый совет. Словно считала, что я сам лучше всех знаю, что мне нужно. Собственно, так оно и было — я один отвечал за свою жизнь, и никто больше.

Подумалось, что надо бы попрощаться с Владой, но она ушла, не оглянувшись. Она всегда была не в себе, а в последние дни слабый огонек ее разума и вовсе почти погас.

И Мать, и весь ее детский сад внезапно потеряли ко мне интерес, занялись каждый своим делом. Кто-то собирал ветки для костра, кто-то тащил воду в ведрах из ручья. Таня уже исчезла за пригорком со своим луком. Только Зрячий Толик продолжал безмятежно созерцать неровный горизонт.

Я помялся. Затем пожал плечами и сел за руль. На юг, к морю!

Отъехав километров на сорок пять, я остановился на обочине в редком лесочке. Вышел из машины и забегал туда-сюда.

Почему я не остался? Это было бы самым лучшим выходом из ситуации! Я был бы рядом с Владой и в безопасности — что-то подсказывало, что Матери не страшны какие-то зачуханные Бугимены и даже Орда. Пожил бы среди этих фриков-язычников, разузнал бы, что к чему. В коммуне жить опять-таки веселее, чем одному ехать на юг...

Но я не мог иначе, это было понятно с самого начала. Я стремился на юг, потому что так сказали мои родители. Мои папа и мама, которые остались там, в нашем родном городе. А я пообещал их спасти, хотя не имел представления о том, как это проверить. Видимо, в моей тупой голове юг и спасение родителей как-то переплелись, сцепились друг с другом; невесть отчего я внушил себе иррациональную идею, что как только доберусь до этого гипотетического юга, как только выполню поручение родителей, то сразу пойму, как их спасти.

Вот ведь глупость!

Я никогда — никогда! — не спасу родителей. Возможно, их поздно спасать, потому что они уже совсем перестали быть людьми. И забыли меня.

А на юге нет никакого решения моей проблемы.

Меня раздирали все эти мысли и чувства, и беспомощность, и — я почти забыл о нем — ощущение нарастающего одиночества. Я плохо понимал, что делаю. Бегал вокруг машины, разговаривал сам с собой, пинал колеса. Потом зашел в лес — в десяти метрах от машины открылась узкая дорога, поперек которой валялась молодая сосенка, поваленная, судя по всему, ветром.

Ветер и сейчас налетал порывами, шумел в усыпанных молодыми листочками ветвях. Солнце то исчезало за облаками, и мир становился пасмурным, то появлялось, и простор заливали яркие лучи.

Я и не подозревал, как привязался к бессловесной Владе и Котейке. Когда живые души рядом — и неважно, разговорчивые они или молчаливые, — жизнь наполняется смыслом. Понимаешь, что живешь не зря, чувствуешь свою нужность. А когда ты один, на тебя наваливаются страхи похуже всех Обратней и Буйных вместе взятых...

— Твою мать!.. Скотина! Блядство! — выкрикивал я, срывая злость теперь уже на поваленной сосенке. Пинал ее, отрывал мелкие ветви, бессвязно матерился и вообще — вел себя как полная шиза.

Мне надо было выплеснуть накопившиеся эмоции, иначе бы мозги потекли. Требовалось побесноваться, пока тебя никто не видит...

Хоть какой-то есть плюс в нашем новом мире — бóльшую часть времени ты один и можешь делать всё, что угодно...

— Извини, братиш, что прерываю...

Я подскочил на метр, схватился за рукоять пистолета в наплечной кобуре под ветровкой. Автомат я оставил в машине — надо же, совсем ум и осторожность потерял! Пистолет, как назло, застрял, и мне пришлось его дернуть несколько раз. Выхватив, наконец, оружие, я прицелился в стоящего в лесу за поваленным деревом человека — высокого, сутулого, в камуфляже. Долго он там торчит?

Увидев пистолет, он шустро спрятался за ствол растущего поблизости клена.

— Воу-воу, тихо, братиш! Убери пукалку, я ж тебе не враг!

— Чего тебе надо? — невежливо спросил я, не собираясь убирать “пукалку”.

Чел за деревом вроде бы был не вооружен и следил за мной какое-то время — хотел бы убить, убил бы. Но я разозлился и готов был его зашибить только за то, что не дал побеситься вволю. И здорово напугал.

— Да мне как бы ничего от тебя не надо, — ответил человек из-за дерева. — Гулял тут, природой любовался, слышу — кто-то ругается сам с собой, ветки ломает, как лось во время гона.

— Сам ты лось! — огрызнулся я. — Иди дальше природой любуйся. А я своей дорогой поехал.

— Окей, — не стал спорить любитель природы. И, когда я, не сводя глаз с клена, боком двинулся к машине, спросил: — Ты же не экстрасенс? Иначе почуял бы меня заранее... Ты же не из Этих?

Я выпрямился.

— Из кого?

— Из странных чудиков, которые появились после Трансформации Реальности. Они все специализированы, как коллективные насекомые. Один охотится, другой воду ищет, третий с животными разговаривает... Я проводил исследования.

— Нет у меня экстрасенсорных способностей, — сообщил я. Это была не совсем правда, но вдаваться в нюансы не хотелось. Я не считал себя одним из “Этих”.

— Прикол! У меня тоже! — обрадовался незнакомец. — Можно, я выйду? Ты ведь не пальнешь?

— Выходи, — разрешил я, не спеша убирать пистолет в кобуру. Однако целиться перестал.

Он вышел из-за дерева, обошел поваленную сосну, широко улыбаясь. На вид ему было лет хорошо за тридцать. Редкие курчавые волосы, выбритое лицо, чернявый. Крепко сложенный. Его взор поначалу показался каким-то напряженным, потом я понял, что просто один его глаз немного косит.

— Ян, — представился он. Но руку не протянул, а полез в карман. Я насторожился было, однако он медленно и аккуратно, двумя пальцами, вынул мятую пачку сигарет, а из нее — забитый косяк. Затем извлек из той же пачки зажигалку, щелкнул ею, затянулся.

— Тим, — буркнул я.

Он кивнул, надувая щеки и задерживая дыхание. Наконец выдохнул густое пахучее облако.

— Будешь? — сдавленным голосом поинтересовался он, протягивая мне дымящийся косяк.

— Нет.

— Правильно. Мне больше достанется.

— Какие исследования ты проводил? — спросил я. — Ты ученый?

Он кивнул и закашлялся.

— Ага, ученый. В говне толченый. Профессор кислых щей, бля! — Хихикнул и продолжил: — Я был айти-специалистом... раньше. Ну ты понял. Еще я — конспиролог. И свободный исследователь. Изучаю Трансформацию Реальности.

— Ты про конец света?

Тип снова затянулся, и я брезгливо отодвинулся.

Этот укурыш никакой не ученый, а я-то обрадовался, что нашелся тот, кому можно отдать журнал Ирины Леоновны!

— Именно. Причем в том, что стряслось с миром, угадываются кое-какие аналогии с нашими древними мифами и легендами. Взять хотя бы Трех Всадников, которые и разрушили цивилизацию.

— Каких еще всадников? — вяло спросил я.

Мне уже все было про этого фантазера понятно, и я собирался потихоньку свалить.

— Апокалипсиса! — вскричал Ян. — Трех коней Апокалипсиса! Не слыхал, что ли? Вообще-то их четыре: Чума, Голод, Война и Смерть. В Библии написано. Сначала прибыл Всадник на рыжем коне — Война. Зомбаки крушили все вокруг, помнишь ведь? Потом Чума на белом коне. Чума из Откровения Иоанна — это какая-то сверхъестественная болезнь, не обязательно обычная чума. Люди заболели и ушли, чтобы превратиться в деревья. Всадник Голод — это Трансформеры...

— Оборотни, — поправил я.

— Ну да, это все вопрос дефиниций, как и что называть. Их гложет голод, верно?

— А четвертый Всадник еще не прибыл, надо полагать?

— Бледный Всадник Смерть, — удовлетворенно произнес Ян. Догоревший окурок обжег ему пальцы, и бывший айтишник бросил его на землю. Тщательно растер подошвой ботинка. — Он еще не пришел. Но придет, никуда не денется. Процесс Трансформации еще не завершен.

— Хочешь сказать, что всего должно быть четыре Волны после Дня Икс?

Не знаю, почему я медлил, не уходил. Наверное, боялся остаться наедине с мыслями. А еще Ян очень уверенно и вдохновенно вещал, слушать было интересно.

— Именно, друг Тим! Мало того, эти, как ты их называешь, Волны, были запрограммированы давным-давно, о чем свидетельствует хотя бы Писание! Просто сработал некий триггер, и бабахнуло!

— Какой триггер?

— Да мало ли триггеров в нашем старом мире было? Информационный переизбыток всех с ума свел.

— А кто запрограммировал? Бог?

— Это опять вопрос дефиниций. Что ты называешь Богом? Если некую абсолютную реальность, основу мироздания, порождающую бесконечное множество вариативных темпоральных линий... то нет. Не Бог. Скорее, божки второго порядка. Я считаю, что абсолют настолько выше нашего человеческого понимания, что никакого разумного диалога между нами выйти не может. Поэтому я — сторонник многобожия. С абсолютном Брахманом диалог невозможен, что бы там себе монотеисты не воображали, надо договариваться с

богами помельче. Язычество, на мой взгляд, куда логичнее и рациональнее. Каждый из богов занимается своим делом — знаешь, к кому обращаться, какие жертвы приносить и какие молитвы читать... Хотя, по сути, хрен редьки не слаще.

Я повернулся и пошел к машине. Не было никакого желания тратить время на этого дурачка.

А укурыш, по ходу, и не заметил моего ухода — до того заболтался:

— Этих узкопрофильных богов еще считали родоначальниками человечества или праотцами...

Я застыл. Затем развернулся и подошел к Яну.

— Как ты сказал? Праотцами? Что знаешь о Праотцах? И откуда?

— М-м-м? — уставился на меня Ян одним глазом. Другой смотрел мимо. — Читал много. И думал. Слушай, пойдем чайку попьем, и я тебе все расскажу. У меня варенье есть. Че-то на сладкое потянуло...

Я удивился — где это у него чай с вареньем? Он что, лагерь здесь разбил? Но оказалось, что за поворотом лесной дороги спрятан автодом Adria Twin неприметного серого цвета.

Поваленная сосенка была защитой от неожиданных гостей со стороны трассы — Ян сам ее срубил и присыпал место сруба землей, чтоб не отсвечивало. Сейчас он ловко оттащил ее к обочине, и я подъехал вплотную к автодому. А Ян снова перегородил дорогу.

Я с восхищением оглядел автодом. Машина была почти новой и, кажется, пребывала в прекрасном состоянии. Я заглянул внутрь с молчаливого разрешения Яна — внутри был полный “фарш”. Нечто вроде крохотной кухоньки сразу за водительским креслом со столиком, газовой плиткой и полками, причем кресла водителя и пассажира поворачивались вокруг своей оси. Можно развернуться от руля прямо к кухонному столу. В задней части кузова — спальня, в которой прекрасно разместятся двое. А при желании и трое. Между “спальней” и “кухней” узкий проход мимо туалета и душа. Настоящая передвижная квартирка.

На стене напротив койки висел лист бумаги с пожелтевшей цитатой: “Когда машины выходят из строя, когда технология терпит крах, когда система привычных религий рушится, людям всё равно нужна какая-то опора. С. Кинг”.

Мы уселись за столик, оставив дверь открытой. Ян налил нам чая из закипевшего чайника на газовой плите, достал банку с клубничным вареньем. Положил передо мной ложку. Видно, он собирался почаевничать, когда услышал шум от “лося во время гона”. Как раз поставил чайник и вышел “любоваться природой”.

— Круто ты обустроился, — отметил я.

— Ага. Буквально на днях наткнулся на эту красоту. До этого на обычной легковушке ездил. Запарился спать буквой “зю” и умываться на обочине из баклажки.

Я поджал губы. Это мне до боли знакомо.

Сменил тему:

— Куда едешь?

Ян сунул в рот полную ложку варенья и отпил из кружки. Заулыбался и назидательно сообщил:

— Путешествует тот, кто имеет цель. А тот, кто имеет цель, закован в рамки движения к этой цели, он зависит от нее! Настоящий самурай не имеет цели — только путь. Я совершенно свободен, потому что у меня нет цели и я к ней не привязан. У меня есть выбор, куда ехать. Ветер подует направо, я еду направо. Ветер налево, я налево. Или прямо. Или

назад. Могу и вовсе вернуться туда, откуда начал путь. Мой выбор максимально широк и свободен. В отличие от большинства людей.

Я хмыкнул, размещивая варенье в кружке.

— То есть ты считаешь, что болтаться, как говно в проруби, — значит быть свободным?

— У говна нет сознания и воли, — ничуть не обиделся на мое сравнение Ян. — Поэтому это неверная аналогия. Вот если бы у говна появилась воля, оно было бы совершенно свободно в рамках проруби.

— И захотело бы выйти за ее пределы?

— Не факт. Стремиться за пределы каких-либо ограничений — это как раз таки несвобода. Зависимость от оков, желание их непременно сломать. Истинно свободный человек абсолютно непредсказуем, его поступки и модель поведения невозможно спрогнозировать. Поэтому такие люди во все времена были неудобны правительствам. Чем предсказуемее человек, тем бóльшим рабом он является. Свободный свободен даже в карцере, а раб остается рабом на перекрестке семи дорог. Предсказуемость и запрограммированность — это прям самые качественные критерии. Дом — работа, работа — дом, один раз в неделю к любовнице, ну, ты понял. Бóльшая часть людей — это просто алгоритмы, биологические роботы, которые даже в своих мечтах предсказуемы. Вилла на Бали, яхта, загорелая подруга или муж-олигарх, все такое. Однообразные мечты! Не мечты даже, а калька с того, что нам продали на рынке грез.

— Каком рынке?

— На самом главном. Очень небольшое количество людей рождается не рабами, а свободными существами. Они-то и правят миром. А остальным рабам продают Идеи. На самом главном рынке. Религию, идеологию, мечты в утопию... Все это иллюзия, конечно же. А рабы и рады жрать эту хрень и блевать от нее радугой.

Ян развалился на кресле и закинул одну ногу на другую. Вокруг него завертелась муха, конспиролог попытался поймать ее рукой, но ничего не вышло.

— “Не суди и не судим будешь”, — проговорил он, — “подставь вторую щеку” и прочие лозунги — все это рабская философия. Никто не дает гарантии, что тебя не будут судить, если ты останешься пайнкой. И что не выбьют тебе зубы к черту, если подставишь вторую щеку. Человек сам решает, как ему жить, без проданной ему на рынке по дешевке очередной нравственной и религиозной доктрины.

— Ты говорил про богов, — перебил я. — Про Праотцов. Что о них еще знаешь?

— Что они есть. И что все они специализированы, как какие-нибудь клерки. Один занимается скотоводством, как Велес — слышал о таком? Другой молниями и громами заведует, как Перун. То есть они тоже несвободны в каком-то смысле. Узкопрофильны. По аналогии с их структурой сейчас и оформляются эти общины с Матерями во главе. Возможно, боги и создали человечество как своего рода проект, чтобы поставить на нас опыты, а потом записать результаты в свой лабораторный журналчик.

Я вздрогнул при упоминании лабораторного журнала.

— Опыты как над белыми мышами?

— Чё? А, ну да. Как люди экспериментируют над животными, так и еще кто-то более разумный экспериментирует над нами. Почему нет?.. А если опыт пошел не туда, куда надо, срабатывает механизм перезапуска. Являются всадники и расчищают место для следующей фазы эксперимента. Весь этот конец света — явно заранее отрепетированный спектакль. Тоже своего рода алгоритм... Хочешь печеньки?

Не дожидаясь ответа, Ян привстал, открыл шкафчик над газовой плиткой, взял пластиковую банку с несколькими овсяными печеньками на дне. Попутно зацепил рукой какие-то предметы, и они вывалились на стол. Я поднял один из них — это была фоторамка. Не цифровая, а обычная. На фото улыбались лысый мужчина в очках, женщина с длинными темными волосами и двое ребятшек. Второй предмет оказался длинным USB шнуром. А третий — обычной вилкой. Она отскочила от столика и упала на землю за порогом.

— Ай, оставь, — сказал Ян, имея в виду, наверное, вилку и шнур. — Потом подниму.

Я постучал пальцем по фото.

— А это кто?

Ян выхватил у меня рамку и равнодушно вышвырнул из машины в лес. Затем поднял шнур и принялся размахивать им, отгоняя муху.

— Предыдущие владельцы этого дома на колесах.

Я кивнул. Сейчас все Бродяги пользуются чужими тачками... и не только тачками.

— Ты все это сам придумал? — спросил я. — Про узкопрофильных богов и эксперименты?

— Я обобщил все, что прочитал. А читал я очень много: Библию, Коран, Веды, Упанишады, Авесту, мифы и легенды почти всех народов мира, у которых есть письменность. Комментарии к этим текстам читал и много-много думал. Мне и целого дня не хватит, чтобы просто перечислить тебе все прочитанное. Конечно, в плане философии одни из самых крутых — индусы. У них тоже была специализация — особое сословие брахманов, которые только и делали, что философствовали. Им не надо было отвлекаться на другие дела, эти другие дела за них делали низшие сословия. А вот в Китае такого философского сословия не было, поэтому китайская мысль послабже индийской. Поэтому буддизм распространился из Индии в Китай, а вот даосизм или конфуцианство из Китая в Индию как-то особо не перешли... О чем это я? А, об индусах. Ты в курсе, что санскрит и русский очень похожи?

Я прихлебывал горячий чай, ел варенье и печеньки и никак не мог решить: кто такой этот Ян — просто укурыш-фантазер или действительно начитанный исследователь? Такой прокаченный, что я его понять не могу? Как бы то ни было, сидеть вот так, в комфорте, и вести беседу ни о чем и обо всем сразу было приятно. Уезжать я уже не спешил.

С этим типом было интересно. Он меня не напрягал, болтал и не особо контролировал, слушаю ли я его. Если ему все равно куда ехать, может, мы махнем на юг вместе? И я не буду больше одинок?

Ян, видимо, тоже соскучился по человеческому общению, болтал без умолку. Рассказал о словах из санскрита, которые звучат почти как русские аналоги. Объяснил, что и санскрит, и русский, и вообще большинство языков планеты имеет общий корень и по некоторым морфемам это видно. Например, сочетание звуков “мт” на куче языков означает мать или материю. А “пт” — папу, падре, пастыря...

В этот момент лекции я насторожился. Что-то интересное...

— Звук “м” на разных языках значит “я”, — вещал Ян. — Сравни: “ай эм” — по-английски, “аз есмь” по-старорусски. “Ом” в ведической культуре и вовсе является первым звуком во вселенной. И означает он: “Я есть, я существую”. Понимаешь? Это сказал творец, когда осознал себя.

— А что значит звуки “смра”? — спросил я.

— “Смра”? — озадачился Ян. — Может, просто “свр”? Гласные буквы не содержат

смысловой нагрузки. “Смр” — это смерть, морок, морока, мрак, Мара, кошмары, смрад. В индоевропейских языках такое сочетание звуков раньше всегда означало что-то стремное.

По спине у меня пробежал холодок. Перед мысленным взором предстала Даша с искаженным лицом, бредущая по кругу из кусков гнилого мяса и выкрикивающая низким гортанным голосом это слово.

— Смерть, — повторил я. — Четвертый Всадник... Четвертая Волна... Так вот кого она призывала!

— Кто призывал? Одна из Этих?

— Этих? Да. Наверное.

Ян не задавал больше вопросов, удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

— Я всегда подозревал, что в конспирологических теориях что-то есть. Не бывает дыма без огня! Основа основ конспирологии — идея о том, что от нас что-то скрывают или открыто обманывают. Власти всегда ввали народу, так уж повелось. То, что внушают нам власти всю человеческую историю, — философия рабства. То, о чем говорили конспирологи, — призыв к свободе и очищению от лжи. Но клятая пропаганда заклеила конспирологов, сделала из самого слова “конспирология” что-то нецензурное и неприличное. Властям всегда были неуютны слишком самостоятельные, непредсказуемые и свободомыслящие люди. Не удивлюсь, если сам Люцифер куда благороднее Бога. Не хотел он преклоняться перед Богом и не был узкопрофильным архангелом. Он — истинный Прометей! Его цель — сделать людей свободными, как он сам, но божественная пропаганда выставила его нечистью и врагом рода человечества. Кстати, в старых религиях, вроде зороастризма или авестизма, дьявол по силе равен богу. Они типа наравне. Ахура-Мазда и Ахриман. Причем зло — это хаос и полная свобода от правил, а добро — порядок и нудятина. Даже с каким-то нетерпением жду прихода Бледного Всадника, явно затевается что-то интересное...

— Порядок тоже нужен, — сказал я, думая о другом.

В словах этого конспиролога, по-моему, было много ерунды, но в то же время впервые за все время путешествия на юг у меня обрисовалась какая-никакая последовательная картина.

— И к чему он привел, этот порядок? — хмыкнул Ян. — Как ни крути, а все уже случилось, и надо думать, как жить дальше. Я вот вижу, как кооперируются эти первобытные общины с Матерями, как всех опять по порядку выстраивают, делают из людей детальки в механизме, и не по душе мне это, Тим! Ты заметил, что зомбаки, трансформеры и даже деревянные “буратинки” постепенно во что-то еще превращаются? А во что превращаются те, кто выжил? В насекомых типа муравьев или пчел? Одни пчелы мед приносят, другие личинок обслуживают, третьи матку оплодотворяют... Трутни. Ха, интересно, Матерей тоже кто-то оплодотворять должен?

Ян задумался на секунду. Похоже, прикидывал, насколько прикольно быть трутнем.

— Не, — потряс он головой. — Фигня. Это не тот мир, в котором хотел бы жить такой свободолюбивый человек, как я. Свобода от порядка, от навязанных ролей, даже от морали — вот это по мне!

— Эти... — начал я. — Люди с экстрасенсорным чутьем... Они могут быть полезны. Умеют лечить, например, или охотиться. Сейчас это актуально.

— Это пока что, — парировал Ян. — А во что они трансформируются завтра? Или послезавтра? В насекомых? Рептилий? Глядишь, захотят тобой перекусить или отложить в

тебя яичко!

Я вспомнил слова Алексея Николаича — только он говорил не о выживших, а о Буйных, которые тоже во что-то развиваются. Во что-то абсолютно нечеловеческое и уродливое. Потом я припомнил Владу, Матерь, ее детишек. Неужели они тоже превратятся в нелюдей? Или они уже нелюди?

— А ты уверен, Ян, что мы с тобой не стали Этими? Тебе не снятся странные сны, не бывает необычных ощущений? Опасность иногда заранее не чувствуешь?

Ян перестал размахивать шнуром и вытаращился на меня.

— У меня от травы и кой-чего еще дохрена чего бывает... Но я тебя понял. Никакой экстрасенсорики. А у тебя бывает, что ли? Ты же говорил, что ты не из Этых! И меня не срисовал в лесу.

— Я так думал. А сейчас засомневался, — признался я. — У меня иногда что-то такое проскальзывает. Думаю, по-настоящему “чистых” выживших не осталось.

— Не-не-не! — вскричал Ян. — Вот ни хрена подобного! Я — чистый! Каким был дс Первого Всадника, таким и остался после Третьего! Да и тебе, наверное, просто что-то примерещилось, а на самом деле ничего нет.

— Я виделся с Матерью. Она назвала меня Палачом.

Не знаю, зачем я это сказал. Ян показался мне таким человеком, с которым можно болтать о чем угодно. Безобидным болтуном с огромной фантазией и неглупыми мозгами, хоть и прокуренными.

Подумалось также, что если это мой новый товарищ, то надо быть с ним по возможности честным.

— Я тоже с Матерью общался, — признал он. — Только не знаю, с той же, что и ты, или другой. Темленькая такая, высокая, да?

— Нет, блондинка среднего роста...

— Значит, другая. Ну да и черт с ними. — Ян закурил новый косяк и начал подбрасывать зажигалку на ладони. — Как думаешь, Тим, может, мне с тобой поехать? Мне-то все равно куда. Будет с кем языки почесать? Упс...

Он уронил зажигалку, и та упала мне под ноги.

— Сорян, — сказал Ян.

Я наклонился за зажигалкой, не подозревая ничего дурного. И не насторожился особо, даже когда услышал, как Ян быстро встает. То ли он заболтал меня, то ли я надышался дымом марихуаны...

Он навалился на меня сверху, пока я шарил рукой по полу в поисках зажигалки, захлестнул шею USB шнуром. Сжал горло так, что у меня глаза на лоб полезли. Ян оказался неожиданно сильным и тяжелым, надавил на меня сверху, и я свалился с кресла, хватаясь за шнур на горле.

— Значит, ты все-таки из Этых! — пропыхтел он. Косяк выпал у него изо рта и тлел прямо на полу в десятке сантиметров от моего лица. — Тварь! Такая же, как эта семейка, которая автодомом владела! Они тоже о всяких ощущениях мне втирали, пока я их всех не завалил...

Я изо всех сил дернулся вверх, чтобы сбросить Яна, но тот ловко соскочил сам, поволок меня к двери этим шнуром. Я выпал из машины на землю, и Ян снова навалился сверху, заблокировал мне одну ногу своей ногой и продолжал душить.

— Я постараюсь очистить Землю от таких вот, как ты, вонючий ты Палач! — прошипел

Ян мне в ухо. — Найду чистых и создам свое общество. Без дебильных правил, где все свободны! Истинно свободному правила не нужны, чтобы жить в мире, смекаешь? Достаточно здравого смысла. Я буду Прометеем и брошу вызов богам...

У меня не получалось достать пистолет или нож — для этого надо было приподняться, но с Яном на спине у меня ничего не получалось.

Я уперся ладонью в землю, чувствуя, что теряю сознание от удушья, и вдруг ощутил что-то твердое и холодное. Схватил вилку, которая совсем недавно выпала из полки, и наугад ударил два раза назад — туда, где возле моего уха было лицо Яна.

Конспиролог заорал и отпрянул. Давление на спину прекратилось, шнур наконец-то ослаб. С хрипом вбирая в легкие воздух, я вскочил и выдернул из кобуры под ветровкой пистолет.

— Стой-стой! — крикнул Ян, который стоял на коленях и держался за окровавленную щеку и глаз.

Но я нажал на спусковой крючок, грянул выстрел. С такого расстояния промазать сложно. Пуля попала в лоб несостоявшемуся товарищу, и тот сразу повалился назад. Он перестал зажимать глаз, который, как оказалось, налился кровью и стал косить пуще прежнего. На щеке виднелось место удара вилкой: один удар — четыре дырки.

Несколько долгих минут я пытался восстановить дыхание.

Потом забрался в автодом и пинком вышвырнул все еще тлеющий косяк наружу. На полу осталось темное пятно.

Нечего портить мое имущество. Теперь уже мое.

Я отыскал в траве на обочине фоторамку и вернул на полку — туда, где она лежала. Показалось, что так будет правильно. Выкопал саперной лопаткой неглубокую могилку в лесу и похоронил конспиролога Яна.

Часа два я посвятил изучению новой машины и переносу пожиток. В ближайшее время не придется умываться из баклажки...

Джип хорош в плане проходимости по бездорожью, но я уже понял, что по большим дорогам вполне можно пробираться и на обычных автомобилях. Автодом дает очень много тех приятных мелочей, которых так не хватает в походной жизни.

А если я застряну в болоте... Ну что ж, война план покажет.

Ян прав, не следует слишком заикливаться на цели. И права Матерь, которая откровенно смеется над любым планированием. Будем путешествовать и напевать песенки...

Из вещей Яна я нашел только небольшую спортивную сумку со шмотками и солидный запас дури. Из оружия — пистолет-пулемет с двумя полными магазинами. Он лежал под койкой в спальном отсеке. Из него Ян, наверное, и перестрелял прежних владельцев автодома. Мда, с таким несерьезным отношением к безопасности Яну вряд ли удалось бы построить свое общество. Хотя, возможно, подобный пофигизм идеально “ложился” на его жизненную философию.

При этом он чуть меня не задушил. Судя по всему, этот тип занимался борьбой. Если бы не вилка...

Все шмотки Яна и дурь я выбросил. Оружие оставил — пригодится.

Закончив с переездом, я убрал с дороги сосну и выехал на трассу. Ниссан Терра остался стоять на обочине. Поначалу было неудобно управлять новой машиной, которая крупнее тех, к которым я привык, но я быстро свыкся. Наверное, мне еще не раз придется менять тачки.

В новом мире действительно не стоит привязываться ни к планам, ни к целям. Ни к вещам, ни к людям. Это мир одиночеств вроде меня, и те, кто не одинок, уже не совсем люди.

Вдоль трассы на деревьях висели растрепанные вороны гнезда. Сами вороны сидели на ветвях, иногда перелетая с места на место. Вдали на полях кучками виднелись рощи Ушедших.

Я ехал, и мне было как-то плохо и тяжело.

Потом я принялся напевать себе под нос песенку без слов. Слуха у меня почти нет, но это неважно. Я просто смотрел на расстилающуюся впереди бесконечную дорогу и шел.

И постепенно мне стало лучше.

Глава 8. Бугимен

Всю ночь гром перекачивал железные бочки по небу, и без остановки лил дождь. Ветвистые молнии, вспыхивая, озаряли бледную равнину на многие километры вокруг.

Я лежал на койке в автодоме Adria Twin и тоскливо думал, что надо было озаботиться каким-никаким громоотводом. Если сейчас одна такая молния врежет по машине, то я зажарюсь, как курица гриль. И это будет обидная смерть — после всего пережитого.

Уснул под утро, когда гроза малость угомонилась. Проснулся поздно — солнце светило с относительно чистого неба, над асфальтовым полотном поднимался пар. Было жарко и душно.

После очень позднего завтрака я надел резиновые сапоги, взял мешок из-под риса и пошел вдоль дороги. Так и есть — кое-где повылазили грибы.

“Тихая охота” увлекла, и я забрел довольно далеко от дороги. Местность здесь была степная, деревья росли в основном вдоль дорожного полотна, на остальном пространстве зеленела поднимающаяся трава. В километре от меня темнела роща деревьев — Ушедших под Музыку, — а за ней в солнечных лучах поблескивали брошенные машины. Видимо, там пролежала еще одна дорога.

Никакой опасности вроде бы не было. Ни единой живой души. Но на всякий случай автомат, пистолет и ножи были при мне. И бинокль на груди висел — чтобы обозревать окрестности.

Я наполнил мешок наполовину, прежде чем сообразил, что этого мне хватит по самое “не хочу”. Часть съем, а с остальным что делать? Солить или сушить грибы я не умею, научить некому, интернета нет. Пропадет добро. Поэтому я разогнул спину в последний раз и повернул назад.

В эту секунду вдали зашумел автомобиль, приближающийся по другой дороге. Пока его не было видно из-за деревьев.

Я шустро нырнул за небольшой пригорок, растянулся на мокрой траве и прильнул к биноклю.

Это был белый минивэн; он сбавил скорость и остановился на обочине недалеко от рощи. Неужели заметили? Я высвободил из-под себя автомат и приготовился к боевым действиям. Если меня все-таки срисовали, подожду, пока они приблизятся, и открою огонь. Ни в какие переговоры вступать не буду — пошли они нахер. Все Бродяги чокнутые, связываться с ними себе дороже.

Мой автодом, собственно, особого внимания не привлекает, на дорогах полным-полно брошенных машин. Выглядит моя новая тачка как микроавтобус, ничего особенного, если внутрь не заглядывать...

И огня я не разводил, дыма нет.

Из белого минивэна высыпали люди... точнее, подростки и дети. Человек восемь. Из-за руля выбрался мужчина, с пассажирского сидения рядом с водителем прыгнула женщина.

До меня донеслись голоса.

И тут на меня накатило знакомое ощущение.

Это была Мать со своим выводком. Только не Кира, а какая-то другая. Вероятно, та, с которой встречался конспиролог Ян. У женщины был платок на голове, и трудно понять,

какие у нее волосы — темные или нет. Но, кажется, она высокая...

Странно, почему я почуял Матерь так поздно. Киру я чувствовал за много километров. Или эта новая Матерь послабее Киры, или намеренно прячет свое присутствие.

Или между мной и Кирой почему-то более крепкая связь.

Детишки взяли по какой-то бутылочке и организованно, строем, двинулись к роще Ушедших. Там остановились каждый перед своим деревом и, судя по движениям рук, начали то ли гладить стволы, то ли мазать их чем-то... Не содержимым ли бутылочек?

Я вспомнил слова Пастыря Степана, что детишки, которых он тщетно пытался перевоспитать, мазали деревья кровью убитых зверушек. То были обычные деревья. А сейчас малолетние язычники мазали Ушедших...

Мне стало не по себе. Нет, не от самого непонятного ритуала, а от мысли, что я оставил Владу на попечение таких вот людей.

Я перевел бинокль с детишек на машину. Мужик — или парень? — который сидел за рулем, праздно смотрел на ребят, уперев руки в бока. Кто он? Отец какой-нибудь новоявленный? Даша в своем сатанинском молебне в круге из гнилого мяса упоминала “Матерей и Отцов”. Видимо, семейство растет. Интересно, а почему у Киры нет Отца?

Меня пробрала дрожь. Эй, а это, часом, не мне суждено быть Отцом? Недаром я так хорошо чую Киру!

Нет, ответил я сам себе. Я — Палач, а не Отец. У меня уже есть роль в этом апокалиптическом театре.

Я посмотрел через бинокль на Матерь и вздрогнул. Она скрестила на груди руки и смотрела прямо на меня. С легонькой усмешечкой — мол, а я тебя вижу! Но она не могла меня видеть — я залег за пригорком, только едва макушка торчала. Но как ее заметишь среди травы?

Пронзило отчетливое ощущение: Матерь меня видит, и она мне не враг.

Поколебавшись, я встал, поднял мешок с грибами, закинул автомат за спину и пошел себе к автодому. Какой смысл валяться на сырой и холодной земле, когда рядом отираются самые настоящие экстрасенсы? По пути пару раз оглянулся. Сначала Матерь и Отец равнодушно смотрели мне вслед, а потом и вовсе потеряли ко мне всякий интерес. Детишки все это время не отвлекались от деревьев.

Сев в автодом за руль, я минут десять наблюдал за семейкой. Когда дети закончили ритуал, все дружно погрузились в минивэн и укатили. Я расслабился. Все же они меня напрягали, хотя пора бы уже и привыкнуть... Не было ни малейшего желания подходить к ним и общаться.

Если бы они задержались, уехал бы я. А я не хотел сегодня никуда ехать. Во-первых, далеко впереди виднелись городские пригороды. Не улыбалось мне пробираться сквозь пробки с риском застрять в бывших населенных пунктах на ночь глядя. Во-вторых, общение с Матерью Кирой и Конспирологом Яном не прошло зря. Я начал приучать себя не слишком фанатично стремиться к цели, а просто получать удовольствие от каждого прожитого дня. В-третьих, в голове засели слова Алексея Николаича о летнем солнцестоянии...

Многое из того, что происходило после Дня Икс, имело сильный привкус язычества. А язычество, насколько я знал, все свои ритуалы приурочивает к природным явлениям. Сегодня, например, должна быть полная или почти полная луна; я видел ее позавчера вечером, еще до грозы. Неспроста именно сегодня дети делают кровавое подношение Ушедшим...

Странно, что не ночью они этим занимаются.

Когда минивэн исчез вдаль, я промыл собранные грибы в раздувшемся от ливней мутном ручье, порезал на мелкие кусочки и принялся жарить на газовой плите. Если б не гроза, после которой не осталось ни одной сухой веточки, я развел бы костер. Нечего газ тратить. Не будь у меня газового баллона, я дотерпел бы до вечера, пока хворост не подсохнет, но у меня сейчас был автодом с его удобствами, и я ждать не захотел. Что и говорить, цивилизация развращает.

Запах жарящихся грибов наполнил жилище. Эх, сюда бы картошки и лука! А еще лучше — сальца и хлеба!

Но с овощами в последнее время дела обстояли туго. А дальше будет еще хуже, если никто не примется высаживать огороды. Хм, задумался я, а чем заниматься на юге, как не огородом и садоводством? Нужно будет найти семена, где-нибудь они ведь сохранились. Я сделал себе заметку на будущее: собирать семена везде, где только можно.

Что касается хлеба, то мои сухари недавно кончились. У меня была мука, и я даже навострился печь лепешки, но они получались какими-то отвратительно пресными, то недопеченными, то перепеченными. В общем, пекарь из меня никудышный.

Я занимался успокаивающей готовкой и то и дело ловил свое отражение в зеркальце на дверце кухонного шкафчика. Не знаю, каких именно мужчин красят шрамы, но в моем случае никакой красотой и не пахло. Рожа как у малолетнего зека, которого лупили всей хатой за мелкий проступок... Плюс к шрамам красная линия на шее, будто меня недавно из петли достали. Странгуляционная линия, я встречал это слово раньше в интернете. Подарочек от Яна...

Пожарив грибы, я сварил еще и гречки. Собственно, от гречки и прочих круп меня уже тошнило, но что делать? Одними грибами сыт не будешь.

Вечером, когда начало темнеть, я вымыл посуду и принял душ. Вода в резервуаре наверху машины здорово нагрелась за день. В горячей воде постирал носки и трусы и некоторое время валялся на койке поверх спального мешка. Взошла огромная желтая луна, осветив равнину молочным светом. Спать не хотелось, и я ведрами наполнил из ручья резервуар. Вода была все еще мутноватая от глины, ну да мы люди не привередливые.

А потом я лег спать. Как всегда, в обнимку с заряженным автоматом.

Ночью приснился неприятный, тяжелый сон. Не кошмар, но близко.

Будто бы я был в каком-то темном тоннеле... Рядом еще двое — один вроде бы нормальный человек, а со вторым что-то не так... Не могу понять, что именно не так... С нормальным челом мы делаем какое-то общее дело, а какое — непонятно.

И вот в тоннеле к нам приближается белая фигура. Она внушает дикий страх. Я откуда-то знаю, что это за фигура, но боюсь признаться в этом самому себе.

“Всего лишь Трех Волн хватило, чтобы втоптать людей в грязь, — шепчет фигура, приближаясь. — Всего лишь Трех... А Четвертая Волна — это я!.. Бледный Всадник по имени Смерть”.

Я понимаю, что это Падший собственной персоной. Я боюсь смотреть на него, хочу убежать из этого темного тоннеля, но не могу.

Тогда я просыпаюсь...

Я долго лежал в спальном мешке на койке и смотрел на звездное небо за окном. Окна в “спальне” зарывались ролл-шторами, но я приоткрыл щелочку, чтобы поглядывать наружу.

Луна переместилась на западную половину неба, туда сейчас были направлены мои ноги, но яркий свет по-прежнему заливал окрестности. При таком свете даже читать можно...

Наконец я снова уснул и спал уже без сновидений до утра.

Утром после завтрака я сразу сел за руль и поехал. Примерно через два часа въехал в очередной город, чье название не имело нынче никакого значения. Я планировал потратить день, чтобы пополнить запасы одежды, еды, бытовой химии, поискать семена и какие-нибудь книги — почитать на досуге. А потом уже ехать, по возможности, без остановки до самого синего моря, где встречу с Владой, Матерью Кирой и ее общиной. Точнее, не синего моря, а Черного.

Город довольно сильно пострадал от пожаров. Многие были недавними, судя по дымкам, вьющимся над пепелищем. Не исключено, возгорание произошло из-за короткого замыкания — электричество-то поступало бесперебойно. Кое-где в черных зданиях искрилась проводка. Если бы не ливни, горело бы до сих пор.

Или кто-то специально поджигает?

Город выглядел абсолютно покинутым и заброшенным. Целые выгоревшие районы, размытые дороги, почти ни одного целого окна, грязь и мусор на тротуарах. Трава росла везде, пробивалась даже сквозь узкие трещинки в асфальте, как ни в чем не бывало зеленела на балконах и крышах, где ветер нанес почву.

Я проехал между брошенных машин по широкому проспекту почти до центра города, развернулся так, чтобы в случае чего сразу дать по газам, и вышел из машины. Дальше следовало идти пешком, иначе есть риск где-нибудь застрять.

С собой я взял огнестрельное оружие, ножи и раскрашенную Владой битую. Иногда лучше не привлекать лишнего внимания выстрелами...

И — как в воду глядел.

За углом встретил одинокого Буйного, который вертелся на месте, как пес, гонящийся за собственным хвостом. Он не был похож на человека, высох, как мумия, почернел, сморщился, лицо оплыло — не понять, где у него глаза, а где нос, рот и уши. Вместо волос — вылезающие космы и колтуны. Вместо одежды — потерявшие цвет лохмотья.

Я некоторое время наблюдал за ним, затем, убедившись, что рядом больше нет Буйных, вышел навстречу. Буйный затрясся и по-птичьи засеменял ко мне. Я подпустил его поближе и со всей дури приложил битой прямо по лбу.

Я словно по трухлявому пню ударил. Лоб прогнулся, из вмятины вяло потекла густая темная жидкость. Буйный опрокинулся на спину и заклацал зубами в кривом рту. Я врезал ему еще раза три, пока башка не превратилась в нечто, похожее на огромного раздавленного полувывсохшего жука. Руки и ноги у монстра еще некоторое время двигались, но вскоре замерли.

Значит, все еще смертны...

Это хорошо.

Я сполоснул битую в ближайшей луже и пошел дальше. Двигался осторожно, вдоль стен, поглядывая во все стороны и даже наверх. Шума почти не производил.

В городе не шумели машины, не сигналили вечно раздраженные водители. Не визжала болгарка на стройках, не разговаривали люди. Не грохотала музыка из сабвуфферов.

Зато всюду пели птицы. Один раз дорогу пробежала лисица; ее коготки звонко постукивали по асфальту.

Надо отметить, что звуки природы звучат приятнее. И в то же время навевают тоску.

Тоску о мире, которого не вернуть.

Я прошвырнулся на несколько кварталов вглубь города. Все магазины были опустошены. Музей и центральная библиотека возле площади сгорели до руин. Похоже, поживиться здесь особо нечем...

Разгуливать дальше я не рискнул. Пожалуй, надо вернуться в машину и уехать. А завтра с утра заехать в город с другого конца и “обыскать” другие улицы. Не может быть, чтобы во всем городе не найдется ничего полезного.

Возвращался я по соседней улице, параллельной той, по которой шел до этого. И наткнулся на десятка три или четыре машин, которые когда-то давно, еще во времена Первой Волны, вломились друг в дружку. Все тачки, как обычно, покрывал слой грязи, всякого мусора, птичьего дерьма. От удара одного из автомобилей повалились фонарь и молодой клен. Машины перегородили улицу, включая тротуары, так плотно, что не пройти, не протиснуться.

Я оглянулся — придется делать крюк, возвращаться назад на полквартала, проходить по перпендикулярной улочке и снова топтать полквартала в прежнем направлении. Мне было лень ходить кругами, и я полез по машинам.

Дурацкое решение, но кто говорил, что я — гений? Подумалось, что перелезть через пробку прямо по машинам проще простого. И это действительно несложная задача, если исключить разные неприятные случайности.

Сначала я успешно перепрыгивал с тачки на тачку и при этом даже ухитрился не особо шуметь. А потом, когда до конца “пробки” оставались лишь один фургон и пара легковушек, поскользнулся на свежем птичьем говне — какая-то пернатая сволочь от души здесь облегчилась — и рухнул в узкий зазор между черным джипом и “нивой”.

Не успел я испугаться, как подошвы моих кроссовок уперлись в асфальт. От удара сильно болело колено, и что-то больно упиралось в спину — кажется, боковое зеркало. А еще болела задница, которой я припечатался со всего маху о крышу “нивы”, когда поскользнулся.

Удивительное дело, но битую из рук я не выпустил. Правда, и не мог теперь уже выпустить, она оказалась зажатой между моим животом и дверью джипа. Стекло на дверце было наполовину опущено, и на меня скалился череп водителя со слипшимися волосами. Водитель был одет в некогда хороший костюм, сейчас уже замызганный и грязный от зимней непогоды, и законопослушно пристегнут. Ремень безопасности не давал телу упасть на руль, а голова упиралась в верхнюю кромку полуопущенного стекла, словно водила решил выглянуть и посмотреть на что-то прямо под машиной.

— Чего лыбишься? — буркнул я недовольно. — Видишь, застрял?

Но мертвец ничего не видел. Птички наверняка первым делом полакомились его глазками еще давным-давно.

Я подергался, попытался выбраться из узкой щели и так, и сяк. Ни в какую. Ногу не поднимешь, чтобы упереться о колесо или подножку, руками себя не вытянешь — ухватиться не за что.

И при каждом движении автомат за спиной громко стучал о крыло “нивы”. Короче, я застрял, как топор в сыром бревне; без клина не обойтись.

Я старался не паниковать — в то, что выбраться принципиально невозможно, как-то не верилось. Но нарастала тревога оттого, что на шум рано или поздно явятся Буйные.

Я застыл и принялся лихорадочно раскидывать мозгами. Отодвинуть машину? Ага, хрен

их отодвинешь, разве что бульдозером. А если опуститься вниз и проползти под джипом? А как присесть, если колени не сгибаются — упираются в подножку? Оторвать эту мерзкую мертвую башку, кинуть под ноги и, опираясь о нее, залезть на подножку? Как-то некрасиво отрывать труп головы, этот вариант оставим на потом. Для начала посмотрим, что еще есть в машине — то, что пригодится мне в качестве маленького трамплина...

Чтобы залезть в машину, надо опустить стекло. Вернее, разбить, потому что его уже не опустишь. А шум нежелателен...

Вот приспичило же мне лазить по машинам! Казалось бы, уже столько довелось пережить, и били меня, и в рабство брали, и убить хотели несколько раз, — но нет! Увидел пробку из машин и решил изобразить из себя супергероя!

— Твою мать! — негромко, но с чувством произнес я.

— Это не поможет, — послышался спокойный женский голос сзади.

Я оглянулся так резко, что позвонки хрустнули.

Тремя или четырьмя машинами дальше на капоте легковушки сидела на корточках худенькая молодая женщина с винтовкой в руках. Бледное лицо, голубые глаза, короткие каштановые волосы. Одета в трико и тонкую синюю куртку с капюшоном, накинутом на голову.

Как она успела так тихо подкрасться?

Я попытался дотянуться до автомата — и дотянулся бы, если бы незнакомка не сказала:

— Ты у меня на мушке, не дергайся.

— Я и не могу при всем желании, — сообщил я. Собственно, пистолет еще можно достать, но об этом женщине знать не обязательно. То, что она не пристрелила меня сразу, обнадеживает.

— Зачем ты туда залез? — спросила она. Голос у нее был ровный и холодный, как у сотрудницы справочного бюро на вокзале.

— А как сама думаешь?

— Ты хотел пообщаться с тем водителем? — тем же ровным голосом предположила женщина.

Я вытаращил глаза.

— Чего?

— Я шучу, — сообщила она. И улыбнулась. Впрочем, тут же стерла улыбку и задала новый вопрос: — Как тебя зовут.

В ее голосе почти не было вопросительных интонаций. Наверное, так разговаривают роботы — да и то не слишком развитые.

— Тим. Тебе какая разница?

— А меня — Ольга. Вот мы и знакомы. Чего тебе здесь понадобилось?

— Да блин! Я хотел шопингом заняться, ясно? Жрачку поискать какую-нибудь. Увидел эту пробку, решил перелезть! И свалился — чего не понятно?

— Ты сильно голодный?

— Нет, не особо, — осторожно ответил я. С этой странной барышней не стоило ругаться или спорить, я сейчас не в том положении. Среди Бродяг разные фрукты встречаются, все-таки конец света — очень сильный стрессовый фактор, от которого у многих ум за разум зашел. — Утром перекусил.

— Видать, очень хорошо перекусил, раз застрял, как Винни Пух в норе у Кролика! — Ольга снова улыбнулась и так же резко убрала улыбку. — Я снова шучу. И снова ты не понял.

Ну ладно.

Она быстро и гибко выпрямилась, двинулась ко мне по крышам авто, практически не производя никакого шума. Словно кошка, идущая по своим делам. Снова опустилась на корточки на крыше джипа, прямо надо мной. Посмотрела на меня.

— Мне нужен помощник в одном деле. Дай мне слово, что поможешь мне, и я тебя отсюда вытащу.

— Какое дело?

— Хочу поймать Бабайку.

— Кого?

— Они бродят ночью, — пояснила Ольга. — Похожи на Обратней ночью.

— Бугимены, — догадался я, мимолетно подивившись, что Обратней она назвала Обратнями, а не как-то иначе. — И как тыймаешь Бабайку?

— У меня есть план. Но нужен помощник. Даешь слово?

— А если не дам?

— Я пойду дальше, а ты останешься здесь. Может быть, сам выберешься, а может, и нет. Нежити здесь много.

Я раскинул мозгами.

— Ну... блин, ладно, я даю слово. Но завтра я уйду, так что ловить Бабаек будем сегодня.

— Сегодня ночью, — кивнула Ольга. — Держись.

Она встала одной ногой на джип, другой на “ниву”, протянула мне винтовку, крепко держа ее двумя руками. Положив битую на “ниву”, я ухватился за винтовку, как за турник, и Ольга потянула вверх. Несмотря на хрупкое телосложение, она оказалась крепкой. Я подтянулся ровно настолько, чтобы упереться ногой в колесо; дальше было проще. Спустя пару секунд я стоял на “ниве”, тяжело дыша.

— Пошли, — сказала Ольга.

— А если я тебя надул? — хмыкнул я, со всеми предосторожностями идя следом.

— Ты не сразу дал слово. Значит, оно для тебя что-то значит. Обманщик сразу бы пообещал все, что угодно.

Она спрыгнула на тротуар с крайней машины и спокойно пошла впереди, не оглядываясь. Я спрыгнул на асфальт вслед за ней и только сейчас заметил, что она маленького роста — едва ли мне до плеча.

Шли мы недолго — шагов пятьдесят. Нырнули в подворотню и вынырнули во внутреннем дворе, зажатом между девятиэтажек. Одно из зданий сильно сгорело, остальные остались в целости.

Ольга открыла железную дверь подъезда, распутав какой-то мудреный клубок проволоки и цепей, и вошла внутрь. Мы поднялись на третий этаж и вошли в одну из квартир. Это была “трешка” без коридора, зато с обширной гостиной, в которую выходили все двери, включая дверь на лоджию. Квартира была хорошо обставлена: везде красивая мебель, огромный диван, журнальные столики, шкафы с книгами, торшеры и картины с пейзажами на стенах. Я ожидал, что дома будут еще люди, но, судя по тишине, Ольга жила одна.

Она не спрашивала, где моя тачка, и я помалкивал. Автомобилем подождет, Буйным он не нужен, а другие Бродяги по закону вероятностей вряд ли до завтра наткнутся на него.

— Операцию по захвату проведем сегодня, — заявила Ольга, откидывая капюшон и

усаживаясь в кресло. Я тоже расположился напротив на диване. Заметил фоторамку на журнальном столике, лежащую лицом вниз. Семейное фото? — Я знаю, откуда они берутся, эти Бабайки.

— И откуда? — с интересом спросил я.

— Из эпицентра завихрения Нежити.

Я приподнял брови, и Ольга уточнила:

— Нежить ходит по кругу большими массами, так? И поет. А в центре находится затянутый в завихрение человек. Когда процесс завихрения завершается, а это происходит поздно ночью, человек превращается в Бабайку. Обычно процесс длится около трех дней. Недалеко в парке завихрение началось два дня назад. Туда мы и пойдем.

Мысли у меня в голове разбежались в разные стороны.

...Толпы поющих Буйных, крутящиеся вокруг невидимого центра...

...Даша, бредущая по спирали вокруг Влады...

— Так они специально захватывают какого-то человека и своим ритуалом превращают в Бугимена? Но зачем?

— Весь так называемый конец света на первый взгляд лишен логики, — отчеканила Ольга. Просто поразительно безэмоциональный у нее голос! — Но логики человеческой. У нас не хватает данных, чтобы провести хоть какой-то метаанализ. Но отдельные события обдумать можно. Нежить, очевидно, не захватывает людей, а каким-то образом приманивает их. И я не уверена, что эти люди, собственно, — люди...

— Они — Зрячие... — пробормотал я. — Те, что не попали под опеку Матерям... Видимо, их много бродит по свету, и Буйные как-то их примагничивают... Чтобы превратить в Бугименов? Не понимаю...

— Что, — опять-таки без вопросительной интонации сказала Ольга.

— Зрячие — это типа экстрасенсы... Что-то такое видят и слышат. Стали такими после Дня Икс. Но они не вполне в своем уме.

Ольга внимательно выслушала и мотнула головой:

— Неважно. Сразу после того, как человек превращается в Бабайку, Нежить теряет активность на полчаса-час. Бабайка тоже находится в стазисе. В это время мы его схватим, свяжем и отнесем в такое место, где его можно изучить. Я наблюдала за ними, но одна не справлюсь.

— А дальше? — спросил я.

— Что — дальше? Что я буду делать после того, как узнаю, что из себя представляют Бабайки и чего от них ждать? Это на шаг продвинет меня к решению самого главного вопроса: что произошло с миром прошлой осенью. Сейчас это для меня единственная цель жизни. А ты поедешь своей дорогой на своем автодоме.

— Блин! — вырвалось у меня.

— Я тебя видела из окна, — пояснила Ольга. — Я изучила все дома в округе. Обратной здесь нет. Могу перемещаться из дома в дом незаметно, иногда по крышам. Так вот, нужно решить вопрос с Бабайками до того, как вырубятся электричество и водоснабжение... После этого находиться в городах будет сверх-опасно.

Я взглянул на эту маленькую невозмутимую женщину. Она находилась в родном городе и родном доме со Дня Икс. Никуда не стремилась убежать, как я. Изучила изменившийся город и его новых обитателей — Нежить...

— Почему ты думаешь, что электричество и водоснабжение вырубятся?

— Ну, во-первых, потому что те зомби, которые падают на станциях, рано или поздно исчерпают ресурс. И исчерпает ресурс сама система водо- и электроснабжения. Она уже на ладан дышит. Во-вторых, ты разве еще не понял, что после конца света станции работают не просто так. Они создают комфортные условия для выживших, в том числе тех, кого ты называешь Зрячими. Чтобы дать время подготовить кого-то, как личинок, к превращению.

— Уже слышал о личинках и куколках, — признал я. — Они все во что-то превращаются.

— Не они, а мы. Мы все во что-то превращаемся, — поправила Ольга. — Кто-то, как Нежить, превращается сам по себе. Кому-то нужны песни и пляски. Возможно, Нежить для того и появилась, чтобы петь и водить хороводы для кого-то еще. У меня пока нет стройной рабочей гипотезы, но я к ней приду. Пока что есть одно предположение. Когда мы поймает Бабайку, то понаблюдаем за его черепной коробкой. Если в ходе трансформации череп уменьшится, можно будет предположить, что идет не эволюция, а деградация. Значит, Бабайки — это тупиковые ветви, неудачные попытки Нежити превратить людей во что-то еще. Если череп останется прежним или увеличится, значит, мы имеем дело с эволюцией, и Бабайки и есть представители нового человечества, ради которых все затевалось. Не ахти какой критерий, но все же.

Я обомлел.

— Ты сама до этого додумалась?

— Нет. Мне подсказал один говорящий Бабайка. — Ольга снова показала мне мимолетную улыбку, и я понял, что она шутит.

— А ты... не боишься жить здесь, в городе, одной?

— Я ничего не боюсь, — сообщила Ольга совершенно невозмутимо, без намека на понты. — Уже ничего, с тех пор, как потеряла всех, кто был мне дорог... Есть только страх попасть в центр завихрения, наверное. Не хочу становиться Бабайкой или быть разорванной толпой Нежити. Пусть уж лучше меня кто-нибудь застрелит.

Она встала и без перехода произнесла:

— Пойдешь ужинать.

Я понял, что это вопрос, и кивнул.

Вечером, как стемнело, мы отправились в парк.

Прежде я никогда — если считать со Дня Икс — не бродил по городам ночью. Себе дорожке. Но Ольга уверенно двигалась по узким переулкам, проходила сквозь сгоревшие и целые здания, и никто на нас не нападал. Я крался следом за ней, стараясь ступать след в след.

Луна взошла на востоке — огромная и золотисто-серебряная, повисла над прямоугольными зданиями.

Интересно, подумал я, в природе всё округлое, а у человека прямоугольное...

Шли довольно долго, но все-таки пришли. Впереди за частично сломанной оградой темнели деревья, над которыми на фоне звездного неба вырисовывался силуэт колеса обозрения. Это был парк.

Сначала я не увидел и не услышал Буйных. Потом до моего слуха донеслось далекое шарканье сотен и тысяч ног. И невнятное, едва слышное из-за расстояния завывание.

Ольга потянула меня за рукав в сторону многоэтажного офисного здания напротив парковой ограды. Мы вошли в подъезд, поднялись на пятый этаж и вошли в просторное

помещение, разделенное на секции стеклянно-пластиковыми перегородками. Многие из перегородок были разбиты, на полу валялись кучи стекла. Столы перевернуты, компы и принтеры разбиты.

Подсвечивая себе фонариком, Ольга прошла к окну, под которым лежал моток веревок и аккуратно сложенная ткань. Она вынула из рюкзака бинокль и принялась смотреть в окно. Потом передала бинокль мне.

Из окна открывался отличный вид на центр парка, где было обширное пространство с памятником неведомому и никому уже не нужному деятелю в центре. Казалось, площадь шевелится от толпы Буйных, которые брели по кругу и тихо напевали под нос. В центре вращения — или, как выражается Ольга, завихрения, — находилась одинокая человеческая фигура... Луна светила очень ярко, а бинокль был сильный, и я разглядел худого молодого человека, примерно моего ровесника.

— Тихо поют, — отметила Ольга. — Скоро совсем заткнутся. Значит, ритуал подходит к концу.

— Что это? — Я указал на ткань и веревки.

— Смирительная рубашка. Брезентовая. Не думаю, что Бабайка сумеет ее разорвать. Главное — отнести его подальше отсюда, чтобы Нежить не бросилась на подмогу. Если она вообще захочет броситься на помощь.

— Ты же хотела просто посмотреть на череп?

— Посмотрю. Но в динамике наблюдать будет лучше. Какое-то время подержим Бабайку в плену, понаблюдаем. А потом... — Ольга сверкнула глазами в полумраке, и я понял без слов, что будет “потом”.

Ждали окончания мракобесия на площади в парке примерно около часа. Точнее я бы не сказал, сколько, — ни часов, ни мобильного с собой давненько не носил. Хотя можно было бы. Время куда лучше определяется по солнцу и луне. И по внутренним часам.

Я ходил туда-сюда, выглядывал из других окон, сидел на целых офисных стульях, а Ольга не отходила от окна и не отрывалась от бинокля.

Собственно, она могла бы и не напрягаться. То, что ритуал окончен, стало ясно и без бинокля: песня и шорох шаркающих ног стихли окончательно.

Я вскочил; накотившая было сонливость слетела мгновенно.

Луна поднялась высоко на небосвод и освещала неподвижную толпу, больше похожую издали на обширный кустарник, которым заросла площадь.

— Пошли! — шепнула Ольга.

Она схватила моток веревки, вручила мне, подняла брезент и чуть ли не бегом бросилась к лестнице. Я поежился — предстояло прогуляться в центр толпы из застывших Буйных...

Мы спустились с пятого этажа, перебежали через улицу и проскочили в пролом в заборе. Подошвы моих кроссовок потоптались сначала по мягкому газону, затем — по брусчатке аллеи.

— Их можно толкать — не проснутся, — сказала Ольга, на миг обернувшись ко мне.

Аллея между аттракционами вывела нас на площадь. На меня пахло тошнотворной смесью бомжатины и чего-то синтетического, будто пластмассу жгли. Вместе с волосами. Огромная толпа Буйных стояла совершенно неподвижно в ночи под серебристыми лучами луны.

Ольга бестрепетно протиснулась между двумя Буйными на самом краю толпы. Буйные

качались от ее толчков, но не падали и не нападали. Я задержал дыхание и, прижимая к груди моток веревки, последовал за ней.

Сердце гулко стучало в груди, дыхание надолго задержать после беготни по лестнице и парку не удавалось.

Это было похоже на мою прогулку между Ушедшими под музыку, только раз в десять хуже. Я-то прекрасно помнил, на что способны Буйные. Их искаженные нечеловеческие лица и колтуны были в нескольких сантиметрах от меня, затянутые третьим веком глаза слепо таращились в пустоту. Мне мерещилось, что они тихонько закрывают проход позади и готовятся накинуться... А еще они воняли не совсем человеческой вонью, и от этой вони к горлу подкатывала тошнота.

Я отталкивал от себя застывших Буйных, и моей кожи касалась их кожа — холодная и твердая. Это просто манекены, внушал я сам себе. Вонючие манекены.

Шествию сквозь толпу не было конца. Мы все шли и шли и никак не могли дойти до эпицентра. А ведь еще топать обратно...

Я несколько раз подпрыгивал, пытаюсь разглядеть, где там впереди конец толпы. А каково низкорослой Ольге? Как она ориентируется?

Наконец прогулка завершилась. Я увидел спину Ольги, которая очутилась на маленьком пятачке свободного пространства. Посреди этого пятачка застыла фигура паренька с темными волосами, в изорванной куртке, грязной футболке под ней и зауженных штанах. Я подошел ближе. Глаза у парня были полузакрыты, зрачки закатились, нижняя губа отвисла. Лицо у Зрячего было перемазано в грязи, точно он лазил по канализации. На футболке темнели пятна — возможно, кровь.

Я бросил веревку на асфальт и повлажневшими ладонями инстинктивно ухватился за автомат.

Меня трясло, как я ни пытался сдерживаться. Нас окружали сотни застывших Буйных, и, если они вдруг оживут, никакая сила на свете не вытащит нас отсюда. Нервы натянулись до звона, хотелось броситься бежать не разбирая дороги.

Ольга медленно наклонилась, положила брезент на землю. Разложила его. Я понял, что она тоже боится, но держит себя в руках.

— Положим его сюда, — шепнула она.

— Сколько у нас времени? — выдавил я дрожащим голосом, хотя и старался изо всех сил говорить спокойно.

— Достаточно. Еще полчаса как минимум.

Я обошел парня, толкнул его в спину. Секунду Зрячий будто сопротивлялся, не желал падать. Но затем накренился, как подъемный кран, и со страшным, как мне показалось, шумом повалился на брезент.

Я втянул голову в плечи. Ольга тоже застыла.

Ничего. Тишина.

Легкий ночной ветерок прошумел над заочневшей толпой, шевельнул чьи-то лохмы. Высохшие, похожие на мумии Буйные не шелохнулись.

Мы с Ольгой лихорадочно спеленали парня и крепко перевязали веревкой. Он был тощий и не слишком тяжелый. Хотя неизвестно, какая у него силушка...

Ольга взяла за ноги спеленутого Зрячего, повернулась ко мне спиной, я ухватился за плечи, и мы потащили наш жутковатый груз назад, сквозь неподвижную толпу.

На этот раз было проще. Во-первых, мы двигались в обратном направлении, и мысль о

том, что мы покидаем страшную толпу, здорово грела душу. Во-вторых, я был слишком занят тем, чтобы не выпустить из рук веревки, затянутые вокруг брезентового куля, и паниковать было некогда.

Когда мы выбрались из толпы, у меня отлегло от сердца и даже сил прибавилось. У Ольги, кажется, тоже. Мы чуть ли не бегом выбрались из парка, пересекли улицу, проскользнули в длинную подворотню, похожую на тоннель.

Куль у меня под руками зашевелился, задергался. Ольга остановилась, опустила свою часть ноши на землю. Я последовал ее примеру.

— Он трансформируется, — прошептала она. — Посмотрим на череп!

Она откинула край брезента с того края, где было лицо парня.

Но лица там уже не было. За считанные минуты Зрячий превратился в чудовище.

Башка у него теперь была вытянутая и сплюснутая с боков, как у Глашатаев на теплоэлектростанции. Кожа пепельно-черная и ноздреватая, как пемза. Рожа не особо отличалась от человеческой, разве что нос провалился и стал двумя треугольными щелями, а рот расширился вдвое против обычного — нетрудно представить, как сильно способен разинуть пасть этот Бугимен. Как анаконда... Глаза были закрыты, но веки выглядели так, словно глазные яблоки изрядно вылезли из орбит.

— Уменьшена, — констатировала Ольга.

— Что? Голова?

— Да. Видишь, череп сплюснут, как у ацтекских жрецов. Им специально сплющивали голову с детства дощечками. Чтобы они соответствовали красоте их древних богов. Это очередной неудавшийся продукт ритуала.

Мы помолчали. Бугимен лежал спокойно, но конечности под брезентом медленно вытягивались.

— Но кого они хотят призвать на самом деле? — спросил я.

И не услышал ответа.

В ушах вдруг зашумело, в глазах потемнело... Или луна зашла за облако? Накатило оцепенение и чувство жестокой тоски. Захотелось лечь и умереть... А еще стало страшно — до ужаса, до сдавленного горла и дрожи в поджилках. Я не мог шевельнуться в этой липкой осязаемой тьме.

Я не успел сообразить, что произошло, когда из темноты в конце подворотни выплыла белая фигура, и меня захлестнуло сильнейшее ощущение дежавю.

Я уже был во сне в этой подворотне, похожей на тоннель, и рядом находились двое. Ольга и лежащий в брезенте Зрячий, ставший Бугименом... И на нас надвигалась жуткое белое существо...

“Всего лишь Трех Волн хватило, чтобы втоптать вашу хваленую цивилизацию в грязь... — прошелестел в голове бесплотный голос. — И одного Моего слова хватит, чтобы возродить новый мир”.

Я понимал, чей это голос и чья это фигура.

Падший Праотец, Бледный Всадник по имени Смерть.

Он приближался ко мне, и от него исходила аура удушающего ужаса, а я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Я даже не видел Ольгу — лишь ощущал ее близость.

Высокая, выше двух метров, фигура приближалась, и темнота словно расступалась перед ней. Существо было замотано в белый саван с головой, которую венчала кроваво-красная корона причудливой формы — очень высокая, с острыми клиньями, торчащими

вверх. Низ савана был испачкан в чем-то багровом...

Падший смотрел прямо на меня сквозь саван, и я чувствовал этот тяжелый взгляд, хотя не видел глаз.

“Сегодня Меня, наконец, призвали, — прошептал он. — И Я готов продолжить свою справедливую войну за мир”.

Я хотел сказать, что справедливой войны не бывает, но ничего не вышло. Тело не двигалось, в ушах шумело.

— Ты кто? — то ли спросил, то ли подумал я.

...Тим...

“А кто ты, Палач?”

— Я просто...

...Тим, вернись...

— Я просто Тим, обыкновенный человек...

“Обыкновенных людей не бывает. Вы все необыкновенны... Вы все — наследники Праотцов... и носители их первородного греха...”

...Что-то не так, Тим, ну же...

Белая фигура склонялась ко мне — медленно и плавно, как под водой. Кровавая корона закрыла небо... хотя неба не было. Не было ничего, ни верха, ни низа. Был только страх и чувство запредельной ненависти — настолько всеобъемлющей, что казалась вселенским покоем и порядком всех вещей...

“А ты, Палач, — прошелестел Падший, — ближе ко Мне, чем думаешь. Придет час, когда тебе нужно будет посмотреть Мне в глаза, и Я задам тебе один-единственный вопрос...”

...Тим, Тим, просыпайся...

“...вопрос: за что ты ненавидишь Меня? Ведь Я не сделал тебе ничего злого?”

...Да очнись же ты, Тим, что-то...

— ...что-то не так! — ворвался мне в уши голос Ольги.

Я встрепенулся. Она тормозила меня и била по щекам, а я стоял, как Буйные после Ритуала...

Мы по-прежнему торчали в подворотне, но луна светила как ни в чем не бывало, а спеленутый Бугимен корчился в брезентовом свертке у наших ног. Он раскрыл глаза — абсолютно черные, без склеры, и беззвучно разевал змеиную пасть.

— Они проснулись раньше обычного, — торопливо говорила Ольга. — И идут к нам, слышишь? Надо бежать! Ты хорошо себя чувствуешь?

Я слышал шарканье сотен ног где-то вдаль. Неуверенное, заторможенное, но приближающееся. Мне вдруг подумалось, что Орда чует нас... или чует Бугимена. Что они как-то общаются — телепатически, например.

— Бабайку бросим, — сказал я и сам не понял, вопрос это или утверждение. Говорилось после глюков — или что это было? — с трудом. И от Ольги я заразился — начал говорить без выражения.

— Бросим, — уверенно сказала Ольга. — Бежим!

Мы устремились из подворотни во внутренний двор. Я надеялся, что Ольга знает тут все ходы и выходы. В груди захолонуло и оборвалось: слева во двор через узкий проезд между двумя зданиями вливалась толпа Буйных. Еще один выход со двора был перекрыт автомобилями. Ольга на секунду обмерла, потом кинулась направо, к пожарной лестнице, не

достающей до земли метра полтора. Под ней кто-то — вероятно, сама Ольга когда-то — поставил табуретку.

— Лезь до второго этажа. Там справа окно открыто...

— А ты?

— Я за тобой.

Я вскочил на табуретку, ухватился за холодные стальные ступени и полез вверх. Ольга поспешила за мной, пинком отшвырнув табуретку.

Буйные тупые, не догадаются вернуть табуретку на место...

Мускулы у меня были все еще скованы после того видения — не знаю, что это было: сон, глюк или наведенный дурман. Я с трудом перебирал ступени и боялся, что с минуты на минуту сорвусь и повалюсь прямо на Ольгу. Не было ни малейшего желания подвести ее — она не убежала одна, когда меня переклинило, а Буйные начали наступление.

Я-таки добрался до окна второго этажа, которое оказалось открытым, как и сказала Ольга. Она давно подготовила этот путь на всякий случай. Я оглянулся: Буйные медленно, но верно, без привычного улюлюканья заполняли двор и двигались к нам. Не знаю, видели они нас или нет, и за нами ли именно шли. Их словно силой вырвали из анабиоза в парке и заставили куда-то идти.

Как и меня...

Я будто закоченел, пальцы не разжимались вовремя, ног я почти не чувствовал. С трудом залез в окно, хватаясь за раму, и ввалился в темное помещение. Выпрямился и обернулся — помочь Ольге.

Она уже протянула руку к раме, когда лестница с резким ржавым скрипом просела на несколько сантиментов. Ольга вскрикнула и чуть не упала, я успел ухватить ее руку своими непослушными руками, оперевшись животом в подоконник. При этом увидел, что Орда стремительно наполняет двор, а Буйные двигаются всё живее. Кое-кто начал подвывать, воздух наполнила вонь горелой пластмассы и волос.

— Хватайся за меня, — выдавил я. — Не могу пошевелиться, руки свело...

Ольга молча последовала моему совету, уцепилась за мою одежду и подтянулась.

Тут над темной толпой взметнулась долговязая тень, и двигалась она с невероятной скоростью. Бугимен? Освободился от брезента? Я различил, как тень поднялась за спиной Ольги, и она, коротко закричав, сорвалась вниз. Я успел зацепить ее рукав онемевшими пальцами, но Ольга как-то легко, как во сне, выскользнула из своей синей куртки с капюшоном и упала вниз, прямо в толпу Буйных. Ее лицо до последнего момента было обращено вверх, на меня.

Бугимен снова подпрыгнул и вскочил на подоконник, сторбился на фоне светлого проема — долговязый, кривой, несуразный, с неестественно длинными конечностями. Черный абрис морды качнулся — монстр словно качал мне головой, мол, никуда-то вы не денетесь...

Я отпрянул вглубь комнаты, сдернул с плеча автомат. Непослушным пальцем нажал на спусковой крючок — грянул выстрел. Нажал снова — еще выстрел.

Бугимен сотрясался от попадающих в него пуль, но не желал падать. После пятой пули, попавшей в лоб, он все же упал и исчез за окном.

Я метнулся вслед за ним, выглянул. Орда отодвинулась от стены, а Бугимен огромной черной кляксой распластался на тротуаре.

А Ольга была жива — ее держали на плечах Буйные, как держат счастливые поклонники

рок-звезду, прыгнувшую со сцены. Буйные тащили ее прочь — очевидно, для проведения нового Ритуала...

— Тим! — крикнула она. В ее голове был страх и мольба. — Тим! Не хочу... Не хочу...

Крик прервался, но я знал, что она хочет сказать.

“Не хочу становиться Бабайкой или быть разорванной толпой Нежити. Пусть уж лучше меня кто-нибудь застрелит”.

Случайно ли она сказала это? Или подозревала, какая ее ждет судьба в этом переполненном Нежитью городе?

Что-то ее держало здесь.

Не воспоминания о семье, которую она потеряла; не фотография, которая давно лежала лицом вниз на журнальном столике.

А та же сила, наверное, что гонит меня на юг.

Судьба.

Она не дает выбора, тем и ужасна.

У меня защипало в глазах. Я заморгал, тщательно прицелился и выстрелил. Ольга на руках Буйных вздрогнула и почти сразу обмякла — пуля попала в сердце. Буйные не заметили ничего, продолжали брести прочь со двора в сторону парка, где устраивали шабаш. Но Ольге они ничего больше не сделают.

Плохо соображая, с трудом передвигая ноги, я добрал до ванной комнаты, заперся и включил свет. Ждал, когда кончится эта ночь. Мышцы постепенно оттаивали, и в голове прояснялось. Я не закрывал глаз и совсем не клевал носом, сидя в ванной с автоматом наготове. Спать не хотелось абсолютно.

Я не был ранен или истощен, но мне было очень плохо.

Как глупо вышло! Ольга все продумала, но что-то пошло не по плану. Буйные очнулись раньше обычного и перекрыли нам пути отхода, нехстати сорвалась лестница, каким-то чудом выбрался из “смирительной рубашки” Бугимен. Ольга не должна была умереть вот так, неожиданно и глупо.

От моих рук, которые и без того по локоть в крови...

Так я просидел почти до самого утра.

А потом свет погас. И я откуда-то понял, что это не лампочка перегорела — в этой ванной было несколько светодиодных ламп, и они не могли перегореть все разом. И не проводка прохудилась. Шестым чувством, которое появилось у меня с некоторых пор, я уловил, что перестали работать все электростанции в мире. И водопроводные станции тоже.

Потому что больше не было смысла создавать комфортные условия для “личинок”.

Падший уже явился в наш мир.

Глава 9. Подземелье

Дни и ночи следовали друг за другом бесконечной чередой, и я потерял счет времени. Утром поднимался с рассветом, умывался холодной водой, чистил зубы, ел, искал еду, бродил вокруг автодома, иногда рыбачил и собирал грибы. Дни тянулись невыносимо долго, и я ждал, когда же наконец наступит ночь, чтобы уснуть и не думать ни о чем. Но и по ночам мне снились тяжелые невнятные сны, полные теней и угрозы.

Все эти муторные дни и ночи постепенно сливались в бесформенную однообразную пелену, которую невозможно было разорвать никакими силами. Хотелось кричать, ломать все вокруг, биться головой о стену... но я лишь ловил себя на том, что тупо стою на одном месте, уставясь в одну точку — то посреди поля, то у реки, то у себя в автодоме.

В мозгу все чаще и громче заговаривали разные неприятные голоса. Один из них, оптимистичный, но все же неприятный — я назвал его Голлумом, — говорил:

— У нас есть цель! Вот приедем на юг — заживем!

На это унылый голос Смеагола вопрошал:

— И что там на юге? Такая же жопа, как и везде.

— Там тепло! Там море! Мы посадим огород и заведем хозяйство!

— Был у нас шанс завести хозяйство. Мы даже своими руками прикончили одного такого Хозяина...

— На юге будет по-другому.

— Почему?

— Потому что я в это верю.

— А я не верю. Да и не умеем мы работать на земле. Опыта нет. Только ломаем и рушим. Мы едем на юг, а в этом никакого смысла нет. И мы окончательно поймем это, когда приедем, наконец, на этот сраный юг. Больше у нас не будет цели.

Такие “разговоры” повторялись каждый день, и с каждым разом голоса становились громче и надоедливее. Вспоминалась Ольга, летящая вниз, в толпу Буйных, с поднятым ко мне лицом, в то время как я растерянно держал в непослушных руках ее синюю курточку. Это лицо, немного удивленное и растерянное, часто снилось мне по ночам. Порой оно превращалось в лицо Влады. Теперь уже Зрячая медленно, как в слоумо, падала, глаза расширены, рот приоткрыт, кудрявые волосы развеваются, словно под водой...

Однажды приснилось, что Орда несет на руках, торжественно этак, Супругов, Борю, Хозяина и Юру, Конспиролога Яна, Матерь и ее детишек, а я отстреливаю их из снайперской винтовки одного за другим. И рядом со мной висит в воздухе высоченная белая фигура в окровавленном саване и багровой короне и длинными костлявыми пальцами поглаживает меня по плечу:

“Убей их всех, Тим, ведь ты — Палач и служишь Мне”.

Всякий раз я просыпался в поту с бешено стучащим сердцем, а потом долго лежал во тьме, не в силах уснуть. В эти глухие ночные часы мне хотелось умереть, потому что я уже перестал понимать, зачем живу...

В одном из деревенских домов я наткнулся на здоровенный шкаф, полный книг. Они приятно пахли... В том доме я застрял на целый день, листая потрепанные томики, и на другой день снова пришел в эту неожиданную библиотеку.

Пока я читал с середины разные приключенческие романы Дюма, Купера, Верна, Фармера и других, Голлум и Смеагол в моей больной башке не смели пикнуть. Я читал и видел живых людей, которых никогда не было на свете, но которые, оказывается, продолжали жить даже после апокалипсиса. В конце концов большинство настоящих людей испарилось как утренняя мгла, а вымышленные герои оказались живее всех живых...

Я вынес несколько десятков книг из этого пустого дома и принес в Adria Twin. И последующие дни читал, читал, читал, пока не закружилась голова и в глазах не образовался “песок”. Я даже забывал поесть и вспоминал об этом, лишь когда желудок начинал звонко возмущаться.

Это был удивительный трип — бегство от реальности в другую реальность, вымышленную. Я проглатывал книги одну за другой, сидя на раскладном стульчике в тени машины где-нибудь на обочине. Перечитав или просмотрев по вертикали несколько художественных романов, принялся за документалистику: книги по психологии, философии, истории...

Написанные людьми, которых нет, о жизни, которой нет.

А потом на меня вдруг накатил “отходняк”. В какой-то момент строчки затуманились, и на страницы закапало. Нет, не дождь, погода была отличная, солнечная, а внезапные слезы. Я отшвырнул книгу и, плохо соображая, что делаю, пошел к мосту через большую реку. Посередине реки остановился и перегнулся через ограду, глядя на маслянисто-зеленоватые волны далеко внизу.

В эти секунды мне неожиданно полегчало. Еще бы, сейчас перевалюсь через ограду, сдохну и не придется больше мучиться. Прыгну вниз — шлеп! Объятия холодной воды, я хватаю ртом воду, вода попадает в легкие, я захлебываюсь, сознание тускнеет... И всё. Вековечная тьма, откуда нет возврата.

Очень просто.

Наверное, именно ощущение того, как легко и просто решить проблему, и останавливало самоубийц в прежнем мире за полшага до гибели. Не страх смерти: самоубийцы боятся жизни больше, чем холода могилы. Осознание легкости и простоты.

А если проблему так легко решить, почему бы не попробовать другие варианты?

Как бы то ни было, это осознание мелькнуло и исчезло. Я перелез через ограду и встал на другой стороне, глядя на струящуюся реку, чьи плавные узоры на поверхности никогда не повторяются. Когда немного закружилась голова, поднял глаза, чтобы посмотреть на белый свет напоследок...

И увидел яркий солнечный зайчик на другом берегу среди зеленых крон. Это луч солнца отразился от позолоченного купола храма.

Я никогда не верил в Бога и в церквях был считанные разы. Родители тоже религиозностью не отличались и мозг мне не пудрили. Даже после Дня Икс и всей мистики, которая случилась, вера в то, что есть на небе кто-то бесконечно великий и справедливый, не возникла.

Но сейчас я замер в шаге от смерти, и мне пришла странная идея наведаться в этот храм. Наверняка он пустой и брошенный, но все же...

А броситься в реку всегда успеется. Я уже понял, что это очень просто. Технически, во всяком случае.

Поколебавшись, я перелез обратно и пошел дальше по мосту на тот берег. Автомат остался в машине — на кой он мне, раз я собрался умирать? Пистолет, правда, и два ножа

остались при мне; с некоторых пор они всегда при мне, как руки и ноги.

Храм находился на окраине небольшого села, почти у самой воды, на возвышении, в окружении кедров, берез и ив. Красивый, нарядный.

И заброшенный.

Я остановился перед ним, посмотрел на паперть, где больше никто не будет сидеть, прося милостыню, на колокола, которые не зазвонят. На высокие приоткрытые двери. Ну и зачем я сюда приперся? Пожав плечами, я развернулся и пошел назад.

В этот миг позади кто-то негромко сказал:

— Прошу прощения, но мне показалось, что ты хотел войти.

Тело среагировало раньше, чем что-то сообразил ум. Я прыжком развернулся, выхватил пистолет и прицелился в невысокого человека в светлой одежде, стоявшего в дверях храма. Одновременно сделал два шага в сторону, чтобы нырнуть в кусты в случае контратаки.

Вот зараза! А жизнь-то научила меня реагировать быстро, не рассусоливая! Наверное, у тех, кто побывал на войне, те же проблемы в мирной жизни. Постоянно ждать нападения, постоянно дергаться.

Для меня, правда, война не кончилась, хотя и дошло, что закончить ее очень просто. Телу, конечно, было наплевать на все эти инсайты — “интеллигентские сопли”, как выразился бы папа. Тело хотело жить.

Человек, как привидение появившийся в дверях храма, был мужиком лет сорока, а то и старше, маленьким, худеньким, с лысой — нет, бритой, — головой, в просторной светлой рубашке навыпуск, таких же просторных штанах и — надо же! — шлепанцах на босу ногу. Правой рукой он почесывал живот, левую прятал за спиной.

Но меня поразил не этот фриковатый прикид, а его лицо и глаза.

Абсолютно спокойное, гладкое, без морщин, лицо и яркие голубые глаза, безмятежные, как у ребенка.

Никаких эмоций. Вообще.

Словом, псих полный.

— Ты кто? — буркнул я. — Руку покажи.

— Меня зовут Павел, — тем же ровным голосом произнес лысый. И показал правую руку.

— Другую! — рявкнул я громче.

Павел вынул из-за спины левую руку, пошевелил пальцами. В ней ничего не было.

Я опустил пистолет, но убирать в кобуру не спешил. Смешно — несколько минут назад собирался добровольно умереть, а сейчас хочу жить, как раньше...

— Вот и ладненько, — проворчал я. Разговаривать с этим чудиком, разгуливающим в шлепанцах и без оружия, желания не было. Я отступил, потом повернулся и зашагал к мосту.

— Ты хотел получить ответы? — спросил сзади Павел.

Я остановился, вздохнул.

— А у тебя они есть?

— Чтобы получить правильный ответ, нужно задать правильный вопрос.

Прозвучало внушительно, хотя Павел говорил тем же скучным голосом.

— Ты — священник?

— Нет, я обычный человек. В старую эпоху работал в промышленной лаборатории, имел семью. А сейчас не работаю и ничего не имею. В том числе проблемы. Сейчас я

полностью свободен... если не считать оковы плоти. Надо, знаешь ли, иногда кушать, спать и отправлять естественные нужды. Себя называю бродягой-созерцателем.

— Не похож ты на православного...

— Это потому что я не православный.

— А что ты тут делаешь?

Сейчас я почему-то не спешил уходить. Павел чем-то заинтересовал. Спокойный, безоружный и странный — отчего бы с таким типом не побеседовать? Не возвращаться же к реке с ее манящими волнами? Или в пустой автодом, к Голлуму и Смеаголу?

— Думал, что случайно зашел. Решил посетить святое место — все равно, какое. Сегодня воскресенье — самое время... — Он вдруг улыбнулся, и улыбка получилась теплой, мягкой, искренней. — Теперь понятно, что не случайно.

Я хмыкнул, сунул пистолет в кобуру. Насмешливо спросил:

— Хочешь сказать, что нам тут судьба встретиться?

— Не думаю, что судьба существует. Однако и у тебя, и у меня были причины прийти сюда... и вот мы здесь.

Я почесал затылок. Какие у меня были причины топать сюда? Да никаких внятных. Просто я раскис и внушил себе, что в храме станет легче. Или нет? Понятно же дураку, что в заброшенном храме станет легче только истово верующему человеку — не мне.

Странно, зачем же я сюда все-таки пришел? Сам не понимаю.

Внезапно для самого себя брякнул:

— Я пришел исповедаться...

Павел не удивился. Или не подал виду. Погладил себя по бритой голове и сказал:

— На батушку я не похож, ни бороды, ни волос, ни епитрахили. Зато и епитимью наложить не могу... — Он задумался. — Но могу угостить чаем, только сегодня заварил. Зеленый, с мятой и жасмином. Будешь? Пока пьем, расскажешь то, что тебя беспокоит.

Не дожидаясь ответа, он исчез в полумраке притвора. Тут же вышел с массивным походным брезентовым рюкзаком со множеством накладных карманов. Я молча наблюдал, как Павел вынимает две затертые подушки для сидения, кладет их на паперть, достает термос, кружки и разливает дымящийся напиток. Когда он сделал приглашающий жест, я подошел и сел на подушку.

Некоторое время мы мирно чаевничали на паперти в тени колокольни. Я уже жалел, что ляпнул про исповедь. Какая к чертям исповедь?

Да и кому? Этому смахивающему на сектанта странному типу?

Павел, однако, меня не торопил. Медленно отпивал чай из кружки, закрыв глаза, и явно получал от этого удовольствие. До меня вдруг дошло, что так он может просидеть очень долго. И если я не раскрою рта, он допьет чай, соберет вещички и просто уйдет.

И я заговорил:

— Я не знаю, зачем жить... Сначала цель была — добраться до юга. Но чем дальше туда еду, тем лучше понимаю, что на юге то же самое, что и здесь. То есть ничего хорошего. Может быть, теплее, да и только! Бродяги — те, кто выжил, — объединяться не хотят, каждый занят какой-то своей навязчивой идеей... Некоторое время я путешествовал с одной девочкой и кошкой, и мне было хорошо — потому что было о ком заботится... Но потом девочка заболела, и я отдал ее тем, кто обещал вылечить. Так что теперь не знаю, в чем моя цель.

Павел открыл глаза и кивнул. Он смотрел вроде бы мне прямо в глаза, а вроде бы и

мимо. Сквозь. Похожий взгляд был у Влады, но не совсем. Я отметил, что такой взгляд не напрягает — нет желания отвести глаза или дать в лоб.

— И что же? — спросил он. — Ты не хочешь жить?

Я смутился.

— Да нет... Просто не знаю, зачем...

— Смешно, — прокомментировал Павел. — Живут всегда ради самой жизни, она полностью самодостаточна. Некоторым людям важно иметь цель и понимать смысл. Я осознаю это. Но — продолжай. Что тебя беспокоит еще?

— Еще мне постоянно приходится убивать людей. Не то, чтобы я делаю это специально... Как-то так выходит, что или ты их, или они тебя... Кроме последнего раза. Тогда я убил одну женщину, чтобы ее не разорвали Буйные. Или не превратили во что-то нечеловеческое. Не знаю, правильно это или нет.

— А сам как считаешь? — поинтересовался Павел.

— Я ее спасти никак не мог... — начал я оправдываться. — Буйных было очень много, а я не мог быстро двигаться из-за видения...

Мне пришло в голову, что говорю непонятно. Но Павел то ли понимал без уточнений, кто такие Буйные и какие видения меня тревожили, то ли не придавал значения таким мелочам.

Или ему было плевать.

— Мне иногда кажется, что я и не умею ничего толком, кроме как убивать, — продолжал я откровенничать. — А если что-то можно было сделать? Отвлечь внимание на себя, поднять шум, устроить пожар, взрыв какой-нибудь, чтобы они забыли об Ольге. Я даже и не подумал как следует, сразу схватился за автомат... В принципе, можно было перестрелять тех, кто держал Ольгу, вдруг она ухитрилась бы вырваться?

— Не исключено, что можно было что-то сделать, — сказал Павел с таким видом, будто был той ночью рядом со мной у окна.

Эй, а не читает ли он мысли?

Неважно.

От его слов я скис.

— Назад ничего не вернешь... И тем, что я тут рассказываю, ничего не изменить.

Павел снова кивнул и подлил мне чая. Снова спросил:

— По-твоему, ты правильно поступил или нет, с учетом всех условий?

— Думаю, что стал закоренелым убийцей. Палачом. Так меня прозвала одна Матерь. И обратного пути нет, мне уже не стать нормальным человеком.

— Убийца и палач — понятия разные, — сказал Павел, не уточнив, кто такая Матерь. — Убийца убивает из собственных соображений: гнева, зависти, сумасшествия, жадности, хитрого расчета, тупости и невежества. А палач исполняет приговор. Делает грязную работу, которую кому-то надо делать. Ты палач или убийца? Ты убивал из жадности, гнева, сумасшествия?..

— Из жадности или гнева — нет, а вот насчет сумасшествия не уверен. Может быть, я давно свихнулся?

— Так ты не уверен в собственном здравомыслии?

— Нет, — уверенно сказал я.

— Хороший признак здравомыслия, — улыбнулся Павел. Отхлебнул чая.

— Ты меня оправдываешь, Павел. Ты, наверное, хороший психолог. Сначала выслушал,

теперь объясняешь, какой я весь белый и пушистый, жертва обстоятельств...

— Я не знаю, кто ты такой, — перебил Павел. — И из меня психолог так себе. А жертвами обстоятельств можно назвать кого угодно, даже Гитлера и Чикатило. Можно оправдать любое слово и молчание, любое действие и бездействие. Всегда во всем виноваты обстоятельства!.. Другое дело, что у человека всегда есть выбор. Кажется, на этом стоит эта религия.

Он мотнул бритой головой в сторону церковной стены над нами.

— Стояла, — поправил я.

— Она и сейчас стоит. И будет стоять. Конец света еще не наступил. Так что тебя конкретно беспокоит? И в каких грехах ты хотел исповедаться?

— Как в каких? — растерялся я. — В убийствах...

— Мы уже решили, что ты палач, а не убийца. Разве нет?

Я ухмыльнулся.

— И всё? Так просто? Палач, а не убийца — значит, и переживать не о чем?

— Я же говорил, что не священник. Отпускать грехи не умею, и нет у меня такого права. Однако полагаю, что раз уж Мать назвала тебя Палачом, тебе стоит принять свое призвание. Так всегда получается лучше. Как по-твоему, хорошо или плохо быть палачом, если он выполняет справедливые приговоры?

— Не знаю...

Павел слегка нахмурился и закрыл глаза. Произнес медленно:

— Вижу, ты не мыслишь изнутри определенной доктрины, иначе сразу бы ответил, хорошо это или плохо. Не веришь ни во что. Как и многие, кто вырос в эпоху, когда в нашей стране не было центральной Идеи. Потерянные души... Перед вами открыты сотни дорог, но вы не знаете, в какую сторону сделать первый шаг... Верили в деньги и успех, но когда не стало ни того, ни другого... — Он открыл глаза. — Итак, вроде разобрались. Ты не убийца, а работник, так сказать, комитета справедливого воздаяния. Что еще? Отсутствие цели? У тебя будет время найти цель. Конец света еще не случилось, как я уже говорил. Произошла Великая Перемена, но не Конец.

Я пробормотал:

— Боюсь, скоро будет и конец... Четвертый Всадник уже явился в наш мир. Падший Праотец, Смра...

Мне отчего-то втемяшилось, что Павел в курсе, кто такой Падший. По его гладкому невыразительному лицу трудно было понять, о чем он думает.

— Забавно, — проговорил сектант. — Мара явился к нам во плоти?

— Да! Он — Мара, Морок, Смерть! Так что нам всем будет хана!

Павел улыбнулся. И внезапно сказал:

— Убей его.

— А?

— Ты же Палач. Сделай то, что умеешь лучше всего. То, к чему твое жизненное призвание. Прими его и выполни свое предназначение.

Я вздрогнул.

На крохотную долю секунды снова провалился в тот тяжкий дурман в подворотне, когда надо мной склонилась фигура в саване.

“Придет час, когда тебе нужно будет посмотреть Мне в глаза, и Я задам тебе единственный вопрос: за что ты ненавидишь Меня? Ведь Я не сделал тебе ничего злого?”

Получается, Падший знал?

Знал, что я приду по его черную душу?

— А я сумею? — вырвалось у меня.

— Не попробуешь — не узнаешь, — пожал плечами Павел. — Во всяком случае, у тебя будет новая Цель. Выбор у тебя тоже есть. Если откажешься, эту задачу за тебя выполнит кто-нибудь другой. Или не выполнит. Вот и все.

Я допил чай, поставил кружку на паперть, взволнованно произнес:

— Я даже не знаю, есть ли другие Палачи... Матерей несколько... Зрячих тоже. Может, и Палачей?

Сам отчетливо услышал в голосе надежду. Павел вскинул на меня глаза.

Я встал — было не усидеть. Мысль о том, что по земле бродят такие же, как я, здорово завела. Не говоря уже о возможности прикончить Падшего... Павел невозмутимо наблюдал за мной.

— Думаю, что больше всего ты страдаешь от одиночества, — сказал он. — И не от одиночества тела, а от одиночества души. Ищешь родственную душу — и не находишь. А то, что ты ни во что не веришь, превращает это духовное одиночество в адские страдания. Человек не может жить ради самого себя, равно как и любая вещь не существует ради самой себя. Даже если эта вещь — вся Вселенная, понимаешь? Иначе образуется рекурсия — бесконечное и бессмысленное отражение самого себя. Рожать детей только для того, чтобы они рожали внуков, а внуки — правнуков, всё это такая же рекурсия, как вообще не иметь семью и жить одному. Порочный круг, Уроборос, кусающий себя за хвост. Слышал о таком?

Я читал совсем недавно, в одной из своих книжек. Кивнул и спросил:

— И как разорвать этот круг?

Павел покосился на колокольню и пожал узкими плечами.

— Творить что-то хорошее и полезное для других. Жить ради других. Даже смерть ради другого обретает смысл. Ты ведь в курсе, что ни одна религия не поощряет самоубийство? Знаешь, почему? Потому что это в высшей степени эгоистичный поступок. Смерть ради самого себя значит очередную рекурсию.

Он замолчал и стал собирать свои небогатые пожитки. А я минуту или чуть дольше старался переварить сказанное.

— Мне надо идти... — наконец путанно сказал я. — Подумать... Наверное, я должен сказать тебе “спасибо”, Павел...

— Это необязательно.

— Ты мне помог... наверное. По крайней мере, мне уже не так хреново, как полчаса назад.

Сектант — или кем он был? — кивнул.

— Главное — задавать правильные вопросы.

— Помог, но ни хрена не успокоил, — добавил я. — Скорее, наоборот. Кто ты такой? И откуда знаешь, что сегодня воскресенье?

— Я тот, кто, кажется, выполнил сегодня свое маленькое предназначение. Поддержал в трудную минуту одного человека... Чему очень рад. А какой сегодня день — понятия не имею. Для меня сейчас каждый день — воскресенье.

Я помялся. Неуверенно предложил:

— Пойдешь со мной?

Павел ответил мне еле заметной улыбкой.

— Я скоро умру, мой неожиданный друг. У меня лейкемия. До Великой Перемены я страдал от того, что неизлечимо болен. И вся моя семья страдала. Но так вышло, что я пережил их всех. И заодно обрел покой. Гуляю вот по свету, размышляю о жизни, люблю природой. И никакие чудовища меня не трогают... возможно, потому что я сам стал частью природы. Чувствую себя хорошо, но моя дорога скоро оборвется. Я знаю. Зачем я тебе? Иди своей дорогой — она может быть длинной. Выбор у тебя есть — в отличие от таких, как я. Всегда помни об этом.

И я пошел, боясь оглянуться и встретиться с ним взглядом. С запозданием понял, что не назвал ему своего имени. И так и не вошел в храм. Но, наверное, это было неважно.

...Снилось, что я лежу в спальном отсеке автодома и не могу пошевелиться, а за окнами — непроглядный мрак, и из этого мрака надвигаются страшные тени. Я пытаюсь вскочить, но ничего не выходит; стараюсь заорать, но из горла вылетает лишь хриплый стон. А тени уже просачиваются внутрь, трогают мои голые ступни, щекочут пятки, готовятся схватить острыми зубами...

Затем неожиданно стены автодома испаряются в мутной дымке, и вот я лежу на чем-то ровном и безграничном в туманном мире без звезд, солнца, луны и собственно неба. В этом мире нет ничего, кроме бескрайней хмари, скрывающей неведомое.

За моей головой кто-то высится — высокий и угрожающий. На нем высокая корона, потому что он — повелитель.

Это Падший.

“За что ты ненавидишь меня?” — шепчет он, и в голосе нет ничего страшного. Он почти ласков.

“Из-за тебя погибла Ольга”, — бормочу я и сам не слышу своих слов.

“Нет, не из-за меня. Это ты застрелил ее”.

“Чтобы до нее не добрались Буйные! — сиплю я. — Три Волны... Это ты их вызвал!”

“Ты вправду считаешь, что Три Волны вызвал я? Я сам — часть целого, я — Четвертая Волна. В этом новом мире каждый делает свое дело. Мое дело — освободить вас от оков”.

“Пошел ты...”

“Ты сам не знаешь, за что меня ненавидишь... Я не сделал тебе ничего дурного...”

Я пытаюсь его обматерить, хотя понимаю, что Падший прав. Он и впрямь не сделал лично мне ничего плохого.

Кто внушил мне эту ненависть?

Это я убил Ольгу, а не Падший. Почему же я так яростно виню его в этой смерти?

Я проснулся почти в полной темноте. Небо заволкло тучами: ни звезд, ни луны. К тому же вроде бы сейчас новолуние. Час глухой.

Я тяжело дышал, лежа на койке, сердце колотилось, как после пробежки.

Так за что я ненавижу Падшего?

Мать Кира сказала, что Падший — фейк, ложь, покрытая клеветой и неправдой. Я тогда подумал, что он и есть клеветник. А сейчас усомнился. Возможно, это его оклеветали!

Чувство тревоги и легкого удушья не пропало, несмотря на пробуждение. Я с силой потер лицо, но морок не желал спадать. Мерещилось, что проникшие в дом тени по-прежнему здесь, обступают меня во тьме.

Я потянулся к выключателю, чтобы на секунду осветить помещение и убедиться, что все в порядке, но устыдился этого детского желания. Понятно же, что никого тут нет...

Тогда почему у меня такое яркое чувство присутствия кого-то постороннего?

Я наклонился к выключателю — он располагался низко, видимо, в расчете на детей, и отчетливо ощутил щекой легчайшее дуновение, как если бы кто-то совсем близко шевельнулся, отодвинулся, чтобы я его не задел...

Я окаменел. Потом поспешно включил свет и на миг заметил кого-то в черном. Он стоял впритык...

Оглушительный удар обрушился в челюсть, я повалился на койку, и тут же к лицу приложили мокрую тряпку с неприятным химическим запахом, кто-то сильный навалился на меня, не давая приподняться.

Сознание замутилось, казалось, на пару секунд, и вот я уже пришел в себя с гудящей челюстью и ломотой во всем теле.

Не сразу дошло, что я уже не на койке в автодоме. Переместился в пространстве, словно телепорт. Перед глазами темно, ни зги не видно. Ослеп, что ли? С нарастающей паникой сел, ощупал холодный каменный или цементный пол, потер глаза тыльной стороной ладоней — от давления на глазные яблоки вспыхнули искры. Получается, не ослеп, а просто очень темно?

Я осторожно поднялся на ноги, выставляя вперед руки. Голова немного кружилась, накатывала слабость, во рту был привкус чего-то мерзкого, по вкусу похожего на прелую тряпку. Воздух был прохладный, затхлый и абсолютно неподвижный, как в помещении, которое давно не проветривали. В погребе меня, что ли, заперли?

Заорать или пока не стоит?

Лихорадочно заработала смекалка. Раз не убили, значит, я для чего-то нужен. Кому? Кому-то вроде Хозяина? Попытался вспомнить образ ночного нападающего. Он вроде был один. И не крупного телосложения. Не в саване и без короны... Женщина? Удар в челюсть был очень точный и сильный, так может вдарить только женщина со специальными навыками. Боксерша...

Так, а на что я сдался неизвестной боксерше? Страшно представить.

Я схватился за оружие: за пистолет в кобуре под мышкой, за нож на поясе, за еще один нож в чехле на лодыжке. Ничего. Все оборудование с меня сняли. Боксерша хорошенько меня обшмонала, пока я валялся в отключке... Зато в правом кармане штанов появилось кое-что новое — то, чего раньше там не было.

Я вынул плоский прямоугольный предмет, ощупал. Мобильник! Кнопочный, доисторический!

Нажал наугад на клавишу, и темноту вспорол синеватый свет небольшого экрана. Он также подсветил и клавиши.

Немного отлегло: все-таки не ослеп!

Экран уведомил, что время сейчас 12:15, дата 01.01.2001 года, симка не вставлена и, соответственно, никакой сети нет. Но батарея заряжена под завязку.

Зачем мне этот телефон?

Фонарик на этом динозавре не предусматривался, и я посветил вокруг экраном, который то и дело норовил погаснуть. В двух шагах была стена — бетонная, ноздреватая, сто лет назад выкрашенная синей краской, которая во многих местах облупилась. Кое-где торчали гвозди, на которых раньше что-то висело. Ни одного окна.

Потолки были низкими, с них свисала паутина, в которой висели мертвые высохшие пауки. Жрать, видать, здесь нечего, вот и сдохли...

Помещение, где я очнулся, было продолговатым, тесным, пустым, без окон, с одной-единственной открытой дверью, ведущей куда-то дальше во тьму.

Я ощупал другие карманы — пусто. Снова уткнулся в экран, прислушиваясь к малейшим шорохам. В фоновом режиме работал таймер. Я и не заметил с первого взгляда...

00:51:42... 00:51:41... 00:51:40...

Секунды шустро отсчитывали время назад.

И что произойдет, когда отсчет кончится? Телефон взорвется? Или взорвется бомба, заложенная где-то поблизости?

Как бы то ни было, следовало поторопиться и поискать выход.

Быстро вышел из помещения. Оказался в длинном коридоре со множеством дверей по обе стороны. Наугад двинулся направо, подсвечивая ужасно слабым синеватым светом экрана мобильного. Коридор выглядел не лучше помещения, где я очнулся: клоки пыльной паутины, облупленные стены, выкрашенные когда-то очень давно. С потолка свисают провода, торчат дроссели от люминесцентных ламп; самих ламп нет. Кое-где висели портреты — тоже на вид очень древние. Я подсветил парочку — черно-белые фотографии каких-то мужиков с волевыми подбородками и старомодными прическами. Наткнулся и на знакомую личность — Ленин. Я что, в советском бомбоубежище? И насколько оно может быть большим?

Где-то слышал, что при Совке во времена холодной войны понастроили бомбоубежищ видимо-невидимо. Ждали третью мировую. Когда Союз развалился, на большую часть бомбоубежищ забили. Тупо забросили. А потом и забыли. Объекты-то засекреченные и нафиг никому не нужны.

Я дотопал до того места, где коридор упирался в другой коридор, перпендикулярный первому. Так... А я ведь долго могу так плутать...

Заработали извилины. Судя по тому, как быстро я приходил в себя, отравили меня несильно, а, стало быть, ненадолго. За короткое время далеко бы меня не отнесли. Значит, выход недалеко. Знать бы, где...

Если бомба — или несколько бомб — заложена в несущие стены этих катакомб, то взрыв похоронит меня вместе со всеми этими портретами забытых вождей. Неприятная будет смерть... Хотя бывает ли приятная?

Посветил на пол — не видно ли следов? Нет, на шершавом цементном полу ни черта не видно. Повертел головой, подставляя темноте коридора то одну щеку, то другую. Сквозняк не чувствовался.

Повернул на сей раз налево. Через десяток шагов путь перегородил большой стол, выглядевший так, словно его вышвырнули с пятого этажа. Я остановился. Если здесь преграда, то вряд ли меня несли этой дорогой, верно? А может ли быть, что стол поставили позже, для отвода глаз? Чтобы меня запутать?

Эй, а зачем меня вообще путать? Чтобы я не успел найти выход и сдох здесь? Но если б меня хотели завалить, сделали бы это спокойно и без напряжения еще в автодоме. Следовательно, Неведомой Боксерше от меня нужно что-то другое.

Что?

Чтобы я помучился, понервничал, бегая по темным коридорам? Если ее цель — помучить меня, то есть множество гораздо более действенных способов. Человечество в этом плане много чего понаизобретало за всю историю.

Непонятно.

Зато из-за этих размышлений я перестал спешить и нервничать. Да начихать, подумалось мне. Совсем недавно я собирался сдохнуть, так зачем сейчас-то волноваться?

Я передумал возвращаться, протиснулся между столом и одной из стен и зашагал дальше.

В эту секунду заметил впереди, в темноте, мелькнувший светлый силуэт и легкий шорох ног. Не думая, бросился за силуэтом, увидел дверь, заскочил в помещение, которое было больше того, где я пришел в себя. Скорее всего, это был пищеблок: кафельные стены, два длинных стола, скамейки, дальше вроде бы перегородка, за которой должна быть кухня.

Зрение уже приспособилось к жалкому освещению, и я сразу заметил, что кто-то невысокий застыл в углу, возле щита с переключателями.

— Эй! Я тебя вижу. Ты кто?

Силуэт дернулся, и я быстро подошел к нему. Страх почти не было, только болезненное возбуждение. Я посветил прямо в лицо человеку, и оказалось, что это ребенок — пацан лет восьми с соломенными волосами, бледным лицом и в светлой рубашке.

— Я — Кирилл, — тихим сдавленным голосом сказал пацан.

— Ты что здесь делаешь?

Кирилл говорил путано, сбиваясь и заикаясь, но вскоре стало понятно, что он сам очнулся здесь недавно, здорово перетрусил, кричал, но никто не отзывался, тогда он наощупь пошел по коридору, пока впереди не появился слабый свет моей мобилы. Он решил спрятаться на всякий случай, но когда услышал обычный человеческий голос, немного успокоился.

Телефона при нем не было.

— Пошли, — сказал я. — Будем искать выход.

Он послушно схватился за мою руку. Мы чуть ли не бегом, подсвечивая экраном, двинулись по коридору, который скоро влился в еще один перпендикулярный проход.

Я глянул на таймер. 00:36:23... 22... 21... Немногим больше получаса осталось.

— Выход, скорее всего, находится где-то на периферии. То есть на краю этажа, — сказал я Кириллу. Подумал, что всегда приятнее разговаривать с кем-то живым, а не Голлумом у себя в голове. — Тут коридоры в виде сетки. Надо дойти до того коридора, который идет по периферии, и быстро оббежать его...

Пришла неприятная мысль, что выход не обязательно должен находиться на периферии. Шахта лифта, к примеру, очень даже может быть где-нибудь в середине этажа. Или чуть сбоку. Вот и ищи.

Потом пришла еще одна мысль: а в бомбоубежище вообще лифты имеются? От любого взрыва шахта деформируется, и лифт застрянет.

Не стал обо всем этом говорить пацану. Все равно толку не будет. Кирилл был подавлен и испуган, но мое присутствие его, видимо, воодушевило.

— Ты с кем жил раньше? — спросил я, пока мы трусцой неслись по коридору.

— С братьями и сестрами, — задыхаясь, сообщил шкет.

Интересно, подумал я. Его братья и сестры — Бродяги? Все рождены в любви? Если верить Супругам из противочумной станции, такое вполне возможно.

— Родными? — уточнил я. — У вас папа с мамой одни и те же?

— Да... То есть нет. Мы так друг друга зовем...

Так-так. А он не из семейки Матери?

— А Мать кто такая — знаешь?

Он не успел ответить. В темноте впереди послышался негромкий, но отчетливый звук. Приглушенное завывание.

Я снова по привычке схватился за пояс. Ножа нет. Ужасно бесит, когда привык к чему-то, а этого чего-то уже нет...

Идти назад? Смысл?

Мы прокрались еще на несколько шагов. Завывание иногда прекращалось, но каждый раз возобновлялось, так что мы без проблем нашли источник. Кто бы это ни был, он сидел в одном из помещений.

Дверь была распахнута, но проход перегораживала стальная решетка.

— Стой здесь, — велел я пацану.

Осторожно заглянул в помещение, готовый в любой момент отпрыгнуть. Слабый свет экрана выдернул из тьмы грязный пол, столик и сломанный стул. Сбоку виднелось что-то вроде больничной кушетки. На кушетке кто-то лежал спиной ко мне.

— Эй! — позвал я.

Завывание прекратилось. Лежащий зашевелился, неловко повернулся и сел. Поднял голову, и я поспешно отодвинулся от решетки.

У воющего узника была лысая, ненормально длинная голова, словно приплюснутая с обеих сторон. Я уже видел такие головы — у Глашатаев на электростанции, которые зомбировали сотрудников, и Бугимена. Ольга говорила, что такие головы были у ацтекских жрецов... Лицо особо не изменилось, если сравнивать с Бугименом, разве что вытянулось, как обвисшая резиновая маска, нос стал крохотным, а ноздри смотрели вперед, как дула двуствольного ружья. Кожа вокруг губ натянулась, и зубы торчали в жутковатой усмешке.

Глашатай уставился на меня.

— Они не слушают... Они больше не слушают, — пробормотал он хрипло. — Все разошлись, а мы остались не у дел...

— Кто? — заговорил я. — Сотрудники станций?

Поразило, что Глашатай разговаривает и реагирует на меня. Надо воспользоваться возможностью, чтобы выведать ценную информацию.

— Мы так хорошо служили... — прохрипел Глашатай, не отрывая от меня взгляда. — За что нас выгнали? Мы чувствовали власть, и это было приятно... Но потом оказалось, что никакой власти нет. Мы, Глашатаи, тоже были рабами, поставленными присматривать за другими рабами...

— Где остальные Глашатаи?

— Уничтожены...

— Кем? И почему ты остался?

Глашатай обхватил себя за плечи. Он был в рабочей робе. Даже в свете телефона было видно, насколько она изорвана и изгваздана — одни грязные лохмотья. Глашатай принялся раскачиваться на койке и тихонько выть. Я быстро глянул на экран. 00:29:44.

Время уходит!

Кирилл прижался ко мне плечом, заглядывая через решетку.

На то, чтобы посмотреть на экран, мне понадобилась доля секунды. Но этого хватило Глашатаю, чтобы бесшумно подскочить к самой решетке, протянуть руку сквозь металлические прутья и схватить Кирилла за штанину. На меня пахнуло вонью сто лет не мытого тела.

Пацан заорал от страха, а Глашатай радостно взвыл.

— Убью, убью, тварь! Ненавижу вас!

Я попытался отцепить лапу чудовища от одежды Кирилла. Какое там! Вцепился намертво. Я выпрямился и принялся пинать руку у самой решетки, стараясь вывернуть в локте наружу. После третьего мощного пинка мерзкая рука отцепилась, и мы с всхлипывающим Кириллом помчались по коридору дальше.

Были и другие зарешеченные двери, но мы туда не совались. Не было времени и желания. Иногда мне чудилось, что прямо за решеткой некоторых помещений колыхались чьи-то тени. Порой до слуха доносились голоса и вой. Я больше не заговаривал с Кириллом чтобы беречь дыхание, и мальчишка не спрашивал, почему мы торопимся. Сам, видно, был рад покинуть это место поскорее.

Мы наткнулись на мощную стальную дверь в бетонной стене — судя по всему, внешней по отношению ко всему этажу. А еще она смахивала на дверь лифта, только с одной широкой створкой, которая уползала в паз. Рядом с дверью в стене была панель с несколькими громоздкими переключателями, но ни один из них, понятное дело, не работал. Оставалось меньше десяти минут, искать другие двери времени нет.

Я ощупал створку, нашел щель, вставил туда пальцы, потянул. Кажется, створка сдвинулась, но очень неохотно. Я отдал телефон Кириллу, велел светить, не давая экрану погаснуть. Мальчик молча послушался. Я схватился за край двери всеми пальцами рук, изо всех сил потянул.

Створка сдвинулась еще на пару сантиметров.

Я аж вспотел. И сразу почуял легкий сквознячок. Это вдохновляло. Я принялся тянуть проклятую дверь так, что, наверное, у меня вылезли все грыжи, которые только бывают. И геморрой за компанию. Но мне сейчас было наплевать на эти мелочи. Даже пульсирующая боль в челюсти и голове забылась.

Дверь отодвинулась сантиметров на пятнадцать или чуть больше и намертво заклинила. Как я не пытался, не кряхтел, ничего не получалось.

— Дай!

Я выхватил у пацана телефон. 00:04:56.

Все же что значил этот таймер? Может, я зря тороплюсь?

Кто запер Глашатая? И кто сидит в других клетках? Буйные? Оборотни? Бугимены?

Я сунул руку с телефоном в щель, посветил. Так и есть: слева по стене шли металлические скобы. Самой кабины или клетки не было видно, только свисали сверху толстые и пыльные тросы. Значит, кабина внизу. Получается, в бомбоубежище бывают лифты? А с чего я взял, что это подземелье — бомбоубежище? Вдруг это нечто совсем другое? Например, тюрьма для особо опасных преступников, построенная еще при Совке?

Какая разница? По скобам мы выберемся наружу. Выход наверху должен быть, иначе откуда сквозняк?

— Лезь, — сказал я пацану.

— А ты? — сразу же спросил он.

— Я следом.

Он легко пролез в узкую щель, уцепился за скобы. Неизвестно, насколько глубока шахта, в темноте не понять. Не видишь — и не страшно. Я попытался пролезть следом — голова не помещалась, нужно было отодвинуть створку совсем чуть-чуть.

Я напрягся, зарычал, и створка с неохотой немного сдвинулась. Еще полсантиметра! Меня покрыл липкий противный пот — от напряжения, страха и духоты.

Глянул на экран. 00:00:59.

Ну вот, сейчас посмотрим, что произойдет, когда отсчет завершится...

Я снова надавил на створку. В коридоре зашипело, и почти сразу запахло какой-то химией. Защищало в глазах и носу, зашумело в ушах. Ноги стали ватными. Телефон кратко завибрировал: таймер закончил отсчет.

Итак, я не взорвусь, а буду отравлен химической гадостью.

Отрава была сильная: меня повело из стороны в сторону. Я пролез сквозь щель и взялся было за скобу, но остановился. Далеко ли уйду? Газ догонит нас в два счета. Ни я, ни Кирилл не выберемся, сверзимся в шахту.

— Ты идешь? — позвал мальчик из дыры шахты.

— Ты лезь быстрее, не жди меня, — сказал я твердо и громко, отпустив скобу и протиснувшись назад в коридор. Даже страх пропал. Надо же, как приятно быть героем, отдающим жизнь ради других! С одной стороны, страшно жалко самого себя, а с другой, понимаешь, что подохнешь не зря... Это не в реку прыгнуть просто так, от нечего делать, и никому от твоего поступка ни жарко, ни холодно. То, что я жертвую собой, особо не утешало, но все же была разница. Было с чем сравнить.

Я подумал, что надо бы отдать мобильник пацану, на что мне свет в этой огромной могиле? Но Кирилл, судя по шуршанию, уже полез вверх, а времени мешкать не оставалось. Я принялся задвигать дверь, упираясь ладонями в гладкую поверхность, чтобы газ не проник в шахту. Обратная поганая створка двигалась куда шустрее.

Шипение не прекращалось. Воняло сильнее и противнее. Заломило в висках, глаза слезились уже нешуточно, из носа текло, голова кружилась, подташнивало.

Ну вот, подумал я. Пришло время умирать. И как по-дурацки! Не прикончу я Падшего Смра, придется другому Палачу попотеть, если такой найдется.

Повинуясь непонятному порыву, я лег прямо на пол, зажег экран и смотрел, как таймер отсчитывает время в “другую” сторону. 00:00:01... 00:00:03...

00:00.05 я уже не дождался.

И снова случился телепорт. Вот я лежу на холодном шершавом полу в полной темноте и таращусь на экран телефона, а вот экран становится нестерпимо ярким и огромным, как небо, и я моргаю, мучительно щурюсь, пытаюсь заслониться от этого нестерпимого света, но рука не поднимается.

Вяло подумалось: я на том свете, и не где-нибудь, а в раю. Зря я во все эти дела не верил... Подумалось еще, что я умер давным-давно, еще во времена Первой Волны, вместе с красавицей Валею. Я тогда согласился погулять с ней ночью, и нас прикончили Буйные. И вот, так и не врубившись, что помер, брожу я по лимбу, или чистилищу, или тому месту, где в православии грешники испытывают мытарства... И вот сейчас, после всех убийств, всех грехов и чужой крови, я вознесен на небеса лишь за одно-единственное доброе дело...

Я попытался сесть, но голова закружилась с такой силой, что чуть не вывернуло. Я поспешно улегся назад. Подумал: нет, это не рай. Я не спец по раю, но почему-то уверен, что в раю не должно тошнить. Сквозь прищуренные веки увидел, что огромное и яркое — это и впрямь небо. Пахло не химией и не затхлым подземным воздухом, а свежестью, травой, цветами и сиренью.

На меня упала тень.

— Тим... — позвал голос. — Услышь меня.

Я все-таки открыл глаза. Лежал я на траве, а над головой, заслоняя солнце, возвышался Кирилл. Из-за солнца над его макушкой горел красноватый нимб... Или кровавая корона. Лицо в тени, не разглядеть.

— Прости за испытание, — сказал он, причем голос звучал совсем не по-детски. — Это был необходимый этап твоего развития.

— Какого развития? — прохрипел я. В горле пересохло.

Показалось, что это не Кирилл, а Падший собственной персоной нависает надо мной, притворяясь ребенком. В ушах тихонько пищало.

— Того же, что и я когда-то прошел... в подземельях Царства, о котором люди забыли десять тысяч лет назад.

Что он мелет?

Я прошептал:

— Ты — Падший? Это твое человеческое тело?

Кирилл покачал головой, и солнечные искры вспыхнули в светлых волосах. Все-таки не кровавая корона, а нимб...

— Нет, — сказал он. — Я тот, кто казнил его на Спиральном Кургане.

Глава 10. Праотец

— Я тот, кто казнил Падшего на Спиральном Кургане...

Голос звучит оглушительно громко, будто мне в уши засунули по громкоговорителю. Восьмилетний пацан передо мной расплывается, как мираж, качается туда-сюда, усмехаясь, лицо то растягивается в широченной ехидной улыбке, то вытягивается в неестественном удивлении, почти отчаянии.

— ...я тот... кто... казнил...

Мальчишка повторяет эти слова насмешливо и одновременно угрожающе. Мол, Падшего казнил и тебя казнию, Палач!

Я хочу крикнуть: “Врешь ты, шкет! Салага зеленая! Я тебя спас из подземелья!” Но не могу раскрыть рта — губы слиплись намертво, как у Нео на допросе у агентов Матрицы. На меня опускается непроницаемая тьма. И тишина.

Прошло, как мне показалось, меньше минуты, и я очнулся в полутемном помещении на чем-то очень мягком. Понадобилось какое-то время, чтобы сообразить: помещение — это внутренность круглого шатра — или юрты — со стенами из войлока, а я возлежу на нескольких матрасах на полу и груде подушек под тонким пледом. Пол устелен разномастными коврами.

Сколько я здесь валяюсь? Очевидно, дольше минуты. Что-то подсказывало, что даже дольше суток.

Отравление ядовитыми газами в подземелье оказалось нешуточным и имело последствия. В теле поселилась отвратительная слабость. Я поднял руку — она мелко дрожала.

Немного вернулась память. Я вспомнил, как меня мутило, а мускулы сводило судорогой. Кто-то делал мне уколы. В голове роились видения и кошмары, неприятные и бессмысленные. Я то проваливался в беспамятство, но выныривал из него, чтобы поплевать желчью в тазик. А иногда и мимо. Кто-то меня придерживал...

Сейчас тошноты и головокружения не было. Лишь слабость. И то хорошо.

Возле меня торчал хромированный медицинский штатив с висящим на нем перевернутым флаконом. Из флакона прозрачная жидкость капала в трубку, которая оканчивалась иглой в моей локтевой вене. У моей постели почему-то лежала моя старая добрая бита, разрисованная Владой.

Зачем ее здесь положили?

В шатре, кроме меня, людей не оказалось. Я лежал, разглядывая его внутреннее убранство. У стен громоздились кучи одеял, мешки и складные походные стульчики. Уголок, где я прохлаждался, отгораживала ширма из цветастой ткани, но ширму сейчас отодвинули в сторону.

Я попытался приподняться, но мало что получилось. Слабость была просто колоссальная. Потянулся к бите, с усилием пододвинул ее к себе. Вероятно, тот, кто положил ее рядом, предлагал доверять ему: дескать, вот тебе бита, отбивайся, если на тебя кто-нибудь нападет. Пусть это буду даже я, твой спаситель...

Когда-то я читал первый роман о Тарзане Эдгара Берроуза. В нем Тарзан спас в джунглях Джейн Портер, принес в свое гнездо на деревьях и, чтобы она не боялась, что он ее

изнасилует ночью, отдал нож. Джейн, конечно, на этот джентльменский жест купилась, не подумав, что если бы Тарзан захотел ее изнасиловать, он бы это сделал, несмотря ни на какие ножи. Мужу, скакавшему без трусов по лианам и запросто душившему голыми руками леопардов и горилл, какой-то ножик не помеха.

Быть на месте Джейн мне не улыбалось, потому что неизвестно, какой Тарзан явится. Кирилл, который говорил неслыханные вещи про десять тысяч лет и казнь Падшего? Или еще кто-то?

Появилась мысль, что меня бросили здесь одного навсегда, а битую оставили, чтобы я защищался от, например, Буйных, которые могут забрести сюда в любую минуту.

В обоих случаях идея с битой дурацкая. С нынешними силами я и спичку не подниму, не то что битую. Вот если бы положили заряженный пистолет, то смысла в этом поступке было бы больше.

Подтягивая битую, я задрал краешек ковра и увидел колоду карт — непривычно больших, с красочными картинками людей, королей, висельников, дьявола... Карты Таро! Что вообще происходит?

Я полежал еще полчаса или около того и ощутил, что слабость вроде бы отступает. Снова попытался принять сидячее положение — на этот раз успешно. Огляделся и присмотрелся к интерьеру повнимательнее при тусклом свете, сочащемся сквозь отверстие в центре куполообразного потолка.

За моим изголовьем, незаметная раньше, располагалась большая угловатая сумка синего цвета с красным крестом. Понятно: походная аптечка. Пахло в шатре лекарствами — я только сейчас это осознал. Запах больницы, от которого у любого нормального человека возникают неприятные эмоции, впрочем, перебивал гораздо более приятный аромат травы, цветов и, кажется, водоема.

Снаружи заговорили звонкими детскими голосами, и гипотеза, что меня бросили на произвол судьбы, отпала. Значит, все-таки Тарзан.

Вскоре он явился. И оказался, во-первых, женщиной, а во-вторых, знакомой мне Матерью, которая приезжала с Отцом и детишками на минивэне к роще Ушедших. Она зашла, отодвинув полог и наклонившись, чтобы не удариться головой о низкую притолоку. Высокая смуглокожая дама с небрежно повязанной косынкой, из-под которой выбивались длинные темные волосы. На груди глубокий вырез, на шее висят разные яркие бусы и цепочки. Длинная, в пол, аляпистая юбка...

В облике Матери было что-то цыганское.

Даша, чуть не принеся Владу и меня в жертву Падшему, тоже носила кучу бус и фенечек. И у нее была татуировка на шее в виде готических букв. У Матери тату я не заметил.

— Очнулся? — веселым, певучим голосом произнесла она. — Ну и прекрасно. Ты чуть не умер, кстати. Переборщил Вадхак с отравляющим веществом. Но, понимаешь, все должно быть честным в этом испытании. Это священная необходимость. Клятые мужские игры! Проходят века, а вы не меняетесь... Мне, как Матери, порой так жалко вас, мальчишек...

— Кто? — прохрипел я. Горло пересохло напрочь.

— В смысле, “кто”? — не поняла Мать, подходя вплотную. Она мягко толкнула меня в грудь, и я повалился обратно на подушки. Взгляд ее черных глаз упал на карты Таро. — Ах, вот они где! А я их обыскала.

Подняла колоду, небрежно сунула куда-то за декольте.

— Сидела тут почти сутки без сна, — сообщила она. — За тобой ухаживала. Раскладывала карты, пока ты лежал без сознания, гадала на тебя. Жаль, не знаю, когда ты родился... Только от дня Испытания в подземелье могла отталкиваться. Инициация — все ж таки второй день рождения! Ты, наверное, знак Земли, нет?

Пододвинула складной стульчик, села и вопросительно уставилась на меня.

— Кто... — снова выдавил я сипло.

— Кто я? Анфиса я. Матерь для Детей Земли. А ты Палач. Не забыл, поди? Амнезии нет?

— Я Тим... Кто... такой... Кирилл?

— А, ты о нем? Он сам тебе представится. Кстати, у него как раз таки есть признаки амнезии. Или старческого маразма, ха-ха! Он ведь намного старше, чем выглядит... душой, по крайней мере. Ты лежи, Тим, отдыхай пока. И не волнуйся ни о чем. Вот тебе вода в бутылке, если что. А вот горшок.

Я бы позадал еще вопросы, но, пока собирался с силами, Анфиса ловко извлекла иглу из моей вены, заклеила лейкопластырем ранку и ушла.

Лежал, отдыхал и не волновался ни о чем я примерно час. Свет из дырки в потолке ослаб, стал красноватым, потом синеватым, вечерним. За тонкой войлочной стенкой вовсю звенели сверчки. Несколько раз я поднимал руки, смотрел на пальцы — не дрожат ли? Дрожь была почти незаметной. Однако крепко меня траванули, сволочи!

Наконец я сподобился попить воды без тошнотворных последствий и поднялся на ноги. Колени подгибались, меня шатало, но я взял битую и оперся о нее, как о трость. Побрел к выходу, отодвинул полог и, наклонившись, вышел в низкую дверь.

Изрядно стемнело, но светила растущая луна, бледные лучи озаряли темный берег огромной спокойной реки, а на водной глади пролегла лунная дорожка. Трава на берегу была по колено, к моему шатру вела протоптанная тропинка. Иногда в реке плескалась рыба — судя по звуку, немалых размеров.

Я постоял, вдыхая ароматный вечерний воздух. Прошел чуть в сторону, заглянул за шатер. Местность в противоположной от реки стороне слегка поднималась и сплошь заросла густым лесом. Не знаю, что это было — особый морской запах, ветерок, разлившаяся и почти неподвижная на вид река или шестое чувство, но я отчетливо ощущал близость моря. Оно где-то совсем рядом...

У входа в шатер в лунном сиянии поблескивали прямоугольные модули солнечных батарей. Ну да, электричества-то больше нет. К тонкой осине проволокой был привязан деревенский умывальник, под ним кто-то выкопал неглубокую ямку — чтобы вода не расплескивалась.

Вниз по течению плясали отсветы костра и слышались голоса — преимущественно детские.

Я прошел несколько метров в сторону костра по тропинке, вытоптанной в густой высокой траве. Кроме шатра-лазарета, в котором я очнулся, на берегу в лунном свете виднелось еще несколько шатров и небольших палаток. Я разглядел знакомый минивэн, за ним загон из длинных веток, за которым время от времени топали и тонко бляели. Был тут и разборный душ с пластиковым баком наверху, и какой-то примитивный шалаш из веток и кусков брезента, и — подумать только! — мой родной автодом Adria Twin.

Костер горел за одним из шатров, но поблизости я не видел ни одного человека. Меня не охраняли.

Опираясь на битую, я доковылял до автодома. Открыл дверь, включил лампочку на “кухне”. Кажется, всё на месте. Однако автодом определенно обыскивали, раз достали битую. Все же непонятно, зачем мне ее принесли в лазарет? Чтобы я расколол парочку черепушек?

В спальне на незаправленной койке валялись мои любимые ножи: финка и стилет. И кобура вместе с заряженным пистолетом. Я тяжело опустился на койку, нацепил всю эту сбрую. Подумал и вышел, тихо прикрыв дверь.

Затем пошел к костру.

Вокруг огня на складных стульях сидели детишки, штук десять. Матьер тоже была здесь, сидела ко мне спиной и о чем-то весело разговаривала. Кирилла не видать... Дети смеялись, болтали, поджаривали на длинных палках на открытом огне что-то — не то маршмеллоу, не то мышей...

Пока я мялся поодаль от шумной компашки, не зная, как поступить, одна из девочек, лет тринадцати, поднялась, сморщившись от дыма, обошла костер и принялась выгонять мальчишку помладше, который стругал ножиком деревяшку.

— Эй, Тимка, брысь отсюда!

Я вздрогнул и с запозданием сообразил, что обращаются не ко мне, а к мальчишке.

— Чего? — заныл тезка.

— Там дымно. Не хочу под дымом сидеть.

— Я тоже не хочу!

Девочка, крепкая, упитанная, коротко подстриженная, уперла руки в боки.

— Ты — Ремесленник, — нравоучительным тоном, явно повторяя чьи-то слова, проговорила она, — низшая каста. А я — Балагур, высшая. Ты обязан мне уступить!

Тезка, востроносый и худенький, вопросительно посмотрел на Матьер. Та мягко сказала:

— Уступи Наташе место, Тима, ты же мужчина.

Тимка помрачнел, встал и ушел в темноту.

Наташа-Балагур сразу бухнулась на его стул и закричала вслед парнишке:

— Эй, ты куда поперся, обижака?

Анфиса-Матьер ее одернула:

— Оставь его. Он еще не привык, что вы не равны.

Я сделал шаг назад. Что за хрень? С чего это они не равны? Что за разговор о кастах?

Неожиданно Матьер обернулась и пристально посмотрела на меня... кажется, на меня. Вряд ли обычный человек способен разглядеть кого-то в потемках после того, как смотрел на огонь. Но Матьер — необычный человек. Она уже смотрела на меня так — когда я прятался за пригорком у роши Ушедших, а вся эта орава приехала на минивэне совершать языческий обряд.

Она отвернулась, и я так и не понял, видела она меня или нет.

Если видела, то не стала приглашать к огню.

Меня здесь не держат.

Я повернулся и побрел назад, в свой шатер. Когда тебя не держат, и убегать нет смысла. Интересно и глупо устроен человек, подумал я. Одни противоречия...

Улегся на мягкое ложе. На прогулку ушли остатки сил.

Вскоре за стенами зашуршала трава, полог распахнулся, и вспыхнул свет фонаря. Зашла Матьер, шелестя длинной юбкой. Щелкнула чем-то, под потолком зажглась светодиодная лампа, которая питалась, очевидно, от аккумулятора, а аккумулятор заряжался целый день от

солнечных панелей. Анфиса выключила фонарь, подошла и протянула ланч-бокс. Я сел, молча взял контейнер, открыл. Жидкий рис, почти суп, в нем плавают разваренные кусочки темного мяса неизвестного происхождения. Скорее всего, дичь.

Я достал из щели в стенке ланч-бокса пластиковую ложку и принялся торопливо поглощать еду. Оказывается, пробудился аппетит.

— Не спеши есть, — сказала Матьер своим певучим голосом. — И не спеши никуда бежать. Ты не в плену, а в гостях. Насильно здесь ни единую душеньку не держат. Переночуй, поговори с Кириллом, тогда и решишь, как дальше поступить.

— Не собирался я никуда бежать... — проворчал я.

— Вот и ладненько.

Она направилась к выходу, но в дверях остановилась. Улыбнулась:

— Все-таки ты, видимо, знак Огня, Тим. Чувствуется в тебе что-то огненное... Кстати, не забудь выключить свет на ночь: кровососы налетят — не выгонишь.

Ушла.

Я опустошил ланч-бокс, положил в него ложку и закрыл. Потянуло в сон. Я выключил свет, лег и мгновенно уснул.

Сны не снились. Давненько я так крепко не почивал. Закрыл глаза, открыл — уже утро и светло.

Повалявшись немного, встал, умылся у деревенского умывальника холодной водой. Отлил за деревом, не найдя сортира поблизости. Видимо, для пациентов лазарета для таких случаев служит горшок.

В лагере царила тишина, если не считать пения птиц и возни коз в загоне. Народ дрях. Да и рановато было, солнце толком не поднялось из-за леса, на траве поблескивала роса.

Приятно шумела река. Примерно в ее середине чернели пятнышки — утки.

Я выспался и был не прочь позавтракать. Комары вроде бы не беспокоили; чесалась лодыжка, но я не стал обращать особого внимания на такую мелочь. Слабость все еще чувствовалась, но по сравнению со вчерашним состоянием — никакого сравнения. Я сутки валялся в обмороке и, как говорится, не жрамши. Теперь организм требовал восполнить пробел. Итак, меня будут кормить?

Вернулся в шатер, не дождавшись никакого шевеления в лагере. После прохлады на берегу в шатре было тепло и уютно, несмотря на дыру в потолке.

Минут через пятнадцать я услышал шаги. В шатер вошли двое — Матьер Анфиса и Кирилл.

— Привет, Тим, — сказал шкет, усаживаясь на стул. — Я пришел рассказать тебе кое-что.

Голос был мальчишеский, но интонация и то, как он строил фразы, были неуловимо взрослыми.

— Что именно? — спросил я.

— О том, что такое Три Волны, кто такие Дети Земли и что должен делать Палач.

— В прежней жизни, — начал Кирилл, закрыв на несколько мгновений глаза, словно сказочник, — давным-давно, меня звали Вадхак.

Я сел на постель и оперся спиной о гору подушек. Матьер присела на матрас поблизости. Таким образом, Кирилл — или как его там? — возвышался над нами, сидя на стуле. Мы были как дети, слушающие рассказ старого дедушки.

— Это было очень, очень давно, и мне было столько же лет, сколько и тебе, Тим. Или чуть больше. Я работал подмастерьем в одной из... как бы это назвать... одной из молекулярных кузен столицы моей страны... Хм, я не помню ни одного названия... Лишь свое имя. Даже имя своей невесты не помню...

Он ненадолго задумался, снова прикрыв веки. Нельзя так притворяться, подумал я. Отчего-то была уверенность, что меня не разыгрывают; что Кирилл — точнее, Вадхак — говорит правду.

Оживленно встряла в монолог Мать Анфиса:

— Это была Атлантида, прикинь, Тима? Или Лемурия...

У меня не было желания ничего прикидывать. Я ждал продолжения истории.

Кирилл открыл глаза и воззрился на Анфису.

— Это ваши названия, Мать Анфиса, а не мои... то есть настоящие. Но неважно. Я был самым обычным парнем, собирался накопить на свадьбу и жениться на любимой девушке. А еще переехать ближе к морю, где застройка не такая плотная... Но грянули Три Волны, и моим планам не суждено было осуществиться.

Вероятно, выражение моего лица изменилось, поскольку Вадхак-Кирилл удовлетворенно кивнул.

— Да, именно так. Ничто не ново под Луной. Произошло почти то же самое: одни сошли с ума, другие превратились в растения, третьи стали по ночам перекидываться в страшил. А я остался тем, кем был. Из тех, кто, как и я, сохранил свою сущность, рожденных в любви, проявились со временем девять каст Детей Земли: Балагуры, Певцы, Зрячие Лозоходцы, Мастера, Заклинатели, Охотники, Ремесленники и Сеятели. Ну а Палач оказался неприкасаемым...

Я спросил:

— Ты Палач?

— Да. Как и ты. Одна из моих задач в эту эпоху — провести тебя через Испытание. Ты его успешно прошел в подземелье. Если бы не прошел, мир остался бы без Палача... Дети Земли — это зародыш новой цивилизации, призванной трудиться на земле. А Палач должен защищать их от опасности и расчищать путь. Что касается Трех Волн — то это защитный механизм, который срабатывает автоматически, когда человечество начинает стремиться ко злу, самоуничтожению, загрязнению природы, своего дома, бездумному уничтожению себе подобных и не только... Три Волны — это способ начать все сначала. Способ перезагрузить мир. Моя родина слишком заигралась с опасными энергиями в самых глубинах первовещества... Кажется, из-за нас случился Всемирный Потоп... Если бы вспомните точно... И кажется, из-за взрыва нашей межпланетной станции погибла планета между Марсом и Юпитером... Зрячие — это инкарнации Праотцов, тех, кто когда-то уже пережил Три Волны и теперь восстал из мертвых, чтобы показать новым поколениям путь.

Я захлопал глазами, не успевая переваривать поступающую информацию. Защитный механизм? Межпланетная станция? Чего, блин?

В ушах зазвучали слова Матери Киры:

“Три Волны — это второй шанс человечества. Но пошел он не по плану. Лишнее доказательство, что долгосрочное планирование оборачивается всякой ерундой”.

— Три Волны запрограммированы в самом генетическом коде человека, — пояснила Анфиса. — Каждого человека. Когда окружающая среда наполнена опасными веществами, радиацией или еще чем-то, наши организмы это улавливают, и срабатывает программа.

Через общечеловеческий эгрегор, надо полагать.

Я обратился к Кириллу:

— Я не понял... Ты жил десять тысяч лет назад... У вас была высокоразвитая цивилизация, даже более развитая, чем наша... И были Три Волны, которые ее разрушили... И были Праотцы, показавшие вам путь развития, который привел к новым Трем Волнам. Кто такие эти Праотцы, которые разрушают цивилизации, но не могут нормально показать путь?

— Это не их вина, — улыбнулся Кирилл. Он выражался не просто как взрослый, даже пожилой человек, а как профессор какой-то. Начитался литературы, что ли? Или впитал современный язык магическим образом? — Праотцы — это люди, пережившие предыдущие Три Волны. Бывшие Дети Земли, обретшие способность реинкарнировать в Зрячих спустя века. Мы не духи, вселившиеся в тела детей. Мы и есть те давно умершие люди, рожденные снова в новом теле в преддверии очередных Трех Волн. До конкретного момента наша память заблокирована. Но механизм Трех Волн будет постепенно освобождать нашу память... Я до сих пор не все вспомнил и не уверен, что вспомню... Умирать и рождаться снова непросто. Часть тебя умирает навсегда. Когда умрет это тело, я умру насовсем, надо полагать. И если в далеком будущем снова грянут Три Волны, Праотцами для далеких поколений будут нынешние Дети Земли. Это как эстафета, понимаешь?

Я открыл рот, но не издал ни звука. Мозги кипели.

— Зрячие родились за несколько лет до Первой Волны, — сказала Анфиса. — То есть подготовка к перезагрузке, как я понимаю, происходит загодя.

— Мы не знаем, кто был самым первым Праотцем, — сказал Кирилл. — И кто создал этот механизм. Это случилось давно даже по меркам... хм... Атлантиды и Лемурии. — Он усмехнулся. — И не знаем, сколько раз по Земле уже прокатывались Три Волны. Возможно, самые первые Праотцы прибыли на Землю из космоса. А может, сами собой обрели великие, почти божественные силы.

Я поджал губы. Конспиролог Ян говорил о божках второго порядка. Этот укурыш был прав?

“Этих узкопрофильных богов еще считали родоначальниками человечества или праотцами...”

— Но у нас, рожденных вновь, почти нет никаких особых сверхсил, кроме памяти о былом... да и она дырявая. Наша основная задача — наставлять вас.

— Все Зрячие вспомнят, что они Праотцы... или Праматери? — спросил я, подумав о Владе. Любопытно, раньше Кирилл тоже не мог говорить, как Влада? Или был немыхачим как Толик? И заговорит ли Влада, когда вспомнит, кто она такая?

Что она мне скажет?

— Да. Таков алгоритм. Но его нарушил один древний — древний даже для меня. Падший. Отступивший от Первоначального Замысла. Он не рождается, как мы, лишь в эпоху Трех Волн. Он реинкарнирует постоянно, во все времена, словно гилгул — дух, неспособный обрести покой... И, возможно, незаметно управляет миром, направляя его к гибели, к самоуничтожению. Если бы не это порочное извращение Первоначального Замысла, все было бы иначе. Первая Волна превратила бы гневных людей, тревожных людей, людей с психическими проблемами и просто несчастных людей, невротиков, диктаторов, психопатов, коих неисчислимо количество, в мирных, добрых и отзывчивых.

— Буйные должны были стать Мирными?

Кирилл кивнул.

— Первая Волна погасила бы пламя ненависти и остановила все конфликты, все войны. Падший же превратил их в безумцев, которые отдали энергию для его возрождения. Вторая Волна повела бы добровольцев, которые были готовы своими телами восстановить уничтоженную биоту...

— Чего? — вырвалось у меня.

— Читал скандинавские саги? — спросила Анфиса. — В мифах викингов есть такой Имир. Первочеловек. Из его тела асы сделали мир. А в Древней Индии есть легенды с Пуруше, тоже первочеловеке, который дал жизнь не только людям, но и животным, и растениям, и даже неживой природе. Вероятно, это отголоски реальных событий.

— Но кто согласен из своих тел восстановить природу? — возмутился я, припомнив путешествие сквозь роццу Ушедших. Искаженные тела, сплюснутые руки и ноги, кошмарные деревья, слепленные из голых людей — то ли живых, то ли нет...

— Ты удивишься, но очень многие, — сказал Кирилл так уверенно, что не возникало сомнений: он в это верит целиком и полностью. — Многие готовы отдать жизнь ради вселенной... и обрести жизнь вечную как часть природы.

— Мы все рано или поздно станем частью природы, — проворчал я.

Анфиса живо отреагировала:

— Вынужденно. А здесь — осознанный шаг. Сколько в старом мире было наркоманов, алкоголиков, токсикоманов и просто несчастных людей, которые не знают, зачем живут? Так называемая биомасса? У кого на бессознательном уровне плавают идея о самоубийстве? Кто смотрит с балкона десятого этажа, или с моста в реку, или задумчиво вертит в руках опасную бритву — но не решается на этот шаг? Кто чувствует пустоту в душе? Этим людям не хватало Смысла. Они хотели отдать миру что-то, но не знали, что. А Вторая Волна давала им эту возможность. Возможность сакрального жертвоприношения самого себя.

Когда Анфиса упомянула тех, кто смотрит с моста на реку, я отвел взгляд.

— Третья Волна, — продолжил Кирилл, — породила бы Спасителей. На случай, если среда изменилась бы слишком сильно и стала агрессивной. Например, после атомной войны. Спасители обладали бы способностью менять свои тела в широком диапазоне... Они должны были спасать, а не сидеть в закрытых помещениях и мучиться от голода! Падший искажил Замысел, потому что он есть Зло.

Я представил родителей в роли Спасителей. Мы бы вместе ехали на юг... в компании других Детей Земли...

— Но чего ему надо, Падшему? Цель-то у него есть? Неужели хочет просто подосрать всему миру?

— Он безумен, — вздохнул Кирилл. — Его цели нам неизвестны. Ты поймешь цели душевнобольного?

Наступила пауза. Вдали зазвенели детские голоса, кто-то чем-то застучал, заплескала вода.

Мать Анфиса тихо произнесла:

— Мы делаем что можем, чтобы облегчить страдания Людей-Деревьев. Они веде страдают. Есть старый ритуал... Кровь животных должна утешить их муки...

— Видел, — сказал я. Помолчав, спросил: — Так значит, я должен убить Падшего, верно? Убить еще раз, на этот раз окончательно? Как это сделать?

— Если нам всем очень повезет, то ты уничтожишь его так, что он больше не возродится. Мне не удалось. Падший силен и хитер. Убить его нужно на Спиральном

Кургане, с соблюдением особых ритуалов... Я что-то сделал неверно, и он обманул смерть, из-за чего пострадали миллиарды.

“Падший Праотец наш! Как тебя пытали на Спиральном Кургане, как резали твою плоть и рвали на куски, как тебя убивали, ТАК И Я БУДУ ПЫТАТЬ, РЕЗАТЬ, РВАТЬ И УБИВАТЬ ЖЕРТВУ ВО ИМЯ ТВОЕ!” — словно наяву услышал я низкий, гортанный голос Даши бредущей по кругу из тухлого мяса и крови.

Я поднял глаза на Кирилла.

— Ты пытал его, да? Резал и рвал на куски?

Что-то промелькнуло по чистому детскому лицу Праотца Вадхака.

— Да, — после паузы сказал он. — Я пытал его.

Я перехватил взгляд Матери на Кирилла. Она была шокирована. Не знала о такой неприятной подробности? А о том, что в подземелье сидели Глашатаи и еще какие-то существа, которых тоже, видимо, пытали, она в курсе?

— И всё было зря, — прошептал Кирилл, понурившись. — В том, что случилось, есть и моя вина.

— Значит, правильный ритуал вам тоже неизвестен? — спросил я.

— Известен. Ход правильного ритуала явится Палачу в нужный час. Ты просто вспомнишь его, будто всегда знал. Но легко ошибиться.

— Почему?

Кирилл удивленно приподнял брови.

— Потому что убивать живое существо непросто.

Я хмыкнул. Вот уж не ожидал услышать такое от древнего палача.

— В чьем теле он возродился на этот раз?

— Если бы знать...

Я нервно хихикнул:

— Весело! Убей не знаю кого, не знаю как, не знаю чем.

Закружилась голова — от всего услышанного, от перенапряжения или еще от чего-то.

“Как пали пред тобой Матери и Отцы, и Дети их, так падет каждый, кто выжил, или будет втоптан в грязь!” — прорычал голос Даши у меня в памяти.

Я обратился к Анфисе:

— А вы кто такие?

— Просто Матери. Часть Великого Замысла. Защищаем и бережем Детей Земли. Кто-то ведь должен заниматься стиркой, готовкой и менеджментом? Раньше я была терапевтом... и немножко целительницей.

— Почему я чувствую вас не так сильно, как Матерь Киру?

— Возможно, Община Киры — это твоя Община. Ты должен быть с ними. Поэтому вы чувствуете друг друга сильнее, чем людей из других Общин.

Я поджал губы. Ладно, с этим более-менее разобрались...

— У Падшего есть группа поддержки, — сообщил я Кириллу. Рассказал о Даше. Допустил мысль, что она не одна такая. Откуда-то она ведь узнала, как проводить ритуал жертвоприношения?

Анфиса и Праотец Вадхак переглянулись.

— За века Падший собрал своих сторонников, — сказал Кирилл. — Видимо, организовал что-то вроде секты, которая пробудит его силы, если безумцы Первой Волны не справятся. Это усложняет задачу. Однако зря ты думаешь, что мне неизвестно, как убить

Падшего. Я дам тебе Оружие Палача. Это еще одна из моих задач.

Он показал на биту, лежащую у моих ног. Я недоуменно вылупился на нее.

— Бита? Моя бита?

— Расписная Бита, — хихикнула Анфиса. — Пока ты был в отключке, Вадхак ее заколдовал. Ею ты убьешь проклятого гилгула, того, кто возрождается, врага рода человеческого. Отныне это твой Экскалибур, или Мьельнир, если можно так выразиться.

Я фыркнул:

— Раз уж ты умеешь заколдовывать Мьельниры, почему не смог убить Падшего? И почему сейчас это не сделаешь, если уж реинкарнировал?

— Дело не в оружии и не в магии, а силе духа. У меня не было ее тогда, и нет сейчас. Сейчас твоя эпоха, Тим. Моя задача — передать тебе эстафету. Если ты проявишь силу, то станешь последним из Палачей.

Я не совсем понял, о какой силе духа он говорит, но выяснять не захотел. Спросил:

— А другие Палачи? Зрячие, Балагуры, Охотники и прочие — их же много! И Матерей с Отцами много! Значит, Палачей тоже должно быть несколько? Мы объединимся и победим Падшего!

Анфиса отвернулась, заинтересовавшись ярким лаком на ногтях. А Вадхак-Кирилл впервые посмотрел на меня с состраданием.

— Ты один, Тим. Единственный Палач на планете, если не считать меня. И Падший один. Только ты можешь убить его и спасти всех людей. И больше никто. Таков Великий Замысел Праотцов.

Анфиса и Кирилл ушли, и я снова остался один.

Да, дела! Не представляю, кем были самые первые Праотцы, разработавшие свой сраный Замысел, то планировщики они были говенные. Все сделали через жопу. И Падшего не победили, и Палача задумали только одного — что за идиотизм? Немудрено, что мир постоянно катится в тартарары.

Хотя, не исключено, все испортил Падший. У него было охренительно много времени, если он реинкарнирует постоянно.

А кто запретил Праотцам реинкарнировать постоянно?

Эх, чего сейчас думать-то?

Информации я получил выше крыши, и она еще не вся переварилась. Одно понял точно: я влип. Придется мне отдуваться за всех по полной программе.

Или нет?

Могу ли я плюнуть на свои священные функциональные обязанности, не убивать Падшего, а просто жить себе как раньше? Приеду на Черное море, заведу хозяйство, заткну уши и буду напевать, что все хорошо и просто отлично... В прежнем мире таких людей было завалишь.

“А ты сможешь жить как раньше? — беззвучно спросил голос Голлума в голове. — После того, что узнал о себе?”

Смеагол промолчал, но я и так знал ответ.

Не смогу.

Та сила, что гнала меня куда-то, не даст засиживаться.

Есть ли у меня вообще свобода воли или я винтик в чужой игре? Чтобы проверить, надо сделать все наоборот: разломать к чертям Расписную Биту, упрямо сесть на задницу и не

вставать, гори все синим пламенем.

Я покосился на битую — на свой Экскалибур. Цветочки, нарисованные Владой, и имя “ТИМ” ярко пламенели на Оружии Палача. Нет, не смогу разломать, рука не поднимется. Если бы Влада ее не разрисовала...

Я дернулся. А ведь все сходится! Сама судьба, в которую не верил Павел, ведет меня на Спиральный Курган, на встречу с Падшим. Выбора нет. Точнее, есть, но он уже определен. Я не разобью битую, потому что ее украсила немая девочка, к которой я, оказывается, неровно дышу; не займусь хозяйством на берегу Черного моря, потому что душа моя не найдет покоя. Горящими неоновыми стрелками судьба указывает мне путь. У меня есть выбор — и я его сделаю так или иначе.

Мысли о Владе перескочили на тот день, когда мы остановились в частном доме и Влада собирала из кубиков слова. “Сбор” — было там такое слово. Про Падшего уже выяснил, а вот что за Сбор такой? И почему она рисовала хороводы, похожие на круговорот Буйных?

У Падшего есть группа поддержки, а у меня? Поддержат ли меня в нужный момент все эти Дети Земли? Или отвернутся, скажут, мол, не наше это дело, согласно Великому Замыслу ты должен корячиться один? Отвернется ли Влада вместе с остальными?

Помощников нет, одни советчики.

Я заметался по шатру. Слабости как не бывало, но выздоровление не радовало.

В глубине души я понимал, что Замысел Праотцов — вовсе не идиотизм. Ребенку тоже иногда кажется, что запреты родителей — это что-то жутко несправедливое и неправильное. Но он вырастает и понимает — как правило, понимает, — что в запретах есть смысл.

Возможно, даже в том, что случилось со всем миром, есть какой-то смысл.

Я вышел из шатра, по привычке захватив с собой битую. Солнце поднялось, стало жарковато. Рябь на реке ослепительно сверкала. Кто-то из детишек рыбачил на берегу.

Вдруг ужасно захотелось прыгнуть в автодом и поехать к морю. Там будут ждать Мать Кира и Влада с Котейкой. Я останусь жить в Общине Киры и ждать знака. Падший наверняка даст знать о себе. Он уже не раз мне снился и мерещился... Буду действовать без планов, по наитию, как советовали Кира и Ян. Не может быть никаких планов в мире, где ничего не известно заранее. Даже Праотцы ни черта не знают, и память у них дырявая.

Я задумался и не сразу заметил, что рыбак исчез, а на поляне, где давеча горел костер, возникла движуха. Вверх потянулся столб белого дыма, запахло жареной рыбой.

Пошел туда. Дети поставили длинный разборный стол, две такие же длинные скамейки, начали шумно усаживаться.

Парень — Отец Общины — помахал мне рукой, приглашая присоединиться.

— Идем завтракать, Тим! — крикнул он так, будто мы с ним друзья не разлей вода.

Я молча подошел, сел, поставив битую у колен. Здорово проголодался.

Мать возилась возле импровизированного очага из камней, ей помогали двое: тот самый пацан, который рыбачил, и еще один, с красным обгоревшим лицом и белыми вихрами.

Уже знакомая наглая девочка Наташа не помогала, зато болтала без умолку, шутила, кривлялась, и дети похохатывали. Видно, развлекать общество у нее получалось недурно. Высшая каста, блин!

Отец принялся ухаживать за мной, как за уважаемым гостем, пододвигать тарелки, что-то накладывать. Много не болтал. Простой, как три рубля, мужик. Представился Даниилом.

— Как вам у нас, нравится? — вежливо осведомилась Наташа. — Мы так за вас переживали, когда вы проходили испытание...

Она беседовала со мной с таким видом, словно меня здесь все давно знают. Это работа Балагура такая — занимать гостя, чтобы он не чувствовал себя чужим и лишним? Захар, помнится, тоже меня развлекал.

Наташа, не слишком заботясь тем, что я помалкиваю и налегаю на жареную рыбу и пирог с сухофруктами, начала всех присутствующих мне представлять:

— Из Высшей Касты — или Касты Неба — у нас... э-э-э... я, собственно. Наталья меня зовут, я — Балагур, Летописец и Управленец. Еще Певунья, она же Хранительница Традиций Алена и Зрячий Кирилл, который проявился как Праотец Вадхак...

Я огляделся. Кирилл за столом не было. В падлу ему со всеми завтракать, что ли? Сидит один, как сыч, у себя в шатре и хомячит?

— Средняя Каста — Каста Древа, — продолжала Наталья без запинки, как по бумажке. — Это у нас Лозоходец Сергей, он ищет воду, съедобные растения и грибы и места, где хорошо охотиться... Еще Мастер Светлана, она делает разные крутые механические штуки. И Заклинатель Забава, она может вызвать хорошую погоду.

Я глянул на Заклинателя. Забаве было лет семь, совсем малютка с веснушками и смешными косичками. Это дите вызывает хорошую погоду?

— Низшая Каста, или Каста Земли... Охотник Мирон, Сеятель Варвара и Ремесленник Тим...

Мирон, кстати, был тем самым краснолицым блондинчиком.

Я выпрямился.

— Где он? Где мой тезка?

За столом мальчишки не было.

Наталья в кои-то веки смутилась. Быстро зыркнула в сторону шалаша из веток и разномастных кусков брезента, который я заприметил еще вчера.

— Он наказан.

— Как это?

— Не уважает кастовость, — неохотно проговорила Наталья-Балагур. — Пропустит завтрак — ничего с ним не сделается. Зато будет знать...

Не договорила. А я не спускал глаз с шалаша. Это что у них, своеобразный карцер?

Мать Анфиса сказала:

— Со временем научится уважать. Это же дети, вечно бунтуют...

— А без каст никак нельзя? — осведомился я, чувствуя, что залез на зыбкую почву. Однако останавливаться не собирался.

— Иерархия необходима, — спокойно объяснила Анфиса. — Иначе будет хаос, бардак. Во всех коллективах животных в природе есть иерархия. Бывают иерархии двух типов: в виде “закона джунглей”, когда за место под солнцем надо драться, и такая, как наша, когда иерархия зависит от Дара и не требует насилия и сражений.

Я медленно, с расстановкой сказал:

— Вчера я видел насилие. Когда Наташа выгнала Тима с его места у костра.

За столом замолчали. Наташа смотрела на меня чуть испуганно. Отец уткнулся в тарелку — он тут ничего не решает, трутень хренов. Анфиса сверкнула черными глазами в сторону Наташи, и та поспешно сказала:

— Он не против. Такова его судьба.

Хорошо ее обучили, однако!

— Не думаю, что судьба существует, — повторил я слова Павла.

Встал, и все вскинули на меня глаза. Сидеть за этим столом я больше не мог. Тем более наелся. Моя Община — Матери Киры. Здесь я чужой. Мне нужно на юг. На море. Некогда здесь чай гонять.

— Вы сказали, Анфиса, — сказал я в полной тишине, — что здесь никого не держат.

— Верно, — отозвалась она настороженно.

— Тогда спасибо за еду. За медпомощь благодарить не буду — если б не ваше испытание, помощь мне не понадобилась бы. Я уезжаю. Прямо сейчас.

Мать и Отец заулыбались. Дескать, езжай, мы не против.

Я продолжил:

— Если мой тезка не против, я заберу его с собой.

— Тим, погоди, — заторопилась Анфиса. Ее смуглое лицо вытянулось.

— Никого не держат! — перебил я. — Или я что-то не так понял?

Ее плечи поникли. Она не хотела со мной спорить. Или не могла. Кирилла не было рядом, а Отец Даниил молчал в тряпочку. До меня вдруг дошло, что они немного боятся меня. Все они. Несмотря на свои сверхспособности.

Я перешагнул через скамейку и, подхватив битую, уверенно зашагал к шалашу. Откинул полог и заглянул внутрь. Внутри в несколько слоев были постелены стоптанные половики и коврики, на них лежал старый матрас без простыни, а на нем сидел Тим и читал книжку. Тоже старую, читанную-перечитанную.

Он удивленно поглядел на меня.

— Хочешь со мной? — отрывисто спросил я. — К морю поедем.

Он заколебался, но ненадолго.

— На автодоме? Хочу!

— Тогда пошли.

— Но Мать...

— Мать не против, я все разрулил.

Рот у пацана растянулся до ушей, он шустро выскочил из палатки, но книгу не оставил. Видно, собирался дочитать.

— Подожди-ка минутку...

Я размахнулся битой и врезал по палатке. Она повалилась. Я нанес еще пару ударов, превратив ее в кучу палок и брезента. Починить ее не проблема, конечно, но мне было приятно раздолбать этот “карцер”.

Когда мы проходили мимо притихшего стола, Мать негромко сказала вслед:

— Во всех Общинах одна и та же система.

— Значит, мы создадим новую Общину, — отрезал я.

Мы сели в автодом, я завел двигатель. Бензина оставалось маловато, но до трассы дотянуть хватит; там заправимся из бензобаков брошенных машин. Тим с восторгом крутился на вращающемся кресле пассажира. С собой, кроме книги, он прихватил потертый кожаный рюкзак. Еще на поясе висел самодельный ножик в деревянных ножнах и мешочек не пойми с чем.

Не без труда развернувшись на берегу, я увидел заросшую травой колею и поехал по ней сквозь лес. Община провожала нас пристальными взглядами. Поняли ли они, зачем я забрал Ремесленника? Понял ли я сам?

Зачем мне этот пацан? Потому ли, что мне страшно одиночество? Или потому, что стало жалко этого представителя “низшей касты”?

Иными словами, для кого я совершил этот поступок — для него или для себя?

Наверное, все-таки для него. Ведь на самом деле я перестал бояться одиночества. Моя жизнь обрела Смысл, и этот Смысл мне не нравился. Его мне навязали, я не просил о нем. Но должен ли нам нравится смысл нашей жизни? Мы не выбираем ни наших имен, ни времени, когда жить, ни страны-родины, ни семьи. Мы — рабы без права выбора от рождения и до смерти. За нас давно все решено.

Я покосился на тезку — тот с таким восторгом смотрел на расстилавшуюся впереди трассу, что я заулыбался. Пусть мы рабы. Но сегодня я вызволил одного мальчишку и разломал один карцер. Завтра, глядишь, разобью еще чьи-нибудь оковы. Посмотрим.

А сейчас мы заправимся и поедem на юг, к морю.

И снова дорога: мерный гул двигателя, серое полотно трассы впереди, мои руки на руле, правая нога на педали газа, а лобовое стекло сплошь залеплено раздавленными букашками.

Тезка, одиннадцатилетний худенький пацан, копошился на соседнем сидении, что-то химичил с трубками, которыми я сливал бензин с других тачек. Когда он достал самодельный ножик из деревянных ножен на поясе и начал обрезать трубки, я было забеспокоился, но затем махнул рукой: Ремесленник не должен испортить мое “оборудование”.

И впрямь — не испортил, а проапгрейдил. Сделал мудреную штуку из двух трубок, втиснутых через притертую пробку в полторалитровую баклажку. С ее помощью можно было слить бенз без риска наглотаться. Пару часов назад я и наглотался, когда заправлялся; Тимка, естественно, это заметил.

— Класно, — оценил я, когда мы остановились и опробовали эту новую приблуду. Втягиваешь воздух через трубку, а бенз стекает в баклажку, а не в твой рот. Правда, можно надыхаться испарениями, но это лучше, чем хлебнуть. — Что еще умеешь?

Тимка зарумянился, замялся. Стянул перчатки и сунул их в мешочек на поясе. Пожал плечами.

— Не знаю... Я не Мастер, но кое-что умею. А что надо сделать?

Я пошарил вокруг глазами. Ничего подходящего для того, чтобы заценить способности Ремесленника, поблизости не нашлось. Мы остановились на трассе в чистом поле, далеко вдаль виднелся лес и поблескивала огромная река. По синему небу плыли “многоэтажные” кучевые облака. Я заглянул в автодом, достал Расписную Биту, которая внезапно стала Оружием Палача.

— Да вот, сделай рукоять, чтобы в ладони не скользила.

Тимка оживился, вытащил из рюкзака тонкую веревку и принялся обматывать ее вокруг рукояти биты. Я сунул “высасыватель бензина” в салон, обошел машину и запрыгнул за руль. Тимка, не отвлекаясь от дела, уселся рядом. Мы поехали, а я подумал:

“Полезный пацан этот Ремесленник. Умеет строить... А не только ломать, как я”.

К вечеру слева от дороги неожиданно появилось море.

Я пропустил этот момент — много часов таращился на дорогу, глаз замылился. Тимка, который закемарил, шумно вздохнул, вытянулся на сидении, глядя куда-то налево. Я повернул голову — и обомлел.

За полосой земли до самого горизонта простиралась водная гладь. Лучи заходящего солнца разбивались на мириады искр на мелких волнах — в диапазоне от цвета расплавленного червонного золота до ослепительно-белого сияния.

— Море! — воскликнул Тимка.

А у меня перехватило дыхание. Не смог выдать ни слова.

Вот и прибыли. Наконец-то. Долгое путешествие на юг закончено.

Было радостно и страшно. Что дальше?

И где Матерь Кира со своим выводком? Почему я ее не чувствую?

Когда дорога вплотную приблизилась к берегу, я затормозил, и мы выбрались из машины. Берег был пустынен, дул легкий ветер, воздух теплый, почти жаркий и влажный. В

нескольких километрах к западу от нас среди деревьев белели дома и здания. Судя по всему, всякие пансионаты, санатории и зоны отдыха. Там берег был покатым и превращался в удобный пляж. А здесь, где мы остановились, был крутой и высокий глинистый обрыв, под которым тянулась широкая полоса каменистого берега.

Раскаленный красноватый диск солнца коснулся краешком моря и принялся в него погружаться.

— Искупаемся? — предложил я.

— Да! — восторженно завопил тезка.

Мы слезли с обрыва по размытой водой расщелине, разделись догола и, пробежав по колючим камням, нырнули в прохладную воду. Уже через несколько секунд вода показалась теплой. Легкая волна то поднимала, то опускала, тело потеряло вес, и из головы вылетели все тревоги...

— Завтра надо будет порыбачить! — сказал я, едва шевеля конечностями, чтобы держаться на плаву в соленой воде. — Крючки небось большие понадобятся!

— Не знаю! — радостно отозвался Тимка. — Я рыбачить не умею! У меня никогда не клюет. Я же не Охотник.

Я удивился:

— Охотник еще и рыбачит?

— Ну да. Охотник добывает еду. И зверя бьет, и рыбу ловит.

Я промышал что-то невразумительное, а сам подумал: не зря ли вырвал Тимку из Общины? Вдруг он не сумеет жить отдельно, даже с моей корявой помощью? Он ведь узкоспециализирован, как муравей.

Долго эта мысль не продержалась — уж слишком хорошо было бултыхаться в море, нагретом за длинный солнечный день. Будто сливаешься с ним. Рядом с морем все кажется мелочью. Море всегда меняется, но никогда не перестает быть собой.

Мы заночевали в автодоме, на двух койках в “спальном” отсеке в задней части машины. Мне было хорошо и не одиноко. Даже весело. Тимка не слишком разговорчивый, но и не немой, как Влада. Наверное, думал я засыпая, привяжусь к нему так же, как привязался к Зрячей. Любопытно, к Владе я прикипел, потому что больше никого не было рядом? Не было, так сказать, конкуренции?

Не придя ни к какому выводу, я заснул.

Приснилось, что я проснулся утром и увидел возле автодома припаркованные автобус и пикап. Вокруг полно народа, а среди них — Матьер Кира и Влада с Котейкой. Влада полностью поправилась и очень рада меня видеть. А я — ее.

Но потом я проснулся по-настоящему, а за окнами никого. Только море, равнина и ветер.

Настроение испортилось.

Я хмуро принялся умываться в тесной душевой кабинке. Тимка тоже проснулся и с настороженным ожиданием поглядел на меня, когда я вернулся в “спальню”. Видно, почуял мое хреновое настроение.

— Поедем вдоль берега, — заявил я после завтрака. — Я должен тут кое-кого встретить...

Поехали вдоль берега в сторону населенного пункта и через десяток километров наткнулись на обширную зону отдыха с отличным пляжем, которого сперва не было видно

из-за мыса. От волн пляж защищал длинный мол из огромных камней, многие из которых умельцы прошлого разрисовали граффити, у причала было много моторных лодок.

— Ты какой-то мрачный, — наконец осторожно отметил Тимка.

— Я должен встретить здесь знакомых, но их нет.

— Каких знакомых? Если Детей Земли, то мы их почуем! А если обычных, то... — Он задумался. — Надо бы радиопередатчик сделать. Тогда можно будет посылать сигналы.

— В моем городе был один тип, — сказал я. — После конца света он регулярно по вечерам выступал по радио. Рассказывал о своих теориях по поводу Трех Волн. Ни разу не угадал... Начинал передачу всегда дурацкими словами: “Еще не сдохли, Бродяги?” — Я улыбнулся сам себе. — Слушать его было приятно. Было ощущение, что еще не все потеряно. А потом у меня сломалось радио. Я его починил через несколько дней, но этот тип исчез. Наверное, уехал.

— Или сам сдох! — радостно подхватил Тимка.

Я покосился на спутника. Вздохнул:

— Или сдох. Сейчас сдохнуть — раз высморкаться.

Повинуясь неожиданному импульсу, я включил радио и покрутил колесико. Белый шум на всех волнах. Я выключил прибор.

— Ты катался на моторной лодке? — поинтересовался Тимка.

— На море — нет.

— Давай покатаемся?

“А почему, собственно, нет?” — подумалось мне. Мы приехали на юг. Дальше ехать вроде бы некуда. Не плыть же по морю еще дальше на юг? Торопиться некуда, времени сколько хочешь — надо ждать Киру, а она еще не прибыла. Дети Земли не опасны, а Бродяг мало, и они не объединяются. Остерегаться, очевидно, некого.

Разве что Падшего и его слуг вроде Даши...

Думать о них не было желания.

— Давай! — сказал я и осторожно надавил на педаль тормоза.

Мы остановились на узкой улочке приморского поселка, дома по обе стороны были переоборудованы в магазинчики, где продавались надувные матрасы, шезлонги, полотенца, воздушные змеи, удочки, крема от загара и прочая фигня в том же духе.

Я проверил на себе привычное вооружение: два ножа — большой и маленький, пистолет в наплечной кобуре. Повесил на шею автомат. Мы заглянули в несколько магазинов, я прихватил флакон крема от загара, Тимка нашел отличный набор инструментов.

Спустились по улице круто вниз, потом по цементной лестнице на пляж с грибочками зонтов — многих из них были повалены, — перевернутыми и сломанными от зимних ветров шезлонгами и разных хламом. Несколько лодок было потоплено — под слоем прозрачной воды белели их обтекаемые корпуса. В мелкий гравий выросли гидроскутеры.

Я наклонился, зачерпнул мелкую гальку, присмотрелся. Среди камушков было много ракушек.

Тимка пробежался вдоль всего причала и нашел целый катер с запасом топлива — кажется, это был дизель. Катер даже имел название, написанное синей краской вдоль обоих бортов — “Поиск”. Кто-то, наверное, бывший хозяин, заботливо накрыл его брезентом, поэтому дожди и штормы не залили его водой. Аккумулятор, понятное дело, давно испустил дух, но мотор можно было завести вручную. Пока Тимка сосредоточенно решал эту

проблему, нацепив рабочие перчатки и пользуясь новоприобретенными инструментами, я взялся снимать брезент и очищать сидения от грязи и пыли. Затем, чувствуя себя старым предусмотрительным пердуном, намазался кремом.

Ремесленник завел-таки двигатель — не с первого раза, но завел. Я вручил ему крем и уселся за руль.

Управлять судном оказалось сложнее, чем автомобилем. Катер постоянно несло куда-то не туда, а резко затормозить на воде нельзя. Все же я справился, и через несколько минут мы неслись на волнах вдоль берега.

Тимка заорал и засвистел от восторга, от скорости, волн и морского ветра, бьющего в лицо. Я тоже поддался настроению и, забыв об осторожности, вывернул прямо в открытое море.

Берег превратился в узкую пеструю полоску, прежде чем я остановился. Волна здесь была намного сильнее, катер болтался вверх-вниз, и я порадовался, что у нас нет морской болезни. Мы молчали и смотрели на бесконечное пространство вокруг, залитое солнечным светом.

Я прищурился, глядя на берег. Слева раскинулся город. Над его правой оконечностью поднималась белая струйка дыма.

Тело сразу напряглось, а пальцы потянулись к автомату, лежащему на сидении рядом. Я на секунду прикрыл глаза, вслушиваясь в собственные ощущения: нет, это не Матерь Кира. И не Дети Земли.

Это кто-то чужой.

Назад плыли — точнее, шли, по воде ведь ходят, а не плавают, — без криков и свиста. Мотор, казалось, гудел так, что все черноморское побережье слышит. Когда до берега оставалось совсем немного, глазастый Тимка заметил в небе черную точку — дрон.

Итак, за нами уже наблюдали. Шустрые, однако... Кто это? Кто-то вроде Бори, который запускал дроны над электростанцией? Он еще говорил, что рощи Ушедших блокируют радиосигнал... Жаль, здесь нет роц Полипов, нас бы не засекли...

Как только катер довольно чувствительно ударился левым бортом о бетонную набережную, обшитую, впрочем, старыми автомобильными покрышками, мы выскочили на твердую землю и бросились бегом к автодому. Дрон жужжал где-то наверху. Я надеялся, что это не боевой беспилотник, который может жахнуть нам по башке.

Добежали до автодома. К тому времени дрон куда-то пропал.

— Уедем отсюда, да? — запыхавшись, спросил Тимка. Востроносое лицо блестело от намазанного впопыхах крема.

Я заколебался. Уедем — а куда? Мы на месте, ждем Киру. Куда бежать? Зачем? От кого? Отныне здесь наша новая родина.

Долго раздумывать мне не дали. Выше по улице заурчал двигатель, и из-за поворота появился угловатый, камуфляжного цвета джип. Вроде бы “Вранглер”. Джип затормозил позади автодома, но не впритык — так, как если бы эти люди захотели ограничить нам маневр. Из джипа одновременно с разных сторон вылезли двое: высокий чугуномордый тип в военной форме без погон и прочих отличительных знаков и пухлый розовощекий парнишка, тоже в военной форме, тоже без погон, но форма эта ему явно не шла. Я про себя назвал чугунного Рико, по имени пингвина из Мадагаскара, а пухляша — Рядовым.

Кстати, Рико был вооружен автоматом “Вал”, а у Рядового на поясе висела кобура с

пистолетом.

Впрочем, никто в нас не целился.

— Дмитрий, — представился Рико, сделав неловкое движение, будто хотел отдать честь. — Назовите себя, пожалуйста.

— Тим, — представился я, демонстративно положив одну руку на свой автомат. — И... э-э-э... Тим.

Рико выпучил глаза и еще пуще стал походить на придурковатого пингвина. Наверное, решил, что над ним издеваются.

— Мы тезки, — уточнил я поспешно.

Рико кивнул и отчеканил:

— Эта территория находится в зоне контроля Базы.

— Какой Базы? Военной? Какая-то организация осталась с прежнего мира?

— Наша База — последняя на Земле, судя по всему, — мрачно сообщил Рико. — Прошу вас проследовать за нами для разговора с нашим главным.

Мы с Тимкой переглянулись. Я не чувствовал в этих мадагаскарских пингвинах Детей Земли или Отцов Общин. Обычные Бродяги. Но кто ухитрился объединить Бродяг, которые сроду не объединялись? Сколько их на Базе? Кроме этих двух, явно есть еще.

— Скажите, — все же спросил я, — а вы обычные люди? Без сверхспособностей?

Рико заметно напрягся, хотя и пытался сохранить чугунное выражение хлебoreзки.

— Мы обычные люди, — ответил он. — Но вооруженные и сплоченные. И мы заинтересованы принимать в свои ряды таких же, как мы.

Значит, произошло чудо и Бродяги скооперировались. Итак, что делать? Попробовать уйти мирно? Отпустят ли? Не начинать же перестрелку — этих двоих могут прикрывать свои поблизости. Поможет ли в этой стычке моя заколдованная Расписная Бита? Или она только на Падшего должна подействовать?

— А вы? — в свою очередь полюбопытствовал Рико-Дмитрий. — Обычные?

Я недолго раздумывал с ответом. Вроде бы понятно, что представляют из себя эти двое с неведомой Базы, раз так напрягаются при вопросе о сверхъестественных способностях. Мне выпало пообщаться с одним таким человеком, который ненавидит тех, кто не похож на него. При воспоминании о Яне у меня начинало болеть горло...

— Да, — твердо ответил я. — Простые Бродяги.

— Бродяги? — удивился Рико неведь от чего.

— Ну, те, кто выжил после Дня Икс. И при этом не обрел всякую паранормальщину.

Вдруг Рико расслабился, даже заулыбался — хотя впечатление было такое, словно заулыбался сливной бачок в туалете.

— Хорошо... Отлично. Бродягам наши двери всегда открыты. Приглашаем вас в гости.

— Мы пленники? — все же решил я уточнить. — Если мы откажемся, вы будете нас принуждать?

— Нет, ни в коем случае. Но в таком случае мы попросим вас покинуть нашу территорию. Мы ведь не знаем, кто вы такие и чего хотите.

— Ладно. Показывайте дорогу. Мы поедем за вами.

Никаких претензий по поводу моего предложения — дескать, вы поедете на нашей машине, а не на своей — не возникло. Рико и Рядовой, который ни разу не открыл рта, а только мялся и неловко улыбался, сели в машину, развернулись. Я запрыгнул за руль, Тимка — на свое место.

Минут пятнадцать мы лавировали по тесным улочкам южного городка вслед за внедорожником. Наконец дорога уперлась в мощные стальные противотаранные ворота, расположенные углом, с колючей проволокой наверху. Судя по грубо забитым в асфальт бетонным столбам, ворота установили здесь недавно. Высокую ограду — повыше, чем в противочумной станции — соорудили из разномастных цементных и металлических фрагментов.

Рико вылез из машины, поговорил с кем-то по другую сторону ворот. Ворота открылись, и мы с Тимкой увидели двух охранников в форме.

Мда, действительно военная база! И уже четыре Бродяги!

Вслед за джипом мы медленно проехали на территории Базы под пристальными взглядами охранников. И тут выяснилось, что “территория” раньше принадлежала зоне отдыха, так называемому “ресорту” — это слово было кое-где написано.

Удобные и аккуратные домишки с открытыми верандами, пустые бассейны, лежаки, чудом выжившие цветники и тенистые аллеи.

Территория довольно обширная, тянущаяся до самого моря, и вся огороженная высоким самодельным забором, который ужасно портил пейзаж. Рядом с воротами торчала сторожевая вышка, на которой маячила человеческая фигура. Вероятно, этот впередсмотрящий и спалил нас на море, а потом запустил дрон.

У каждого домика выстроились темные и блестящие прямоугольные модули солнечных батарей. Что ж, здесь юг, солнца много, глупо не воспользоваться дармовой энергией...

Итак, сколько тут человек?

Рико, Рядовой, два охранника, тип на вышке — уже пятеро. Есть еще их главный. Вряд ли он — один из охранников.

Кем бы ни был главный, человек это определенно экстраординарный, раз сумел собрать и дисциплинировать столько мужиков в одном месте.

Едва я подумал, что тут одни мужики, как из одного домика вразвалку вышла бабулька в переднике и с ведром. Мельком глянула на наш автодом и потопала к механической колонке, которую явно забили недавно.

Джип впереди остановился, и я выключил двигатель.

— А если нас не выпустят? — шепотом спросил Тимка.

— Выпустят, — сказал я как можно уверенней. — Не похожи они на психов.

— А если они узнают, что мы не обычные Бродяги? — не отставал шкет.

— Не узнают, если болтать не будешь, — раздраженно буркнул я, и Тимка замолк.

Мы выбрались из машины. Я огляделся внимательнее. Домики, выстроившиеся вдоль длинного двора с бассейнами, все были разного цвета. Наш автодом был припаркован возле розового, без признаков жизни. Были еще синие, голубые, лазоревые, красные и желтые. Из окна желтого, откуда вышла бабка с ведром, торчала коленчатая труба буржуйки; из этой трубы вырывался белый дым, который мы заметили с моря. Кухня это у них, что ли?

Между этим домом и соседним, лазоревым, была аллея, ведущая на широкую площадку — кажется, бывшее футбольное поле. За полем земля уходила вниз, к пляжу. Но на пляж я не смотрел, внимание приковало то, что стояло на поле. Пара громоздких бронетранспортеров, штук пять бронеавтомобилей, еще что-то большое было накрыто брезентом. Что там? Реактивная система залпового огня?

Это с кем они воевать собрались?

Двое парней, в шортах и майках, копошились возле всего этого вооружения.

Вот тебе и новости!

Да это же настоящая военная база, переделанная из санатория! С такими пушками можно завоевать весь оставшийся мир. И откуда они понатаскали столько барахла?

Рико невнятно забормотал в рацию. Рацию зашипела в ответ.

— Придется оставить оружие.

Я разоружился полностью, ожидая, что меня начнут шмонать, но ничего подобного не произошло. Тимка отцепил от пояса свой крохотный самодельный ножик, лезвие которого, впрочем, было сделано из закаленной стали.

Рико показал на лазоревый домик, и мы пошли туда.

У входа нас встретил вышедший из домика человек — крепко сбитый, практически квадратный, с бородкой, в камуфляжных штанах и совершенно несерьезной гавайке. На военного он похож не был — причем вовсе не из-за аляпистой рубашки.

— Еще не сдохли, Бродяги? — рявкнул он.

У меня отвалилась челюсть.

— Вы — тот самый радиолобитель? Вы вели передачу после Дня Икс три месяца!

Мужик самодовольно улыбнулся.

— Меня зовут Антон, и да, я — радиолобитель. Значит, мы с одного города? Три месяца я только у себя дома выступал.

Я взволнованно сказал:

— От вас я узнал о Трех Волнах... В смысле, о том, что Волны называются Волнами.. И Буйных называю Буйными, потому что вы их так прозвали... И Ушедших под Дьявольскую Музыку...

— И Оборотней, ага, — подхватил Антон.

— Я думал, что вы уехали. Или сдо... то есть умерли.

— Я уехал. Потом вел передачи по две-три недели в каждом крупном населенном пункте по пути сюда. Собирал Бродяг. Вот, собрал пару десятков и осел в этом благословенном месте.

Пару десятков? Надо же!

Понятно теперь, почему Рико расслабился при упоминании Бродяг. Это у них профессиональный жаргон; кто им владеет, тот входит в общество “своих”.

— Вы собирали Бродяг? А почему не сказали об этом в нашем городе?

Антон удивился:

— Как не сказал? Сказал. Может, ты пропустил передачи? Я об этом несколько вечеров подряд трезвонил перед своим уходом. И это... давай на ты, а? Меня напрягает это “выканье”.

— У меня радио сломалось, — сказал я. — Наверное, поэтому я и пропустил эту ва... твою передачу.

— Тогда ясно. Заходите, поговорим.

Встреча с этим человеком, которого я лично никогда не знал, но слушал его веселые передачи после конца света, сильно подняла настроение. Я уже не думал, что мы в плену. Я будто старого доброго друга встретил...

Вместе с Тимкой мы прошли за Антоном в прохладную гостиную с высокими, от пола до потолка, окнами. В гостиной было уютно и светло. В середине стоял Г-образный диван, перед ним — два журнальных столика и два кресла. У стены напротив окна на длинном

столе были полуразобранные колонки, радио, микрофон и аккумулятор.

Антон показал нам на диван, а сам бухнулся в одно из кресел.

— Расскажите о себе, — сказал он.

И я рассказал, как поехал на юг и по дороге встретил Тимку. С тех пор мы вдвоем. С другими Бродягами подружиться не получилось. Планируем здесь обосноваться.

В подробности своего полного приключений путешествия я не вдавался. Ни слова не сказал и об Общинах, своей роли Палача, Падшем и Праотцах.

Антон внимательно выслушал, не перебивая. Когда я закруглился, а это случилось очень быстро, сказал, показав на мое лицо:

— Вижу, не так уж гладко ехал. Шрамы.

— Всякое было, — не стал я отпираться.

— С кем?

— С другими Бродягами.

— А Мурашей... то есть паранормов встречал? Тех, кто в общинах живут и на касты делятся?

Мы с Тимкой переглянулись.

— С ними проблем не было. Только с Бродягами.

Антон задумался, почесал бородку.

— Да, Бродяги — они такие... Точнее, мы такие. Плохо работаем в команде. Каждый тянет одеяло на себя, у каждого свои наполеоновские планы, свое видение мире и своя философия. Все же мне удалось наскрести команду с более-менее похожими целями по жизни. С помощью радиопередач сплотил людей. Оказалось, многие время от времени включали радио в тачках, надеялись хоть что-нибудь услышать. Многие не ужились в нашей компании, ушли. Но в тех, кто остался, я уверен. Дело мы сделаем.

— Какое дело?

Антон искренне удивился:

— Как какое? Восстановление цивилизации, конечно!

Он выпрямился в кресле, замахал руками, как политик за трибуной на заседании.

— Для начала наберем большую хорошую команду. Начало уже положено. Потом связь надо восстановить по всей стране и за ее пределами, по всему миру. Уверен, есть и другие коллективы помимо нашего, но мы друг о друге просто-напросто не знаем. Я всюду, где побывал, оставил надписи на зданиях, билбордах, на асфальте краской, что еду на море и буду здесь создавать коллектив.

О как, подумал я. Ни разу не встретились эти его надписи. Не повезло. Хотя какая разница? Все равно я здесь. Получается, мы проделали один и тот же путь, только он времени зря не терял, тянул за собой Бродяг, консолидировал их, а я занимался всякой фигней. В основном, убийствами...

Интересно, он в курсе всей этой байды с Праотцами? Про Общины он знает...

Между тем Антон продолжал вещать голосом политика с трибуны:

— Команда у нас хорошая, есть военные, спецы по технике, ученый-биолог, врач. Оставайтесь, нам лишние руки и головы не помешают.

— Ученый? — оживился я. — Биолог?

— Ага. Георгий Маркович. Изучает Три Волны. А что?

— У меня есть лабораторный журнал... — начал я и рассказал об Ирине Леоновне и ее работе.

— Круто. Отдай журнал Марковичу, он у нас умный. Знаешь, Тим, я не слишком заинтересован сейчас в том, что случилось. Раньше был. Сейчас — не особо. Вирус это или не вирус — какая разница? Надо смотреть в будущее. И трезво оценивать настоящее. А в настоящем мы видим, что часть человечества пошла по какой-то кривой дорожке. Все эти Матушки да Батюшки, и прочие ребятишки... Я их называю Мурашами. Они как в муравейнике живут. Не уверен, что там, куда ведет их эволюция, будет шибко хорошо. Люди — существа свободные, а не мураши, раскиданные по кастам, во главе с самой главной Маткой.

Я осторожно сказал:

— У них вроде нет самой главной Матки.

— Если ты не встречал, это не значит, что нет, — отмахнулся Антон. — У них четкая иерархия, и это фактейший факт. Причем иерархия неестественная. Если ты в обычном человеческом обществе, допустим, инженер, то это не значит, что не сможешь переделаться во врача. А у них это в принципе невозможно. Родился Пахарем, Пахарем и помрешь. Никогда не станешь начальником — теми же Матушками.

Я не удержался, быстро зыркнул на Тимку. Пацан сидел молча, слушал. Ремесленнику никогда не стать Балагуром, получается? Или даже Мастером?

Если Антон прав, то все это хреново. А еще выходит, что у всех Общин должен быть один руководитель. Самый главный Праотец. Кирилл-Вадхак об этом не упоминал. Но он многое мне не открыл, прикрываясь потерей памяти... А что если никакой реинкарнационной амнезии у него нет?

Все же я возразил:

— Мы не знаем, куда ведет их эволюция. Может быть, новый мир будет лучше старого?

Антон закатил глаза и фыркнул.

— Почему все ругают старый мир? А потому же, почему в девяностые ругали Совок, а при Совке — Царскую Россию. При Романовых — Смуту, при Смуте — Ивана Грозного и так далее, ад инфинитум. До бесконечности. Это результат работы пропаганды. Даже сейчас, когда во всем мире остались считанные нормальные люди, и то по привычке плюются на прошлое. А заодно утешают себя, что виноград зеленый. Слыхал такую басню? Лиса не смогла достать виноград и сказала, что он-де все равно зеленый и неспелый. Старый мир для нас, как виноград для крыловской лисицы. Кстати, в фильмах последних лет Римская империя тоже показывалась, как обитель порока и разврата. Что там все друг с другом как попало сношались...

Антон глянул на Тимку и закашлялся.

— А этого вовсе и не было, — продолжил он. — Повального греха то есть. Это церковь опорочила античность с его многобожием. В умах людей закрепилась максима: язычество — значит, разврат. Содом и Гоморра. Пропаганда мажет грязью не только прошлое, но и врагов системы, будь то церковь или государство. Или и то, и другое в одном флаконе. У нас в стране, помню, столько анекдотов ходило про жителей крайнего севера, с которыми славные покорители тайги и тундры в свое время жестоко воевали! И про южан, с которыми тоже были рамсы. Анекдоты, частушки... И вот в уме нашего человека закрепился образ северян, южан и прочих “врагов” как тупых, смешных и придурковатых недолюдей.

Радиолобитель вздохнул.

— Это все манипуляция сознанием, Тим. Старый мир был не плох, а очень даже хорош. И мы должны его попытаться возродить, а не идти на поводу у Мурашей, которые сами не

знают, куда идут.

— А... что вы собираетесь делать с Мурашами? В будущем?

— Надо их изучить как следует для начала. Узнать, кто они вообще такие в конце концов. И изучать надо всю Общину целиком, а не отдельных Мурашиков. Община у них — единый организм. Рой, улей или термитник. Отдельные мураши нам не нужны, нужен муравейник.

У меня вдоль хребта пробежала струйка холода. Тимка рядом напрягся.

— И с Матушкой бы поговорить, — добавил Антон, не заметив нашей реакции. — Нам пока не удавалось найти Общину поблизости — они быстро мигрируют, а мы были заняты обустройством Базы. Но в будущем, если окажется, что общины не опасны, глядишь, подружимся с ними и будем жить мирно и дружно. Словом, будет шанс изучить общину — изучим. Сначала надо научиться защищать себя. Ты, наверное, видал, что мы кое-какую военную технику сюда приволокли и привели в порядок. Дмитрий здорово помог, он раньше был старшим офицером, бывал в горячих точках. Хотели поначалу расположиться на военно-морской базе тут недалеко, но там столько Буйных — ты не поверишь! Ужас. Из-за них до сих пор не добыли себе, к примеру, оперативно-тактический ракетный комплекс и реактивную систему залпового огня. И корабли бы еще заиметь... Зато гаубиц хватает. И место здесь приятнее.

— С кем вы воевать хотите?

— Повезет, ни с кем воевать не придется. А не повезет — будем готовы на все сто. Бродяги — те, которые совсем асоциальны, — рано или поздно будут сбиваться в дикие стаи, вооружаться. Еда-то кончается! Начнутся грабежи и завоевательные походы. Вот ты весь в шрамах — значит, знаешь, на что способны люди. И от Мурашей не знаешь, чего ожидать. В любом случае, надо уметь защищаться.

Я кивнул. Не поспоришь.

Зашипела рация, Антон выхватил ее из накладного кармана на своих штанах. Выслушал сообщение, коротко и односложно ответил. Затем обратился к нам с Тимкой:

— Идите пока что к Георгию Марковичу. Отдайте журнал. Лаборатория в желтом домике. Вы — гости, можете оставаться, сколько захотите. Розовый домик у нас гостевой, там сейчас никого. Располагайтесь. Решите стать частью Базы, выдадим вам жилье постоянное. И работу найдем.

— Что будем делать? — тихонько спросил меня Тимка, когда мы вышли из дома Антона.

— Погостим здесь немного, пока Матерь Кира не появится, — прошептал я в ответ. — Нас же считают гостями и насильно не держат. Кира приедет, и мы уедем отсюда.

Если Антон нас не обманул и мы все-таки не пленники, подумал я мрачно. Антон — мужик ушлый, от такого можно ждать чего угодно.

— Про нас рассказывать не будем?

Я покосился на Тимку. “Про нас”... Так-то я тоже “мураш” в понимании обитателей Базы. Мураш-палач. Смешно.

— Естественно, не будем!

— У них оружия столько! — сказал Тимка. — А если пальнут по нашим?

— Предупредим Киру. И сделаем так, чтобы Община не приближалась близко к Базе. А потом надо будет думать, что делать и как поступить. Когда у соседа оружие чуть ли не из

задницы торчит, спокойно не поживешь, мирным хозяйством не позанимаешься...

Тимка прыснул и замолк.

А я подумал, что Антон все-таки не знает про Падшего. Поможет ли обычное оружие против такого противника? На что вообще способен Падший?

Я заглянул в автодом, вытащил журнал. Наше оружие лежало на том месте, куда я его сложил, — на сидении у столика. Хороший знак.

Мы отправились к желтому домику. Оттуда уже вышел тип лет сорока или чуть старше. Невысокий, упитанный, с пузиком. Квадратное мягкое лицо, кудрявые короткие волосы с сединой и такая же бородка. Рассеянный взгляд прищуренных глаз в окружении мелких морщинок. Он совал в карман белого халата рацию, по которой только что беседовал. Видно, Антон успел сообщить о нас.

Мы поздоровались, и я вручил ему журнал. Георгий Маркович полистал его тут же, на улице.

— Вирус? — сказал он. — Это не вирус. Это генетически детерминированное явление в масштабах всего человечества... Но тут есть прелюбопытные выводы о микрофлоре организма Буйных... Полагаю, это будет полезно.

— Какие исследования вы проводите? — спросил я.

Глаза ученого забегали на секунду.

— Антон сказал, что вы гости и вам можно доверять... Проходите в лабораторию, я покажу вам свою текущую работу.

Мы прошли.

Внимание сразу привлекли решетки на окнах и в дверях, приделанные недавно. В санаторном домике решетки выглядели жутко неуместно. Мы вошли в короткий коридорчик, из которого в помещения вели четыре двери. Все зарешеченные.

Мы с Тимкой с любопытством заглянули в ближайшую комнату. Она была почти пустой, без мебели. Лишь в центре находился широкий каменный горшок, а в нем росло дерево, но не простое, а Полип. Он имел темный, почти бурый ствол, и в его фактуре сложно было увидеть части человеческих тел. Листья были шире, чем те, которые я видел у станции; их покрывали “стрекозиные глазки”. Ветки подрагивали сами собой, но не так энергично, как возле станции.

Ушедшие становились все больше похожими на настоящие деревья...

К стволу крепились датчики с проводками. Проводки сливались в толстый провод, который уходил куда-то в сторону.

— Вот здесь... хм... Ушедший, — пояснил Георгий Маркович то, что и так было ясно. — Мы его выкопали из рощи к северу... Поразительное дело: Ушедшие излучают что-то, что глушит радиосигналы в определенном диапазоне... Вся эта новая биота будто бы враждебна технологиям. Нас будто сознательно хотят отбросить в первобытные времена.

Хотят, подумал я. И уже отбросили...

Маркович тем временем оживился. Похоже, не часто у него появляются слушатели.

Мы перешли к другой зарешеченной двери. Оно было совсем пустым. Но кое-что странное здесь имелось.

Стена напротив двери вместе с обоями в цветочек выпятилась огромным бугорчатым наростом и — я заморгал — едва заметно пульсировала!

— Это что такое?

— Оборотень, — спокойно сказал Георгий Маркович.

Я аж подпрыгнул.

— Что?

Ученый кивнул, довольный моей реакцией.

— Полагаю, они перешли в стадию цисты. В режим ожидания, иными словами. Они ждут чего-то, организм функционирует на грани. Они и не живут по сути, но и умереть не могут...

У меня зашумело в ушах, и стало дурно. Мои родители тоже не живут, но и умереть не могут? Они тоже приклеились к стенам нашей квартиры и слились с обоями?

Георгий Маркович, не замечая моего состояния, разглагольствовал:

— Когда мы сюда приехали, здесь жили два Оборотня. К нашему приезду они уже потеряли возможность перекидываться днем в настоящих людей. Круглые сутки пребывали в одном состоянии, боялись света. Одного мы выволокли из помещения, чтобы посмотреть, что получится. А он просто умер, превратился в мумию, которая рассыпалась в прах. Но до этого он ужасно кричал. Видимо, для Оборотня выйти из помещения равнозначно сильнейшему болевому эффекту.

Я посмотрел на короткую шею Георгия Марковича, который чуть ли не с восторгом рассказывал об экспериментах над Оборотнями. Воткнуть бы под кадык финку! Вот так, одним плавным и быстрым движением!

Но нет, это будет неправильно. И речь не о том, что нас с Тимкой схватят. Георгий Маркович вовсе не изверг, и движет им не злоба, а научное любопытство. Вера ученых в познаваемость мира, как сказала бы Ирина Леоновна.

Но все же между супругами с противочумной станции и этим типом чувствовалась разница... Хотя не исключено, что и нет никакой разницы. Супруги ведь тоже пытали Буйного в клетке...

— А второй, — вещал Георгий Маркович, не подозревая, что его самого жаждут завалить, — прилепился к стенке и покрылся этой мимикрирующей коростой. Точнее, цистой. Микроорганизмы используют этот механизм, чтобы пережить трудные времена.

Я знал, чего ждут Оборотни. Прихода Падшего, чтобы стать его Жрецами.

— Я пытался его вскрыть скальпелем. Но он быстро заживляет рану, ткань похожа на волокнистое растение... Поскольку он может погибнуть от моих манипуляций, а других Оборотней в нашем распоряжении сейчас нет, я не рискнул продолжить вскрытие. Нам бы еще Оборотней! И Буйных, и Мурашей!

Я закусил губу и бросил взгляд на Тимку. Тот слегка побелел.

Больше в “лаборатории” ничего особенного не было. Мы вышли на свежий воздух и перевели дух. Возле нашего автодома прогуливался пухляш Рядовой с каким-то подозрительно напряженным выражением лица. При виде нас развернулся и быстро ушел. Я проводил его взглядом, залез в машину и наскоро осмотрел пожитки. Все на месте, в том числе оружие.

Странно. Может, у Рядового всегда такая рожа, а у меня паранойя?

Когда мы отправились в розовый домик, выделенный специально для гостей Базы, Тимка сказал:

— Тим, я хочу уехать отсюда...

— Я тоже, — проворчал я. — Ты же видал, как этот потрошитель кайфует от своих экспериментов? Сегодня над Ушедшими и Оборотнями измывается, завтра — над любимым, у кого хоть малейшая телепатия обнаружится. Надо потихоньку сваливать. Предупредим

Общину Матери Анфисы... и Матери Киры. Антон вроде говорит о дружбе и жвачке, но говорит он как политик, а политики в прежнем мире всегда говорили всё наоборот. Если бы политик сказал, что не нападет на Общину, сто процентов напал бы.

— И они нападут на наших? — уточнил Тимка, широко раскрыв глаза.

Все-таки судьба Общины, которую он с такой легкостью покинул, ему небезразлична, подумалось мне.

— Рано или поздно — да. Не зря у них столько военной техники. Завтра с утра уедем.

— А нас выпустят?

— Антон сказал, что мы гости. Не пленники.

— Но он же политик!

— Мда... — Я почесал затылок. — Придется рискнуть... У них есть дрон, машины... наблюдательная вышка в конце концов. Попытаемся бежать — спалимся по-полной. И догонят нас быстро, если мы вообще сумеем перебраться за забор. А так честно скажем, что хотим объехать побережье, оглядеться.

Сам подумал: если предупредим Общину, это будет означать, что я сделал окончательный выбор в пользу “мурашей”, а не обычных людей. Правильно ли это?

Возможно, тридцать тысяч лет назад человечество победило всех других “хомо” не просто так? Многие из них, как я слышал, обладали магическими способностями.

Ну и что? — возразил я сам себе. К чему это привело? К экологической катастрофе и бесконечным бессмысленным войнам? Не пора ли развить другую линию эволюции? Пусть в ней будут касты, вдруг так лучше?

Ярко вспомнились горящие глаза Георгия Марковича. Нет, не смогу я быть на стороне таких, как он. Мои родители стали Оборотнями, и это определяет мой выбор. Не говоря уже о том, что меня угрозило стать Палачом.

Утром после завтрака консервами и рыбными котлетами с пресными лепешками, которые пекла местная повариха, мы с Тимкой, демонстративно никуда не спеша, помыли автодом, очистили лобовое стекло от трупов тысяч мошек и жуков, после чего я пошел к домику Антона.

Радиолобитель на веранде разговаривал с Рико. При виде меня оба умолкли. Я поздоровался и осторожно сказал, что хотел бы с Тимкой покататься вдоль побережья. Раньше мы и моря-то толком не видали...

Антон рассмеялся:

— А чего отпрашиваться-то? Езжайте, куда вам надо. Двери открыты. Бродяга Бродяге должен быть братом и другом.

— А, ну ладно, — слегка растерялся я.

Повернулся и пошел к машине, где ждал меня Тимка.

— Тим! — окликнул Антон, и я остановился, напряженный. Оглянулся вопросительно. Неужели он что-то заподозрил? — Вы на сколько дней примерно уезжаете?

— Да на недельку максимум.

Антон кивнул с улыбкой.

— Отлично. Берегите себя.

Я пробормотал:

— Спасибо...

Мужики потеряли ко мне интерес, а я поскорей заскочил в кабину; Тимка уже сидел на

своем месте. Я завел двигатель и с трудом развернулся. Ворота охранники уже открывали — видимо, их предупредили по рации.

Пока мы ехали узкими неровными улочками, напряжение не проходило. Каждую секунду я смотрел в зеркало заднего вида. В нем над деревьями маячила сторожевая вышка. Дрон за нами вроде не следовал.

Когда выехали в чистое поле, а вышка затерялась где-то вдаль, я ударил по газам.

— Тимка, проверь канистры с бензом! — велел я.

Тезка без лишних разговоров развернулся в кресле, скользнул назад. Через минуту вернулся.

— Две канистры полные, одна наполовину пустая.

— Или наполовину полная... — пробормотал я.

Все было на месте. Неужели я зря подозреваю Антона и он мне реально доверяет?

Весь день мы гнали назад, прочь от моря и Базы. Слежки и погони не было заметно. Но я все же не сбавлял скорость, да и перекусывали мы чуть ли не на ходу.

Поздним вечером впереди показались знакомые широкая река и лес. Солнце скрывалось за лесом, небо над ним было кровавым, изрезанным тонкими полосами облаков, а лес выпирал из темной земли чернильной изрезанной глыбой. У реки над лесом поднимался дымок — Община была на месте.

Я сбавил скорость и глянул в зеркало. Померещился крохотный огонек далеко вдаль, чуть ли не на горизонте. Я остановился довольно резко, выскочил из машины, уставился назад. Задница после целого дня езды окаменела, спина ныла. Дул легкий теплый ветерок, было очень тихо, только где-то вдаль стрекотали сверчки. Нет, никого и ничего, никакого преследования. Показалось.

Размяв руки-ноги-спину, я вернулся за руль. Тимка ничего не спросил, сидел молча. Вероятно, понимал, что я на нервах.

Когда я немного успокоился, накатило ощущение близости Матери и Общины.

— Чуешь? — спросил я Тимку.

Тот кивнул, поняв, о чем речь, без уточнений.

Я свернул с трассы на колею в лесу. Фары освещали узкий проход в лесной чаще.

Впереди поблескивал свет костра.

Мы выскочили из машины. Навстречу уже спешила Анфиса — почуяла нас так же, как мы ее.

— Что такое? — услышали мы знакомый певучий голос. — Никак вернуться решили?

Я торопливо объяснил ситуацию, рассказал про Базу, забитую вооружением.

— Вам надо откочевать отсюда подальше. Рано или поздно они сюда явятся!

Анфиса вытаращила жгучие глаза, но вскоре ее лицо разгладилось. Она улыбнулась.

— Успокойся, милый. Пойдем, покушаете... А то вы весь день в пути.

Ее спокойствие передалось мне, и, хотя тревога оставалась, я послушно пошел за ней. Тимка не отходил от меня ни на шаг — ему было не по себе в этом месте, которое он как бы бросил совсем недавно.

Дети Земли были на месте, занимались кто чем. Мне улыбнулся Отец Даниил. Балагур Наталья поздоровалась, но как-то смущенно, и поспешила отойти.

Судя по всему, Община уже поужинала, но по незаметному знаку Матери детишки с Отцом шустро принялись накрывать на двоих.

— Что случилось? — спросила Мать, жестом приглашая нас с Тимкой садиться.

— Они хотят делать на вас опыты... — начал я.

Поймал любопытный взгляд Лозоходца Сергея и кивком предложил Матери отойти. Втроем — Тимка словно прилепился ко мне — мы ушли к берегу реки, над которой вовсю сгущались сумерки.

— Бродяги... те, кто остался после Дня Икс, но не стал, как вы... как мы... они организовались, у них есть лидер. Насобирали оружия столько, что хоть сейчас на войну. Хотят восстановить прежнюю цивилизацию.

— Мы не мешаем им восстанавливать прежнюю цивилизацию, — перебила Мать.

— Ага, — ядовито сказал я. — Большинство завоеванных стран тоже не мешали завоевателям.

Анфиса откинула гриву черных волос широким движением.

— Ну, не знаю...

Она еще что-то намеревалась добавить, но в этот миг в небе вспыхнул яркий свет, оглушительно засвистело и завывало, и мир взорвался. Я успел увидеть огненное облако в стороне леса, потом могучая волна оторвала меня от земли, я полетел куда-то, ударился об упругое и мокрое, и вот я под водой. На полном автопилоте, полуоглушенный, я выплыл на поверхность. Повезло: я поплыл к берегу — а может, инстинктивно меня потянуло на свет, там горел лес. На карачках выбрался на берег, кашляя и не слыша собственный кашель. В ушах будто пробки застряли, ни фига не слышно. Я тряс головой, в которой шумело, пытаюсь вытряхнуть воду, но слух не возвращался — меня контузило.

В десяти метрах от воды на берегу, освещенный красным светом пожара, лежал Сергей-Лозоходец, у него была оторвана рука. Она лежала поодаль. Мальчишка смотрел широко открытыми глазами на небо и дергался, словно его било током.

Происходило что-то безумное.

Я поднял руки и посмотрел на них — они были в крови. Откуда кровь?

Повернулся к реке, плохо соображая, с гудящей головой, оглохший. Мать выбиралась из воды, поддерживая Тимку. Ремесленник был жив и цел, просто здорово потрясен. Анфиса что-то кричала, ее рот раскрывался, но я слышал как сквозь вату.

По губам различил:

“Живой?!”

Да, живой.

К свету пожара присоединился свет фар военного джипа, который ехал по той же заросшей дороге, по которой прибыл и я. Угловатое уродливое чудовище с горящими глазами подползало к нам... Меня озарило: они следовали за нами на большом расстоянии, а сейчас пальнули из базуки ракетой, чтобы не рисковать... Как похоже на Антона, такого продуманного и расчетливого, ухитрившегося консолидировать Бродяг...

Но как они не боялись потерять нас? Я постоянно смотрел назад и ничего не видел. Значит, они следовали за нами на очень большой дистанции. На такой дистанции я мог бы свернуть куда-нибудь, и поминай как звали.

Не понимая, что делаю, я пошел к автодому, открыл дверь, достал Расписную Биту с аккуратно обвязанной веревкой рукоятью. Не автомат, а именно Биту — Оружие Палача. Повернулся и шагнул навстречу бронированной машине. Свет фар ослеплял. Что я собирался делать? Отлупить этих вооруженных психов деревяшкой?

Фары погасли, обе двери броневедомобиля одновременно открылись, из салона вылезли Антон и Рико. Антон улыбался — в свете пожара улыбка казалась хищной, зловещей. Он

держал в руке трубу — переносной зенитно-ракетный комплекс. Коротко ПЗРК. Я видел такой по телеку до Первой Волны.

Антон что-то говорил, улыбаясь и обращаясь ко мне. Достал из ножен на ремне нож выживания, потрогал большим пальцем кончик рукояти.

Я вынул финку и, зажав битую подмышкой, отвинтил колпачок. Понял, на что Антон намекает. К крышечке был приклеена крохотная пластиковая коробочка с проводками. Ее тут оставил Рядовой, который залез в автодом, пока мы были в лаборатории.

Так они нас и выследили. Знали заранее, что я приведу их к Общине, догадались, что я не совсем Бродяга... Но не знали, на что способна Мать. Да и остальные детишки тоже... Поэтому выстрелили из ПЗРК, причем не на сигнал жучка в моем ноже, а чуть в сторону чтобы не убить, а деморализовать.

Впрочем, это не касалось Лозоходца и, возможно, других детишек, которым не повезло находиться возле воды, куда бы их зашвырнуло взрывной водой.

После взрыва Антон сотоварищи могут без помех схватить Детей Земли для экспериментов. Георгий Маркович будет доволен.

Правда, Сергей им уже не достанется. Так что еще неизвестно, кому повезло.

Я сглотнул, и до меня откуда-то далеко-далеко стал доноситься веселый голос:

— ...Ты же свой, Бродяга! Зачем тебе эти уродцы-мутанты? Пойдем с нами, я тебе всё прощу!

Я замахнулся битой. Голова кружилась так, что мне стоило больших усилий не повалиться куда-то в траву. Антон слегка отступил, и я промазал. Радиоловитель перестал улыбаться.

— Эй, ты чего? — как через плотное одеяло услышал я.

Рико очутился рядом со мной, взмахнул рукой. Перед глазами вспыхнуло, и я повалился на землю.

— Он такой же, как они, — прорычал Рико. — Завалить его надо.

Долгая пауза. Я пытался подняться, но это никак не удавалось. Я был как перевернутый на спину жук.

— Да и хрен с ним, — наконец отозвался Антон.

Я сфокусировал зрение на Рико, который вскинул “Вал” и прицелился в меня. В выражении его грубого лица не было ни капли жалости. Настоящий палач... Как и я.

Я закрыл глаза. Смотреть было больше не на что. Не хотелось умирать, глядя на эту чугунную морду. При этом почему-то я чуял Мать Киру — только сейчас это дошло. Очень сильное, немного тревожное ощущение. Или мне это кажется после взрыва и удара в челюсть? Может, у меня мозги потекли? Что же, это хорошо. Все лучше, чем смотреть на Рико-Дмитрия.

Пришло мое время умирать.

И тут послышался совершенно отчетливый, ясный и холодный голос; он звучал так, словно включили тщательно очищенную запись в комнате со звуковой изоляцией.

— Я умирал бесчисленное количество раз в бесчисленные эпохи и знаю точно: нет ничего вечного — ни в жизни, ни в смерти. А тебе, мой заклятый друг Палач, еще не время уходить. У нас с тобой должен быть долгий разговор...

Я открыл глаза.

Было темно. Огонь погас, будто и не было пожара. Меня окружала тьма... Нет, не только меня — Антона и Рико тоже. Я видел их отчетливо, несмотря на окружающую

темноту. Они озирались в страхе, и Рико больше не целился в меня.

— Эй, че это такое? — сказал Антон. Вот его голос я слышал по-прежнему неважно.

Надо мной возвышалась двухметровая фигура в белом саване, в кровавой острой короне.

Рико вздрогнул и попытался выстрелить в фигуру, но оружие дало осечку, потом еще одну. И еще одну. Рико жал на спусковой крючок, но автомат не желал стрелять.

Падший равнодушно приказал:

— На колени!

Антон и Рико в ту же секунду рухнули на колени, словно их кто-то ударил сзади под ноги. Лица вытянулись от страха.

— Умрите! — последовал новый приказ.

И они умерли. В корчах, в конвульсиях, разевая рты, но не издавая ни звука. Или я снова оглох? Потом они затихли. Из носа, рта и глаз у обоих стекала кровь, а штаны между ног промокли — они обоссались...

Было тихо и темно. Но я видел Падшего, стоящего надо мной. Он молча смотрел на меня, хотя под саваном я не видел ни глаз, ни лица. Я чувствовал его пристальный взгляд. И, кажется, в нем не было ни капли ненависти и злобы.

Я с трудом поднялся. Тело онемело, голова кружилась, но не слишком сильно. Встал перед Падшим, как маленький хоббит перед Сауроном. И тогда Падший шагнул мне навстречу, при этом каким-то необъяснимым образом опускаясь вниз. Он будто стоял на постаменте, а сейчас спускался ко мне. Но постамент не было. А Падший уменьшался в размерах.

Мне это мерещится? Это глюки от контузии? Что если я лежу без сознания и брежу?

Да, скорее всего, это бред... предсмертные видения. Наверняка меня разорвало, и я дергаюсь в агонии, как Лозоходец.

Корона растворилась, и оказалось, что Падший совсем не высокий.

— С тех пор, как Меня призвали во всем Моем величии, Я мог бы убить тебя множество раз, Палач, — сказал он. — Но Я не стал этого делать. Я устал сражаться с тобой в веках. Ты снова восстанешь в новом теле и с новой душой, а я восстану в новом теле со старой... Сейчас и здесь я хочу договориться с тобой — раз и навсегда.

— Договориться? — прошептал я. — Договор с дьяволом...

— Кто сказал тебе, что Я — дьявол? Я принес людям свет свободы.

— Я должен тебя казнить... на Спиральном Кургане...

— Ты ничего не должен.

— Из-за тебя столько людей погибло зря... Они должны быть не Буйные, а Мирные...

— Они погибли бы в любом случае.

— Из-за тебя мои родители стали Обратными... Из-за тебя Ольга погибла... Из-за тебя я стал сраным Палачом! А я просто жить хотел! Как обычный человек, а не маньяк какой-то! — Я заводился. — Из-за тебя все! Ненавижу тебя!

— Но Три Волны были запланированы не мной, Палач. Я никогда не знал твоих родителей и не знал твоих друзей. Мне жаль, мне искренне жаль, что так вышло. У тебя нет причин ненавидеть меня. Посмотри мне в глаза и повтори слова ненависти. Казни меня, раз уж должен, я не буду сопротивляться. Но не отводи взгляда.

Он поднял руку и начал стягивать с лица саван. Белая ткань соскальзывала с головы удивительно легко, будто вуаль...

За одно крохотное мгновение до того, как увидеть его лицо, я все понял.

Понял, что убивать — плохо и тяжело. Что это ужасное преступление против целой вселенной, против Матерей и Отцов, чьих детей ты отправляешь в небытие. Ненависть и страх — родные братья — застилают глаза и разум в момент убийства, и человек не замечает, что на самом деле убивает свою душу.

Но если ненависти нет, убийство по необходимости причиняет невообразимые страдания.

И я закричал.

Глава 12. Падший

Я сошел с ума. Целые дни и ночи выпали из памяти напрочь, и это меня как-то не особо парило. Вот я брожу по разнесенной в клочья Общине Детей Земли на берегу огромной реки, между разорванных тел и обгоревших шатров. А вот я снова на берегу моря и бессмысленно таращусь вдаль.

Что со мной случилось? Как я ухитрился вернуться на автодоме назад, на море, на желанный юг? Почему забыл поездку? Отчего мне не хочется об этом думать?

И, самое главное, чем закончился мой разговор с Падшим? Состоялся ли он вообще или примерещился после контузии?

Антон и Рико умерли стопроцентно. Иначе добили бы Общину и увезли детей в лабораторию на исследования. Но в том, что их прикончил именно Падший, просто приказав умереть, я уже сомневался. Вероятно, сама Матерь Анфиса воспользовалась магией — кто ее знает? Я не разговаривал с ней. Или разговаривал, но забыл.

Состояние у меня было странное. Не депрессия, как после гибели Ольги, но и не обычный мой настрой. Мне было все равно, буду я жить или скоро умру. Собственно, во мне уже что-то умерло — что-то живое и чувствующее.

Я сидел на берегу в тени рваного цветастого зонтика почти до сумерек. Смотрел на солнце, что исчезало за облачными громадами, посверкивающими молниями далеко на юго-западе.

Вдруг рядом кто-то уселся. Я повернул голову и увидел худого долговязого паренька в испачканной глиной куртке. Он улыбнулся мне и хрипло сказал:

— Что, разонравилась тебе Лидка? Решил не связываться? Ну и правильно! У тебя жратва есть, верно? Веди! Я не Лидка, трахать себя за еду не дам, но, если настаиваешь, могу тебя самого отшпилить...

— Витя, — вспомнил я. — Чего тебе от меня надо?

Меня не удивило появление этого хмыря, которого сожрали мои родители. Меня вообще сейчас ничего не удивляло.

— Скормил меня своим предкам, да? — вместо ответа поинтересовался Витя. — Типа такая у тебя сыновья любовь? А то, что я человеком остался, а они — нет, тебя не колыхало? Или ты сам человеком перестал быть?

— Может, и перестал.

— Ха! А как повернулось бы, если б твои предки просто сдохли? Превратились в Буйных или ушли под Музыку? Не стали Оборотнями? Как повернулось бы тогда, как думаешь, а? Стал бы ты Палачом?

Я хотел сказать, что стал бы Палачом в любом случае, что это судьба. Но в итоге пожал плечами. Есть ли судьба — это большой вопрос.

— Если бы я не стал Палачом, кто-нибудь другой стал бы, — ответил я. — Какой-нибудь Вася Пупкин.

Витя расхохотался.

— Повезло же этому Васе, бля!

— Да, повезло.

Я отвернулся от Вити... или собственного глюка? Как бы то ни было, я избавил

теоретического Васю от сомнительной чести быть Палачом... Хоть какое-то доброе дело сделал! Смешно. Этот возможный Вася наверняка уже склеил бы лапы.

— Дебил ты, Тимка! — донесся до меня голос Вити.

Я не рассердился. Даже не взглянул на него, поглощенный своими мыслями. Буркнул:

— Что ты хочешь мне доказать?

Мне ответил совсем другой голос — мягкий, бархатный, учительский.

— Что апокалипсис был задуман и осуществлен разумной волей. Страшной и неумолимой. И ничего не произошло случайно. И те, кто остался, не простые люди. Достойные.

Я обернулся и увидел Пастыря Степана. Он сидел рядом прямо на мелкой гальке в своем модном приталенном пальто, несмотря на жаркий вечер. Он тепло мне улыбнулся.

— Поэтому я собираю Выживших, понимаешь? Мы не должны бродить сами по себе. Будем искать других выживших. Создадим коммуну. И будем ждать Великий день.

— Не будет никакого Великого дня, — возразил я.

— Как? — удивился Степан. — А летнее солнцестояние? Именно тогда ты и должен будешь казнить Падшего на Спиральном Кургане.

— Нет, — прошептал я. Вцепился скрюченными пальцами в песок возле себя. — Не будет этого...

— Почему? Это твоя обязанность! Ты должен помогать Детям Земли унаследовать нашу планету. Иначе за что ты меня убил? Намекаешь, что моя смерть не имеет смысла?

— Я не знаю...

— Ну так пора бы задуматься. Крепко задуматься. Я-то был уверен, что это не зомбиапокалипсис, не вирусоапокалипсис, не еще какой-нибудь говноапокалипсис, а самый настоящий Судный день! Последний шанс для выживших умерить гордыню, победить невежество, склониться перед тем, кому обязан своим существованием! А на Детей Земли смотрел как на язычников глупых, что телепатией увлеклись! Как на больных с посттравматическим синдромом. Я был против. А ты меня остановил. Значит, выбрал сторону?

— Нет...

— Падший против Праотцов, значит, против тебя. Так убей же его! В чем проблема? Любовью, что ли, к своей жертве воспылал?

Я заорал:

— Уйди! При чем тут любовь?!

И швырнул в Степана полную горсть песка. Но Пастыря рядом уже не было.

— Любовь — это важно, — проговорил голос с другой стороны. Я оглянулся и воззрился на Боря. Он был все такой же узкоплечий, с большой головой в вязаной шапочке, свитере с широким горлом, штанах милитари с накладными карманами, каким я его помнил с нашей первой и единственной встречи возле электростанции. С черной бородкой, в круглых очках.

— Был один-единственный случай, когда моя Анютка в любви призналась, — продолжил он. — Я записал это видео на телефон. Она у меня больше человек дела... была. Сюсюкать не любила. Теперь смотрю, когда хандра нападает. — Он вздохнул. — Раньше ради нее жил, а сейчас — ради правды. Всегда надо жить ради чего-то, что больше тебя, Тим. Ради любви, например. Или науки. Если живешь только ради себя, то смысла у жизни вовсе нет.

— Я это уже понял, Боря, — пробормотал я. — Только за меня уже решили, ради чего я должен жить. Разве это правильно?

— Не знаю. А что тут такого особенного, если за тебя решили?

— Может, я сам хотел за себя решать!

— И что бы ты решил?

Я замер, не зная, что сказать. Я собирался поступить на финансовый и дальше жить как все обычные люди. Но ведь это тоже не было бы моим собственным решением. Так полагается делать в обществе: куда-то поступать, а потом жить как все обычные люди. Однако случился апокалипсис; в любом случае ничего с финансовым институтом и обычной жизнью не вышло бы.

— Дашь совет? — тихо спросил я. Боря мне всегда нравился.

Он кивнул, сверкнул стеклами очков.

— Дам. Живи ради любви.

— А если... а если я не могу ради любви? Если я только и гожусь, чтобы убивать? Или приносить смерть? Вот ты — ты ведь тоже из-за меня погиб!

— Не гони, — отмахнулся Боря. — Я не из-за тебя погиб. Ты просто был рядом.

Талант у меня такой, подумал я. Все, кто рядом, умирают. Но промолчал.

— Время такое сейчас, — вздохнул Боря, обнял колени, уставился на горизонт. — Все погибают... А ты решил, что из-за тебя все.

— Я — Палач! — вырвалось у меня. — Для меня даже любовь... будто казнь.

— Ты не палач. Ты просто мальчик, который оказался в чудовищных условиях. Все остальное тебе навязано. Ты можешь выбирать.

— Что выбирать?

Боря рассмеялся:

— Да все, что угодно! Свою жизнь в первую очередь. Как тебе провести досуг перед смертью. Смысл жизни можешь выбрать. Но выбрав один раз — держись этого выбора всегда.

— Получается, смысл жизни заключается в том, чтобы выбрать один раз дорогу и ехать по ней потом всегда, никуда не сворачивая?

Мне ответил сиплый голос:

— Смысл жизни, мой дорогой Тим, в том заключается, чтобы на земле пахать. Как наши предки. И далеко от нее не отходить. Она силу дает, земля-то. В старом мире люди про это забыли, ушли, понимаешь, в какие-то надуманные проблемы... В астрал, мать его... В интернет этот вонючий. И от земли оторвались! А как оторвались, так и потерялись во всем этом интеллектуальном говне! Работай на земле, она тебя и накормит, и напоит, и радость подарит.

— Хозяин, — процедил я.

— Вообще-то, меня Алексеем Ивановичем зовут, — ухмыльнулся здоровенный детина с лысиной и усами подковой. Он сидел на песке на месте пропавшего Бори. — Большинство людей, Тимка, это те, кому Хозяин нужен. Чтоб направить на истинный путь. А чтоб человек в нужном направлении пошел, его нужно подталкивать куда надо. Вот виноград растет — веточки-то если не откусывать, лоза сама себя задушит! И кусты подстригать надо, иначе разрастутся как попало.

— Я тебя прикончил, Хозяин.

— А может, зря ты это сделал? Сейчас бы первый урожай потихоньку собирали.

Редиска бы поспела уже, смородина соком налилась бы. Лету мы бы радовались. И не пришлось бы тебе нестись сломя голову невесть куда и страдать от своей же дурости.

— Не зря, — возразил я. — Не зря я тебя убил, Хозяин. Ты мне не нужен. Ты никому не нужен, разве что алкашам вроде твоего Юры. Рабам от рождения. Пусть я буду страдать от своей дурости и нестись сломя голову, но это будет мой выбор.

Хозяин фыркнул в усы. Прищурился на заходящее солнце среди грозových туч. Ветер пахнул дождем и грозой.

— Ну и ладно, — сказал он. — Не нужен, так не нужен. Хоть поговорили с тобой. Я тебя, Тимка, не виню. Это я ошибся в тебе — думал, ты как Юрка, а ты вон какой свобододлюбивый! Надо было тебя отпустить на все четыре стороны. Или пришибить на месте, чтобы под ногами не путался.

— Спасибо, — отозвался я.

— Это тебе спасибо, — произнес ровный женский голос. — Я ничего не боялась... Ничего, с тех пор, как потеряла всех, кто был мне дорог... Был только страх попасть в центр завихрения, наверное. Не хотела становиться Бабайкой или быть разорванной толпой Нежити. Лучше бы меня кто-нибудь застрелил.

Я задрожал и с трудом заставил себя посмотреть на Ольгу. Маленькая невозмутимая женщина в синей куртке сидела рядом, и ветерок трепал ее короткие волосы.

— Я это сделал, Ольга, — прошептал я. — Как ты и хотела... Я тебя застрелил.

— Да, — спокойно сказала она. — Ты это сделал. И я тебе благодарна.

— Правда?

— Правда. Я ведь сразу поняла, что на тебя можно положиться. Ты — человек слова.

Ольга меня поняла, подумал я. А Хозяин — нет. В итоге оба мертвы. Так какая разница?

— Разница в том, Тим, — проговорила Ольга, прочитав мои мысли, — что о моей смерти ты сожалеешь. Разница в тебе самом. А это очень важно.

— Для кого важно? — спросил я жалобным голосом, как ребенок, который жаждет утешения.

— Для тебя.

Она растаяла в пространстве, и одновременно погас последний луч утонувшего в тучах солнца. Ослепительно вспыхнула зарница, и загрохотал гром. Сизая стена дождя приближалась с невообразимой скоростью, ветер усилился, поднялась волна. А я все сидел на песке.

Понятно, что все эти люди мне пригрезились. Я слегка рехнулся, и все дела. Но даже беседа с призраками чем-то успокоила. Получалось, что жалеть и переживать мне не о чем. Да и просто глупо.

— Не переживай, дружок, — донесся до меня голос сквозь нарастающий рев бури. — Повезет — и не поймешь никогда, что значит потерять все, ради чего жил. У тебя вот Влада есть, да кошка. Сокровище целое!

Я наконец поднялся и посмотрел на Алексея Николаича и Ирину Леоновну у самой воды. Они держались за ручки, как молодая парочка. И улыбались мне.

— Спасибо! — крикнул я, и ветер унес мои слова.

Супруги кивнули и растворились в синих грозových сумерках. Море штормило уже нешуточно, волны оделись белыми пенными гребешками, горизонт исчез, растворился в черной дали. Первые, пока еще редкие капли дождя ударили меня по лицу.

— Спасибо, — еле слышно сказал я. — У меня есть Влада и Котейка. Сокровище целое!

Повернулся и побежал к автодому, припаркованному над обрывом.

Миновало три дня, и все это время с небольшими перерывами бушевала гроза. Полотнища ливня бороздили кипящее море и отсыревшую землю, здорово похолодало. Я почти не выходил из автодома, питался запасами. И думал.

Итак, тем вечером накануне грозы со штормом мне примерещились люди, чья смерть меня взволновала с той или иной степени. Мне не явились тот алкаш, первым скормленный родителям, старики-Оборотни в деревенском доме под флагом и конспиролог Ян, который сам напал на меня и получил заслуженную пулю. И зловещая Даша, которую зарезала Влада...

На смерть некоторых людей — и не совсем людей — мне было совершенно наплевать. А смерть некоторых — даже когда я был в ней не повинен — оставила след...

Так что это было на берегу?

Суд присяжных, где все присяжные — призраки умерших людей?

Шизофреническая психотерапия с глюками, где я бессознательно проработал старые психические травмы?

Или наведенный морок — например, от Падшего?

Если верен последний вариант, то чего Падшему надо от меня? Мы ведь с ним поговорили. Или нет? Я не помнил. Кажется, он даже показал мне свое лицо, но я не запомнил этого момента. Помнил только, что, кажется, он не был похож на чудовище...

Когда на третий день гроза угомонилась и выглянуло солнце, я поехал к Базе. Зачем — и сам не понимал толком до поры, до времени. Подъезжая по узким кривым улочкам к противотаранным воротам, я поглядел вверх, на наблюдательную вышку. Кажется, на ней никого не было.

Я вылез из кабины и подошел к воротам. Во дворе между разноцветных домиков не было ни души. Все же я постучал камнем по стальным воротам, и через пару минут из желтого домика выглянул человек.

— Георгий Маркович! — крикнул я.

Он осторожно, неловко прижимая к себе винтовку, подошел к воротам с другой стороны. Присмотрелся ко мне.

— Вернулся? — глухо спросил он. — А где малой?

— Остался... в Общине, — ответил я, не стараясь скрыть тот факт, что Тимка — один из Детей Земли.

— А-а-а, — протянул ученый. — А где Антон, не знаешь? И Дмитрий?

— Погибли, — коротко сказал я.

Обросшая бородой и курчавыми волосами физиономия вытянулась.

— А-а-а, — снова протянул Маркович. — Ты их убил?

Я уставился на него.

— Нет. Их убил Падший Праотец. Знаете такого?

— Кто-то из паранормов? — жалобно уточнил ученый. — Не знаю...

— Что тут случилось? Где охранники?

— Так это... Уехали Антона с Дмитрием искать. Антон обещался на второй день приехать... но пропал без вести. На связь не выходил. Наши и поехали искать. И тоже не вернулись... Полагаю, они просто решили больше не жить на Базе... Собственно, только Антон их и удерживал вместе... Харизматичный был лидер...

— А вы почему остались? — перебил я, не особо удивившись, что База держалась на одном авторитете Антона. Не исключено, что даже при нем со временем Бродяги разбрелись бы кто куда. Такая уж натура у Бродяг.

— У меня лаборатория... — забормотал Георгий Маркович.

— Лаборатория, — повторил я. И внезапно понял, зачем сюда приехал. — Откройте ворота, мне нужно в вашу лабораторию.

Ученый на мгновение замялся, но потом загремел ключами. Я вошел на территорию заброшенной Базы и быстрым шагом двинулся к желтому домику. Маркович семенил следом.

На футбольном поле оставался один бронетранспортер, больше техники не было. Наверняка с оставшейся машиной что-то не так, иначе и ее забрали бы.

— Откройте, — велел я, остановившись перед решеткой в дверях той комнаты, где с обоями сливался Оборотень.

Ученый хотел было что-то сказать, но промолчал и открыл замок.

Я вошел в пустую комнату с огромным наростом на стене, окрашенным так же, как и обои. Помедлив, положил на него руку. Он оказался неожиданно теплым, словно нагретым солнцем.

— Кем бы ты ни был, — шепотом сказал я, — надеюсь, что это скоро кончится. Я постараюсь, чтобы это кончилось... для тебя и таких, как ты.

Вышел из комнаты и поглядел на застывшего в коридоре Марковича. Отрывисто спросил:

— Вы его собираетесь резать скальпелем? Делать какие-нибудь эксперименты?

— Да нет... Нет!

— Я сюда вернусь еще, — пригрозил я. — Если увижу, что его тронули, я тебя зарежу. Твоим же скальпелем, понял?

Маркович струсил — и это при том, что у него была винтовка, а у меня только пистолет в кобуре подмышкой, который надо еще успеть выхватить.

— У меня нет намерения продолжать исследования... После того, как База опустела...

— Может быть, когда-нибудь цивилизацию восстановят, — сказал я мягче, — и у вас будет возможность заниматься научной деятельностью. Так что сохраните тот журнал, который я вам дал. Он пригодится.

Он закивал, грустно улыбнулся. Мне вдруг стало его жалко. Остался один, бедняга, а ведь он особо ни в чем не виноват. Хотел как лучше, изучить мутантов, принести пользу...

— У вас есть еда? — спросил я.

— Они с собой забрали большую часть, — забормотал Маркович, глаза его забегали. — Совсем чуть-чуть осталось... Когда я в погреб спустился, тогда и понял, что они не планировали возвращаться...

— Я не буду вас грабить. Вам лучше оставаться здесь, но... не мучьте Оборотней и Ушедших. Им и так досталось.

— Понимаю...

Кажется, он говорил искренне.

Я попрощался и пошел к воротам.

Последующие дни и недели я провел в полном одиночестве, бесцельно катаясь вдоль побережья. Несколько суток проводил в какой-нибудь понравившейся бухте, потом снимался

с места, обыскивал дома и магазины в поисках оставшейся еды, сливал бензин. И снова стоял на одном месте, пока оно не приедалось.

Как ни странно, одиночество меня совсем не мучило. То ли привык, то ли попросту устал страдать оттого, что рядом никого нет и поговорить не с кем. Иногда вспоминал Тимку, с которым, конечно, было бы веселее, но особого сожаления не испытывал. Мне необходимо было побыть одному: только ветер, небо, земля, море — и я.

За Тимку не беспокоился. Мать Анфиса выжила и вряд ли пострадала от взрыва сильнее меня. Нас троих зашвырнуло в реку, так что нам крупно повезло. Анфиса позаботится о Тимке и остальных детишках — тех, кто выжил.

Хотя временами шли ливневые дожди с грозой, дни становились все жарче и солнечней. Я научился рыбачить с берега, предварительно потеряв пару удочек. Хорошо клевало ранним утром, когда почти нет ветра и волны. Раза три я поймал камбалу — такую рыбу сразу узнаешь. Других рыб не опознал. Что это было? Кефаль? Морские окуньки? Барабульки? Понятия не имею — только читал названия этих зверюг на вывесках рыбных магазинов. Наверное, стоило найти книгу с картинками, где описывалась бы вся эта морская живность. А то в один не совсем прекрасный день съем что-нибудь ядовитое, и поминай, как звали...

Моя диета почти на сто процентов состояла из даров моря. Где-то читал, что морская пища дает человеку все нужные витамины и микроэлементы, поэтому, пожалуй, следовало остаться у моря на всю оставшуюся жизнь и надолго отсюда никуда не уезжать.

Много купался в море. Поскольку сейчас все пляжи мира стали нудистскими, использованием купальных принадлежностей я себя не утруждал. Иногда и вовсе целыми днями разгуливал в костюме Адама. Сильно загорел с головы до ног, причем загар получился таким ровным, что дальше некуда. Нашел в магазинах акваланг, но погрузиться с ним не получилось. Зато прекрасно получился снаорклинг — ныряние с маской, из которой торчит трубочка для дыхания.

Это было потрясающее время. Ни депрессии, ни глюков, ни желания куда-то бежать. Полный расслабон и в то же время постоянная занятость делами насущными. То рыбу ловишь, то стирку устраиваешь, то в автодоме убираешься или к “крыльцу” песчаную дорожку насыпаешь, чтобы можно было ходить до самого берега босиком. Или читаешь в тенечке умные книжки и потихоньку умнееешь...

А потом внезапно всё закончилось. Меня куда-то повлекло, да так сильно, что не усидеть. Это было ранним утром — я проснулся и понял, что сегодня, прямо сейчас надо ехать. Куда-то на восток. Не очень далеко, но ехать надо немедленно.

Я сел за руль, развернулся и поехал по дороге на восток. По пути в голове немного прояснилось, и я вдруг понял, куда еду. А самое главное, сообразил, какой сегодня день.

День летнего солнцестояния, двадцать первое июня. О нем говорил зоолог Алексей Николаич. Откуда он знал? Тоже почувствовал? Наверняка ничего не чувствовал, просто логически дошел до этого. У язычников все мероприятия приурочены к природным явлениям, а не искусственным календарным датам — таким, как Новый год, например. Теперь было ясно, что должно произойти в день летнего солнцестояния.

Казнь Падшего на Спиральном Кургане.

День еще не перевалил за полдень, когда я очутился среди невысоких, заросших лесом гор на петляющей серпантинной дороге. Уже ничего не напоминало о близости моря. Зато я ощущал Мать Киру и, кажется, других Матерей — пока еще слабо, но ощущение силилось. Они близко...

Дорога здесь была узкая, кривая и убитая — в основном из-за ливней, а кое-где и камнепадов. То и дело попадались дорожные знаки “Берегись обвала”. Деревья на крутых каменистых склонах росли кряжистые, с плоскими вершинами. Я сбавил скорость до минимума, чтобы ненароком не сверзиться с дороги, и поэтому ухитрился сразу затормозить, когда за поворотом обнаружилась преграда.

Два внедорожника — красный и черный — перегораживали дорогу, так что не объехать, не проехать. Я не успел опознать марки, внимание переключилось на вышагивающих перед машинами двоих парней с винтовками. Один щеголял в красных шортах, другой — в черных. Они что, под цвет тачек вырядились?

Два братка неспешно двинулись ко мне, вскинув оружие. Эй, они случайно не с Базы? Я во время первого посещения не всех ее обитателей повстречал.

— Выходи! — крикнули Черные Шорты.

— И без оружия! — вставили Красные.

Шеи и плечи парней покрывали татухи в виде готических букв.

Где-то я такие татухи уже видел... Совсем недавно...

Я оценил ситуацию. На узкой дороге не развернуться, сквозь баррикаду из двух джипов не проломиться... Судя по всему, они специально устроили здесь засаду.

Я вышел и поднял руки.

Кто они такие? Разбойники с большой дороги? Сбывается предсказание Антона, и Бродяги вышли на тропу войны за иссякающие ресурсы? Но у меня-то нет ресурсов, только полмешка гречки и столько же риса. Идите рыбачить, ребята, и будет вам счастье.

Ощущение присутствия Матери Киры усилилось. Оно было и тогда, в Общине Анфисы... прямо перед появлением Падшего.

И тут я вспомнил, где видел похожие татухи.

У Даши-гонщицы, которая чуть не принесла Владу в жертву. Вообще-то, тату в виде готических букв — невесть какая редкость, но шестое чувство подсказывало, что эта парочка из той же компании, что и Даша. Группа поддержки Падшего...

— Ну что? — осведомился Красные Шорты у Черных, не отводя от меня настороженного взгляда. — Вроде он?

— Похож, — процедил напарник. — В видении Жрицы тоже был высокий сопляк с упрямой мордой... Только побелее. Этот уж очень смуглый.

— Да он загорел на море! — сказал Красные Шорты. — Кайфовал все это время, пока мы за ним гоняемся!

Видение Жрицы?

Все ясно. Эти по мою душу.

Не было никаких сомнений, что это секта Падшего. Я прямо-таки впитывал идущую от них злую силу — ту самую, что исходила от Даши. Ясно, как день, что они разыскивают меня, Палача. Если сейчас они решат, что я не тот, кто им нужен, то наверняка грохнут не задумываясь. Но насчет Палача у них другие планы. Планы, связанные с кровопусканием в центре из кусков протухшего мяса...

Отчего-то мне было совсем не страшно. Сегодня летнее солнцестояние. Мой день. К Спиральному Кургану меня ведет могучая сила, помощнее всех Праотцов, вместе взятых, и этим трем психам ее не остановить.

Я спросил:

— Ищите Палача? Это я. А вы — слуги Падшего?

У братков перекосятся рожи. Они быстро переглянулись.

— Мы верные последователи Падшего Праотца! — с надрывом крикнул Красные шорты. — Он призвал нас в день апокалипсиса, чтобы мы последовали за ним и защитили его великое дело!

Я поморщился от пафоса.

— А конкретней? Вы хоть знаете, чего ему надо?

Красные Шорты подошел ближе, уставив дуло мне в грудь.

— Он хочет свободы для людей, — сказал он спокойнее, — а ты, Палач, должен его убить. Дети Земли и ты тоже — вы все живете по чужим правилам. Вы — рабы. А мы — свободные люди и сами задаем правила.

— Вы уже рабы Падшего, — сказал я. — Может, его и спросите, кто вы для него? Он где-то рядом — я чувствую.

— Рот закрой, — посоветовал Красные Шорты. — Иди вперед и не дергайся.

— Палача убить невозможно, ты в курсе?

— В курсе. Но мы можем провести один интересный ритуал, и, может быть, ты и не восстанешь в ближайшие сто тысяч лет. А за это время мы разберемся с проблемами. Шагай!

Я зашагал. А что было делать? Сильное ощущение Матери Киры не давало страху овладеть мной, хотя подползала тревога. Если сейчас ничего не произойдет, все закончится для меня плачевно...

И что-то произошло.

Задняя дверца черного внедорожника распахнулась, и из салона выбралась заспанная девица с недовольной физиономией. Она была невысокого роста, упитанная, в полосатом топике, очень маленьком, открывающем рыхлый татуированный живот, и просторных штанах, в которых раньше занимались йогой. Мода в новом мире не в почете: каждый наряжается в то, что удобно лично ему, а не приятно окружающим или соответствует каким-то нормам морали и традиций. Я, к примеру, сейчас был в тонкой белой рубашке с длинными рукавами и капюшоном, причем рубашка на размер больше нужного, и в льняных шортах.

— Жрица! — сказал Красные Шорты, остановившись. Я тоже замер.

Я прямо-таки кожей чувствовал, как этого парня переполняет сектанское восторженное благоговение и преклонение перед этой пухлой дамочкой. Странно, конечно, что они размышляют о свободе, эти сектанты. Насколько я понимаю, секта и личная свобода — понятия плохо совместимые. Но, вероятно, я понимаю неправильно?

Если Падший и топит за свободу человечества, то последователи ухитрились извратить идею. Собственно, ничего удивительного. Люди обладают гигантским талантом все извращать. Учение о вреде Трех Волн и праве людей самим выбирать судьбу эта компашка свела к банальной секте с громкими титулами и иерархиями.

Или же Падший — действительно кто-то вроде дьявола, и все его последователи превращаются в марионеток вроде этих типков.

Черные Шорты почтительно сказал:

— Маша, тебе уже лучше? Голова не болит?

В его голосе явственно прозвучала ласка — почти интимные интонации.

Понятно. Жрице не чужды обычные человеческие слабости. Ей подчиняются как священной особе, это видно невооруженным глазом, но как минимум с одним своим сторонником она состоит в отношениях...

Маша уставилась на меня водянистыми глазами навывкате, проигнорировав вопрос о

голове. Надо же, подумал я, предыдущая Жрица была Даша. А эта — Маша. У поклонники Падшего других имен нет?

— Мы его поймали, Жрица, — торжественно доложил Красные Шорты. — Палача. Вот он. Явился сюда, как ты и предрекала. Времени мало, надо проводить ритуал...

Маша перебила его хриплым со сна голосом:

— Отпустите его.

Парни аж вздрогнули от неожиданного приказа. Признаться, я тоже офигел, хотя подспудно ждал чего-то подобного.

— Как отпустить? — переспросил Красные Шорты, разом утерев весь пафос. — Мы его столько времени искали!

Жрица перевела на него взгляд. Снова посмотрела на меня, откашлялась и выпрямилась. Словно хотела показаться более высокой и величественной.

— Только что во сне мне было еще одно видение. Падший требует отпустить Палача. Он сказал... сказал...

Она наморщила обгоревший на солнце лоб, пытаюсь вспомнить слова своего господина. Видимо, подробности сна быстро улетучивались из памяти.

Я подсказал:

— Он сказал, что устал сражаться со мной в веках, потому что я снова восстану в новом теле и с новой душой, а он восстанет в новом теле со старой душой. Он хочет договориться со мной — раз и навсегда.

Выпуклые глаза Жрицы стали еще выпуклее.

— Верно... — выдохнула она. — Так он и сказал...

Она кивнула миньонам, и те молча опустили винтовки. Хотя зачем было целиться в безоружного? Если я сделаю одно-единственное резкое движение, продырявить меня пулями будет легче легкого. Видать, побаивались они меня... Знать бы только, на что способен Палач.

— Я бы хотел проехать здесь, — напомнил я.

— Мы уберем машины, — пообещала Маша, и парни, не медля больше, запрыгнули в джипы, завели двигатели. Я повернулся и пошел к автодому.

— Палач!

Я обернулся.

— Прошу, сделай правильный выбор, — крикнула Маша. — Слушай сердце — и больше ничего и никого!

Я ничего не ответил, сел за руль и аккуратно покатыл по узкой горной дороге мимо внедорожников, которые отъехали на обочину.

Когда проезжал мимо стоявшей на краю асфальта Маши-Жрицы, она закричала что-то. Голос заглушил шум двигателя. Но, кажется, до меня долетели слова “Слушай сердце”.

Примерно через час осторожной езды по горным дорогам я увидел впереди детскую фигурку в голубой футболке и белых шортах. Пригляделся — старый знакомый Толик.

Я затормозил в паре метров от него. Отсутствующего выражения лица как не бывало — Толик преобразился, глаза смотрели ясно, даже остро, по-взрослому. Понятно, подумал я. Это уже не совсем Толик. В нем проявился Праотец.

Я полез из кабины наружу, и тут со стуком с соседнего сидения на пол упала Расписная Бита. Словно напомнила о себе. Я подобрал ее, выбрался из кабины на дорогу и закинул

Орудие Палача на плечо. Громко сказал:

— Привет, Толик!

— Я не Толик, — тут же отозвался Зрячий. — Точнее, не полностью Толик. Меня зовут Вид Пурвиа. Следуй за мной. Мы пойдем пешком.

— Ты Праотец? Это ты меня позвал магией?

Толик кивнул — маленький, серьезный и важный.

— Тебя позвала Сила Сбора. Ты — один из нас.

Слово “Сбора” он произнес нараспев и не совсем внятно. Прозвучало как “Собора”. Он повернулся и зашагал к обочине, где начиналась каменистая тропа, идущая в горы. Я пошел следом.

Было жарко и даже душно. Не шевелилась ни одна ветка кряжистых кустов и деревьев по обе стороны от тропы. Оглушительно звенели и трещали насекомые — то ли цикады, то ли кузнечики. В выцветшем небе кругами летала какая-то птица. Несколько раз я заметил юрких ящериц, которых и не разглядишь, пока они не шевельнутся.

— А Падший... — заговорил я через несколько десятков шагов, — тоже там будет?

— Естественно. Он один из нас. Когда-то он пошел против Великого Замысла и отпал от Сбора, но силу призыва он не может игнорировать.

Я пробурчал под нос:

— То есть все-таки мы все рабы, получается... Даже Падший, который борется за свободу, полностью не свободен.

Идущий впереди Толик — или Вид Пурвиа, — не оборачиваясь, издал странный звук. Вроде бы смешок. Заявил:

— Свобода — это иллюзия, которая приводит к беде.

Я остановился.

— То есть свобода, блин, это иллюзия, а рабство реально?

Толик тоже остановился, обернулся. Мягко улыбнулся, как взрослый несмышленьшу. На лице Толика эта улыбка выглядела смешно. Он пригласил меня жестом отойти в тень дерева.

— Это не рабство, — пояснил Праотец. — Это некоторые ограничения. Только когда существуют рамки, человек стремится выйти за эти рамки. Это как вызов. Если нет забора, через который захочется перелезть, чтобы посмотреть, что на другой стороне, человек будет сидеть на одном месте посреди бесконечных невостребованных возможностей. Ограничения дисциплинируют, дают направление. Они не позволяют расплыться. Обрисовывают стратегию.

— Значит, Три Волны — это и есть забор, через который нужно перелезть? Или попросту сломать? Тогда выходит, что Падший поступает правильно?

Толик покачал головой.

— Нет, он поступает неправильно. Великий Замысел Трех волн для Падшего не забор, через который можно перебраться в поисках чего-то нового. Три Волны для него и есть цель, которую надо уничтожить просто потому, что ему так хочется.

— А почему ему так хочется?

— Спросишь его сам. Я не знаю. Он еще старше меня. Он вышел из поколения самых первых на этой планете. Возможно, он возгордился и пал, как и рассказывают ваши легенды.

— Легенды о Люцифере? Или Прометее?

Вид Пурвиа пожал плечами.

— Идем дальше?

Мы добрались до гребня невысокой горы — а горы здесь были все невысокие — и увидели миниатюрную долину. По дну струился извилистый ручей в окаймлении заросших травой берегов. На пологом берегу высился конусообразный зеленый холм с густыми кустами на вершине. Его склоны спиралью покрывали небольшие белые валуны.

Я обмер.

Спиральный Курган!

Кто выложил валуны? Тоже Сила Сбора?

У подножья Кургана толпился народ — надо полагать, сам Сбор. С такого расстояния не рассмотреть, кто именно там собрался; видно было лишь, что среди них немало детей. А еще я чувствовал Мать Киру и других Матерей.

Пока мы молча спускались по тропинке к ручью, причем древний Праотец бежал вприпрыжку, я думал о всяких глупостях. Наверное, из-за растерянности. Вот и наступил день казни. А я не готов от слова совсем. Это как прийти на самый важный в жизни экзамен, не имея понятия, что вообще там будет. В голове крутился дурацкий вопрос: а на чем приехала вся эта толпа? Где их тачки? Припаркованы за поворотом дороги, куда я не успел доехать?

Мы уже почти дошли до ручья, когда я разглядел в группе людей Мать Киру и всех ее детишек, здорово вымахавших на пару месяцев. Мать Анфиса тоже была здесь. Вокруг нее топтались ее детишки, в том числе Балагур Наташа с багровым ожогом на поллица. Тимка-Ремесленник бродил на берегу со скучающим видом, рядом важно стоял, заложив руки за спину, Кирилл-Вадхак.

Отца Даниила было не видно. Погиб при взрыве?

При нашем появлении все знакомые и незнакомые люди молча и организованно начали расходиться. За несколько минут они выстроились вокруг Кургана в виде какого-то огромного хоровода.

Как на рисунке Влады.

Кстати, где она? Где Влада?

Я ее не видел.

Люди в Круге Сбора выжидательно смотрели на нас с Толиком. Тишина была неестественная. Я вдруг понял, что не слышу пения птиц и жужжания насекомых. Они все ни с того, ни с сего заткнулись. На солнце набежало легкое облачко, и на горы упала тень.

И в этой мертвой тишине я услышал ритм. Не ушами, а внутренностями, всей поверхностью кожи. Ритм, похожий на древние там-тамы, призывающие на большую охоту, войну или религиозный ритуал.

Я закрыл на мгновение глаза и под эти однообразные удары увидел — прямо в своей голове — картинки... Там было что-то омерзительное и ужасное. Я не смог разглядеть детали, но уже сообразил, что это сцены пыток Падшего — эти пытки перед самой казнью должны упокоить Падшего навсегда.

Меня начали посещать видения о ходе ритуала казни — об этом мне когда-то говорил Вадхак.

— Все собрались, — сказал Толик, он же Вид Пурвиа. Я слышал его голос тоже не совсем ушами. Причем казалось, что голос принадлежит взрослому мужчине, даже пожилому, а не шкету, который еще ни разу не брился.

Я захлопал глазами. Мутные и нечеткие картинки казни наплывали на то, что я видел

непосредственно, и все перемешалось. А еще чудилось, что помимо Кургана, берега ручья и людей здесь одновременно есть какое-то другое место, призрачное, не совсем определенное. Будто два изображения наложились одно на другое. К примеру, на образ Толика накладывался призрачный силуэт высокого и сутулого деда. Я прищурился, и призрачная картинка прояснилась. Старик, стоявший как бы за спиной Толика, был совсем старый, высохший как мумия, с седой бородой до колена. Лицо — как выветренное рассохшееся дерево, глаза выцвели до белизны, длинные седые волосы на лбу перехватывала кожаная тесьма. На старике красовался просторный бесформенный балахон.

Именно дед и говорил, а Толик синхронно открывал рот:

— Сбор полный. Подтвердите это, сестры и братья!

— Сбор полный, — эхом отозвались многочисленные голоса.

Сейчас, когда я начал видеть “астральный” план, оказалось, что над каждым Зрячим нависают старперы — бабки и дедки, похожие на вековечные деревья. Их было много — большую часть скрывал Курган. И я не видел той, кого хотел увидеть.

— Не полный! — выкрикнул я. — Где Влада? Где Зрячая Влада? Кира, где она?

Кира посмотрела на меня растерянно, покачала головой.

— Она погибла?

Пронзил страх. Если Влада умерла, как тот Лозоходец, то я не знаю, как и зачем жить дальше. А Котейка — что с ней?

Я закрыл глаза и тем не менее увидел свои руки, которые поднес к лицу. Они были окровавлены... И они, дрожа, вырезали причудливым клинком лицо какого-то человека, которого было видно совсем плохо. Он застыл на коленях передо мной, расставив руки, словно распятый на невидимом кресте. Резким движением я сорвал кожу с лица, брызнула кровь, и белыми пятнами на меня глянули глазные яблоки... Несмотря на отсутствие век, во взгляде читались печаль и разочарование...

— Нет, сука! — вырвалось у меня.

Я мотнул головой, прогоняя видение. Распятая жертва без лица, мои окровавленные руки и клинок испарились. Я снова был на берегу ручья у Спирального Кургана, а возле моих ног гуляла черная кошка — она терлась о мои икры. На ошейнике висело красное тряпичное сердечко.

Толик наклонился, бережно поднял кошку на руки. В то время как высохший дед за его спиной не шевельнулся, глядя на меня глубоко посаженными глазами.

Что это? Толик-ребенок поднял кошку, но это не было желанием возродившегося в нем Вида Пурвиа? Так они разделены?

— Ты забыл, — сказал Вид Пурвиа. — Вытеснил это воспоминание из памяти. Падший открыл тебе свое лицо еще в Общине Матери Анфисы.

— Чего? — тупо спросил я. — Откуда ты знаешь?

— Я вижу кое-какие твои мысли и эмоции. Сегодня я — главный на Сборе Знающих Праотцов и Праматерей. Я замыкаю на себе Силу Сбора.

Значит, у них все-таки есть самый главный Праотец... Значит, все-таки улей...

— Да начнется Казнь, — пророкотал Вид Пурвиа совсем уже нечеловеческим, громовым голосом. — Иди, Палач, и сделай свое дело. Исправь ошибки прошлого. Направь человечество к свету и порядку.

Беззвучный ритм тамтамов толкнул меня вперед, и я пошел по тропинке, выложенной двумя рядами валунов. Тропинка вытянулась направо и наверх, огибая холм против часовой

стрелки и ведя в конце концов на вершину. Я взбирался по тропе все выше и выше под бой невидимых барабанов и под взорами Праотцов и Детей Земли. Я поднимался на вершину Спирального Кургана — молодой растерянный и загорелый Палач с Расписной Битой в руке. А вместе со мной закручивалась невидимая энергия Сбора, которая словно закрывала нас в ловушку, не давала вырваться из нее никому.

Бум-бум... — вещал тамтам.

Тук-тук-тук-тук-тук... — за это время отсчитывало сердце.

Я шел на вершину с таким видом и чувством, словно приговоренный к казни, а не палач. В голове — пустота, в груди — жар и тревога, в мире вокруг — бесконечный бой древних как мир барабанов.

Да, я вытеснил то воспоминание. Не желал думать об этом. Запретил себе вспоминать... Оказывается, такое бывает.

И воспоминание спряталось на самом дне бессознательного, в чернильной тьме, в которую нельзя погрузиться без того, чтобы не сойти с ума.

Или не стать просветленным...

В этом воспоминании, которое всплывало на поверхность ума, как разбухший труп из омота, Падший снял саван... Стянул легким движением руки, и саван стек с лица Древнего, как воздушная вуаль с невесты... И тогда я немного свихнулся.

А может быть, и не немного, а полностью и бесповоротно.

Запыхавшись, я дошел до вершины — до крохотной полянки в обрамлении высоких кустов. Я уже понимал, кто будет меня здесь ждать.

“...Я был самым обычным парнем, собирался накопить на свадьбу и жениться на любимой девушке...” — заговорил в памяти голос Кирилла-Вадхака.

Я знаю, Вадхак. Знаю, что стало с твоей любимой девушкой. Ты казнил ее на Спиральном Кургане.

“...Ход правильного ритуала явится Палачу в нужный час. Ты просто вспомнишь его, будто всегда знал. Но легко ошибиться”.

“Почему?”

“Потому что убивать живое существо непросто”.

Теперь я знаю, Вадхак, почему тебе было непросто. У тебя дрогнула рука, и ты нарушил ритуал. Сделал микроскопическую ошибку. И твоя жертва возродилась вновь. Ты не сумел убить ее окончательно. Ты — плохой Палач.

...Она была здесь — Влада. Стояла в коротком красном платье, босая, с изрядно отросшими, до лопаток, волнистыми волосами. Она неуловимо изменилась — повзрослела. Изменилось выражение лица, сейчас оно было осмысленным. Взгляд перестал быть мутным — Влада глядела на меня внимательно и с ожиданием. И — совершенно без страха.

— Привет, Влада, — сказал я как можно спокойнее. Но голос все равно сорвался.

— Привет, Тим, — ответила она.

У меня подогнулись ноги, как у радиолобителя Антона и военного Рико, когда перед ними явился Падший. Но черная магия тут была ни при чем. Просто на меня накатила слабость. Бита выпала из пальцев, и я махом сел на густую траву.

Влада грациозно опустилась напротив меня на колени, повела рукой, и из нее выпал деревянный кубик с буквой “Т”.

— Прости, что так вышло... Если сможешь.

У нее был нежный грудной голос с легкой прелестной хрипотцой.

Почему мне не сказали, что это она? Что это Влада? Все они твердили про Падшего в мужском роде. Специально, чтобы я воспринимал свою жертву как мужчину, соперника? Мужчины ведь не воспринимают женщин, как соперников! Или нет?

— Но как это случилось? Я тебя встретил у Хозяина... Если б я поехал другой дорогой...

— То встретил бы меня в другом месте, — подхватила Влада. Он сделала еле заметное движение, будто хотела коснуться меня, но сдержалась. — Все тропинки ведут на вершину.

Она огляделась, и я тоже, как зачарованный, посмотрел по сторонам. Мы и были на этой самой вершине, куда ведут все дороги, а не только ритуальная спиральная тропа.

— Есть силы, которые сильнее Праотцов и Великого Замысла.

— Судьба? — с сомнением уточнил я.

Зачем мы разговариваем? Что это изменит?

Влада повела плечом.

— Судьба — это след наших ног на песке прошлого. Сила, о которой я говорю, ведет нас в тумане настоящего. Уж прости меня за такие пышные метафоры... Эта сила ведет нас без маяков. Но всегда приводит к цели.

— К эшафоту, — сказал я.

— Я рождалась и умирала тысячи раз. Во все времена. Моя память многое отсеяла, но я помню самое главное.

— И что же?

Но она будто не слышала. Глаза затуманились, как в те дни, когда мы путешествовали вместе.

— Когда я родилась в этом теле, память прошлых жизней вернулась в детстве — дырявая и искалеченная, но вернулась. Три Волны лишили меня дара речи, и я немного сошла с ума. А может быть, и не немного.

Я вздрогнул. Она что, читает мысли? Или мы мыслим одинаково? Почему тогда между нами такая связь? Я ведь не Вадхак, а совсем другой человек. Падший же... точнее, Падшая та же самая.

— Меня инициировали песни Буйных, когда они явились на станцию к этим милым бедным старичкам.

Меня осенило.

— Так получается, что... Буйные явились к тебе? Тот Буйный в клетке Супругов их вовсе не звал?

Буйные закручивали хоровод вокруг Зрячих в поисках неинициированной Падшей. А те, кто был не Падшей, превращались в Бугименов... Когда Орда двинула легионы к станции, почуяв Зрячую, Влада ощутила их приближение и предупредила меня. Она была не в себе, и по сути это был другой человек. Маленькая полусумасшедшая девочка, привязавшаяся к парню, который заботился о ней.

— Да, — сказала Влада. — Мне жаль.

— И ты тогда вовсе не заболела... Ты начала перевоплощаться...

Влада посмотрела на свои руки. Тонкие, белые и изящные.

— Я не перевоплощалась. Я вспоминала.

— Мать Кира это поняла?

— Не сразу.

Повисла пауза. Тамтамы уже были не слышны, но и звуки природы не возвращались. Уши словно ватой забились. Солнце по-прежнему пряталось за тонкой пеленой облаков, его жар просачивался до земли, но мне было холодно, будто я находился в подземелье.

Я ощущал Матерь Киру оба раза, когда появлялся Падший, — потому что Влада путешествовала с ней!

— Скажи, Влада, почему ты восстала против Великого Замысла? Зачем снова и снова всходишь на эту... — я напряг память, — на эту Голгофу? Зачем тебе эти страдания?

Падшая неловко улыбнулась, и я внезапно понял, что она очень красива. Не внешней красотой, хотя Влада всегда была милая, а внутренней. От нее словно исходил свет.

Что это? Сатанинские происки?

— Потому что я хочу, чтобы... она победила.

— Кто победил? Ты о чем? О свободе?

— О силе, которая движет звездами. И нами — тобой и мной... И всей вселенной. Я хочу, чтобы победила Любовь. Это и есть главное, что я поняла за все жизни.

— Ты чего несешь? — вырвалось у меня.

Я вскочил.

— Какая нафиг любовь, Влада? Ты сейчас меня зачаровываешь, да? Ты реально сумасшедшая и от этого мучаешь всех людей?

Она опустила пушистые ресницы.

— Да, я сумасшедшая. Я хочу, чтобы люди всегда выбирали Любовь, а не Правила, какими бы полезными они ни были. Вот и все.

Я схватился за голову.

— Ну, блин! Как это по-бабски! Миллионы лет войны ангелов и демонов свести к любви! Тили-тили-тесто, блин! Сяськи-васяськи!

Влада фыркнула и дунула на челку, упавшую на глаза. Щеки покраснели, она рассердилась.

— Ничего ты не понял, глупый Тим! Свобода выбора есть у всех разумных людей. Даже у распоследних рабов, даже у Детей Земли, иначе Тим-младший не пошел бы за тобой, не покинул бы родную Общину. Мог бы и догадаться сам! Борьба идет не между имеющими свободу и не имеющими. Фишка в том, что важный выбор люди делают всегда по правилам, законам, понятиям, кодексам чести или мимолетным прихотям. Но выбор, Тим, настоящий выбор всегда нужно делать в пользу любви, и неважно, на что эта любовь направлена. Если она настоящая, то всегда благотворна. В отличие от законов и кодексов чести. Ты хоть представляешь, сколько разных законов и правил я повидала за свои жизни? Для меня они как пыль на ветру! Как следы на грязи!

Последние слова она выкрикнула неожиданно звучным и почти гневным голосом, и невесть откуда взявшееся эхо подхватило их:

“...как следы на грязи!..”

Я отшатнулся, глядя на эту девочку, которая меняла историю человечества. На мгновение забыл, сколько всего она помнит... Гилгул, чудовище в саване и кровавой короне, повелитель Буйных, Оборотней и сектантов, приносящих людей в жертву своему кошмарному божеству. И это все — она?

— Какая любовь может быть в Буйных, Влада? — прошептал я. — А в Оборотнях? А в Ушедших под Дьявольскую Музыку... Твою Музыку. Из-за тебя извратились Три Волны, и миллионы... нет, миллиарды людей пострадали! Я слышал твой истинный голос, когда за

нами пришла Даша. Ты сказала, что всего Трех Волн хватило, чтобы втоптать нашу хваленую цивилизацию в грязь!

Влада приподнялась, но так и не встала с колен. Развела руки, как в видении.

— Клянусь тебе, что не желала, чтобы так вышло! Три Волны действительно раз за разом втоптывают цивилизацию в грязь, не оставляют от нее ничего! И это неправильно. Да, я виновата, что исказила Великий Замысел моих братьев и сестер. Я их предала. Но я мечтала вовсе убрать эти Три Волны, уничтожить их навсегда. У меня не получилось... Все испортилось и извратилось, пошло не так, как мне бы хотелось. Я пытаюсь все исправить!

У нее влажно заблестели глаза, и я разозлился еще пуще. Она еще и слезами манипулирует? Чтобы я размяк?

Злость придала сил и уверенности. Ох и хитер дьявол, трудно с ним тягаться...

— Врешь, Падшая! — заорал я. — Где твоя корона? Где саван в крови? Дуришь меня, да? И еще это платье нацепила!..

— Тот облик, — сказала Влада, и при этом голос ее дрожал, а губы тряслись, — есть только в тонком мире... Он — отражение эгрегора Праотцов, их совокупного мнения обо мне... Их много, их эгрегор сильнее меня... Они видят во мне чудовище, и остальные люди видят не меня, а лишь чудовище...

У меня в ушах зашелестел голос Матери Киры:

“Я бы тебе посоветовала не верить ничему, что ты услышишь про Падшего, Палач. Падший — это ложь, покрытая клеветой и неправдой. И нет под ней никакой правды. Вот мой тебе совет, запомни его в следующий раз, когда про Падшего услышишь. Падший — как гнусный фейк, за который в прежнем мире головы с плеч летели. Понял меня?”

Нет, Кира, тогда я не понял. Теперь начинаю понимать.

“Палач — потому как суждено тебе казнить живых существ. Задач будет немало, но самая главная ждет в конце пути. И не завидую я тебе, Палач, когда наступит этот день. Будет он полон слез и крови. А тех, кто возложил на тебя эту ношу, еще встретишь”.

Я встретил их. И уже чую витающий в воздухе запах крови и слез. Во всем ты оказалась права — даже когда говорила в моих снах.

Праотцы своей магией создали фейк о Падшей — так получается? И магия фейка, так сказать, покрыла Владу саваном и прочими атрибутами inferнального чудища. Зачем Люциферу выглядеть ужасно, когда у него есть возможность принимать любой облик?

И какой облик у Падшего истинный?

Я спросил:

— Почему Даша хотела принести тебя в жертву? Она же твоя слуга!

— Она не хотела меня убивать. Только инициировать. Ритуал пролил бы мою кровь, но не убил. Я тогда была не в себе и не понимала всего.

— Охренеть, ты убила свою же последовательницу!

— Она проводила ритуал со всеми Зрячими в поисках Падшего. Работала по ментальной программе, которую я же и создала на случай, если потеряю силы и память... Программа срабатывает автоматически в день Первой Волны. Но Даша действовала чересчур грубо, такое поведение я в них не закладывала. Если бы я оказалась просто Зрячей, то погибла бы.

— У тебя на все есть оправдания...

— Я уже говорила, — сказала Влада, — что не буду сопротивляться, как раньше. Не буду убегать или сражаться. Я смертельно устала и если бы могла просто умереть... Казни меня, если считаешь нужным. Но не отводи взгляда.

Она понизила голос и совсем тихо, одними губами, прошептала:

— И скажи: за что ты ненавидишь меня?

Хватит. Поговорили — и довольно.

Я поднял Орудие Палача, и узоры, нарисованные самой Владой — точнее, другой Владой, немой и невинной, засветились ярче молний. Бита точно раскололась, и сквозь узорчатые трещины наружу вырвался свет ее огненного ядра. В Бите пульсировала огромная энергия — я чувствовал ее.

— Я ненавижу тебя за то, — начал я, — что ты... что я...

Я намеревался сказать про свою сломанную жизнь, про апокалипсис, про родителей и финансовый институт, в который никогда не поступлю. Но Падший, если ему верить, в этом не виноват. Три Волны задуманы не им... вернее, не ею.

— Я не знаю! — выкрикнул я. Бита пульсировала в моих руках все сильнее, увлекая меня, заставляя ударить, совершить казнь. Если бы не тонкая веревка, которую Тимка навертел вокруг рукояти, будто это был самурайский меч, мои ладони касались бы непосредственно Биты и ее энергия, наверное, просочилась бы в меня быстрее. — Не знаю, за что тебя ненавижу!

Влада молчала, смотрела неотрывно мне в глаза. Без страха и злости.

А если я ненавижу ее сейчас за то, что она не сопротивляется? За то, что делает выбор в сторону любви, даже рискуя жизнью? И требует, чтобы и я совершил тот же выбор?.. А я упрямо действую по программе Праотцов. И кто здесь раб?

Я читал в книгах, что в античные времена рабы понимали, что они рабы. Они были рабами только физически. Кого-то такое положение устраивало — всегда найдутся Юры, которым нравится рабство. А кого-то нет. В любом случае, был выбор — бороться за свободу или сидеть на заднице ровно. В современном же мире — до Трех Волн — большинство жило в рабстве абсолютном. Рабы и телом, и душой даже не подозревали, что их умы давно покорены ложью и лицемерием.

Расписная Бита ощутимо дрожала в руках, солнечный свет ослаб, и мои мысли путались. Я почти подчинился воле своего же Орудия.

Сейчас я ударю Падшую по голове.

Она не упадет — сила Сбора не даст ей упасть, пригвоздив к самому пространству.

А потом я начну финкой вырезать Падшей лицо, протыкать глаза, отрезать язык. Я должен буду разрушить этот ее нынешний образ.

И тогда Падшая умрет навсегда, и Великий Замысел сработает как надо. Механизм Трех Волн окончательно и бесповоротно “перезагрузит” наш несчастный мир.

И человечество двинется к счастливому будущему, запланированному Праотцами. Великие планы — это всегда великие жертвы. Интересно, что ответил бы Вид Пурвиа на насмешливый вопрос Матери Киры: “Планы у тебя?”

И больше никто не будет говорить о выборе в пользу любви. Любовь — штука неуправляемая, а потому опасная. Никто и никогда не контролировал ее, потому что любовь и контроль — вещи несовместимые. Если ты считаешь, что контролируешь любовь, задайся вопросом: а может, это вовсе не любовь?

Снова зазвучали тамтамы, они били по мозгам, заставляя привести приговор в исполнение. Я моргнул и в ярком неживом свете Биты увидел людей вокруг. Старики и старухи — старые, как земля и горы. Они ждали. Забавно: светлые Праотцы — дряхлые старики, даже в телах детей, а Падшая, ужасный гилгул, не способный упокоиться в

могиле, — юная и свежая дева в обоих мирах, тонком и грубом.

Может ли Палач стать судьей? Что если я случайно обреку мир на страдания еще на десять тысяч лет?

Я заорал и ударил со всей дури.

...Но не по Владе, покорно ожидающей удара, а по Виду Пурвиа, ветхому седобородому старцу.

Орудие Палача действует во всех измерениях. Праотец исчез в мгновенной вспышке. Я почувал, как где-то у подножия Кургана упал Толик, внезапно потеряв сознание. Выживет ли он? Не знаю. Я не думал об этом. Я наносил удар за ударом по старикам и старухам, Праотцам и Праматерям. Они исчезали, а внизу падали без чувств их носители.

— Остановись, Палач! — крикнул один из Праотцев, Вадхак. — Это ошибка! Мир снова пострадает!

Пусть мир пострадает. Пусть он исчезнет! Зачем он нужен, если все люди в нем снова будут слугами не ими написанных правил?

“Мы не духи, вселившиеся в тела детей. Мы и есть те давно умершие люди, рожденные снова в новом теле в преддверии очередных Трех Волн”.

Это ложь. Вы — духи прошлого, и это прошлое пора забыть. И весь ваш Великий Замысел — ложь, как и все великие замыслы и проекты.

Я ударил Вадхака и всех остальных древних. Они не пытались скрыться — Спиральный Курган не то место, где можно скрыться от Орудия Палача. Они исчезали один за другим во вспышках ослепительного света.

Надеюсь, навсегда.

Я остановился, задыхаясь и опустив Биту. Узоры на ней продолжали гореть неистовым накалом, но энергия, бьющая в ладони, заметно ослабла. Все Праотцы и Праматери пропали, как утренний туман над морем.

— Наверное, меня проклянут все следующие поколения, — пробормотал я.

И тут издали, то ли из глубин памяти, то ли из тонкого мира — я уже запутался во всех этих звуковых и визуальных спецэффектах, — прозвучал далекий, до боли знакомый голос:

“Что бы не случилось, сынок, что бы не произошло, помни: мы будем тебя всегда любить”.

Эти слова мне сказала мама, когда я уходил из дома этой весной — целую вечность назад.

Родители — нечто особенное. В отношении детей настоящие родители всегда делают выбор в пользу любви. И это единственно верный путь.

Я протянул руку Владе. Она помедлила — видно, была шокирована, хотя и повидала за свои жизни много всякого. Все же взяла меня за руку и встала на ноги. Силы Сбора больше не было, и не стучали тамтамы. Я вдруг осознал, что слышу пение птиц, жужжание насекомых, шелест ветвей... и дыхание вселенной.

Я сказал:

— Идем.

— Куда? — спросила Влада.

— На море. Будем сидеть на берегу и молчать. Или разговаривать. Зависит от настроения.

Она улыбнулась. Бледное лицо наливалось румянцем.

— Хорошо!

И мы начали спускаться со Спирального Кургана.

Больше книг на сайте - Knigoed.net